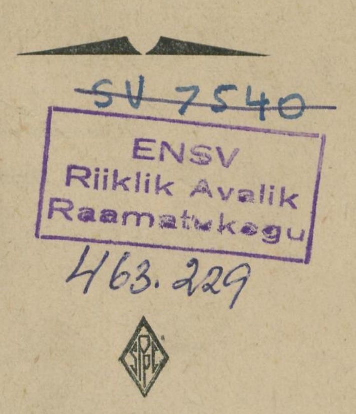
4644

БИБЛІОТЕКА О-ва
„Русская Школа въ Эстоніи"
Отдѣлъ . . . . . №

Павел Сѣверный.

ОЗЕРО ГОЛУБОЙ ЦАПЛИ

Издательство „СЛОВО"
238 Avenue du Roi Albert
Шанхай.
1938

Всѣ права сохранены за авторомъ.
All rights reserved.

Обложка работы художника

М. Бартен-Ковригина.

Книга отпечатана в собственной
Типографіи Издательства „СЛОВО"
238, Avenue du Roi Albert
Shanghai.

ENSV

Озеро голубой цапли

Бородину,

Владиміру Александровичу

посвящаю.

1

В легендах говорилось, что озеро священно.

В преданіях народных упоминалось, что напившійся из него воды познает в жизни истинную радость и счастье.

Легендам вѣрили.

Преданія не опровергали...

***

Водяное зеркало озера блестѣло в горной долинѣ в оправѣ лѣсистых гор.

Горы с париками лѣсов, низко надвинутыми на лбы скал и обрывов, вплотную подступили к нему со всѣх сторон.

Жившіе в прошедшіе вѣка назвали его «Озеро голубой цапли»...

Озеро в странѣ древних легенд и в нѣкоторых из них о нем разсказано много таинственных небылиц.

Но каждый кто хотя бы раз видѣл его живописность на морщинистом ликѣ китайской земли, тот охотно вѣрил любой легендѣ, соглашался с каждой небылицей.

Особенно красиво оно осенью, когда сентябрь не скупится на краски природы, украшая берега, переливчатыми тканями осенней парчи.

В осеннюю пору озеро похоже на старинный гобелен...

***

На одном из береговъ там, гдѣ скалы близко подступили к водѣ отвѣсной кручей, стоят пагоды буддійскаго монастыря—«Лѣстница млечнаго пути».

Окружают их высокіе со стальным отливом кипарисы, стволы которых от старости обросли зеленовато-сѣдыми бородками мха.

Окружают их утесы, раскрашенные синяками лишаев.

Дикія, суровыя утесы с глубокими трещинами, а по ним горные родники торопятся влить в озеро чистую, холодную воду.

Ведет к пагодам, выходя из воды, широкая лѣстница, выдолбленная в обрывѣ берега, болѣе чѣм в сто ступеней и, как знать, может быть, она начинается на днѣ из тайной подводной сокровищницы.

Когда поднимешься по лѣстницѣ на берег, то попадешь в пещеру продолбленную в скалѣ, за ней в узкій корридор между скал, дальше в аллею каменных идолов и, пройдя нѣсколько круглых ворот в стѣнах, выйдешь на площадь, а на ней в кипарисовых рощах стоят павильоны монастыря и на их фасадах по еще не совсѣм стертым іероглифам иногда удается прочесть кому прежде были посвящены их алтари.

Монастырь теперь почти развалины, свидѣтельствующія о том, что когда-то здѣсь была крѣпость религіи, крѣпость великолѣпія, которым фанатики прошлаго окружали свои религіозные культы.

Полуразрушенныя пагоды, путанные лабиринты колонн, поддерживающих тяжелыя черепичныя крыши, изваянія богов все это до сих пор таит в себѣ волнующую мистическую недосказанность и тайну.

Столѣтія прошли.

Прошли вѣка и для потомства оставили о себѣ слѣды: звучныя легенды в памяти народа об озерѣ и реальныя развалины монастыря на его крутом берегу.

Тѣсными кольцами кое гдѣ порванных цѣпей охватили озеро лѣсистыя горы и стерегут развалины монастыря от зубастых челюстей безпощаднаго времени.

Теперь монастырь почти забыт и не покинут только немногими монахами.

Дряхлые ученые монахи, оставшись в его стѣнах, трогательно сберегают свою вѣру в святость мѣста, молятся уцѣлѣвшим идолам, хранят от разрушенія рѣдкія изваянія божеств - творенія мертвых и забытых мастеров.

Монастырь сильно разграблен.

Все, что можно было украсть, украдено и про-

дано в иностранные музеи и антикварныя лавки больших городов.

И если настанет то время, когда в монастырѣ не останется ни одной живой души, пагоды, постепенно разрушаясь, простоят еще долгіе годы и их крыши всегда будут казаться распростертыми крыльями гигантских птиц, гордо парящих над озером.

На самом краю обрыва стоит каменная статуя Будды.

Изваяніе обросшее разноцвѣтными мхами с величавой улыбкой спокойствія смотрит вдаль на цѣпи горных хребтов, до мельчайших подробностей отражаясь в водѣ.

Будда, созерцающій солнце, облака и звѣзды.

На каменных плитах пьедестала статуи, проросшего травой и завитого кустарником роз, у ног Будды в жертвенникѣ всегда дымятся душистыя куренія. А высоко над головой идола вѣтер колышет зонты орѣховых деревьев, как бы стараясь спасти лицо Будды от лучей сентябрьскаго солнца.

Солнце слишком ярко.

Под его лучами статуя, забрызганная красками с осенней палитры, кажется закутанной в причудливое одѣяніе и как будто ждет несбыточной феерiи былого поклоненія своему величію...

Напротив развалин монастыря, там, гдѣ при-

брежныя скалы не так высоки и обрывисты, над водой величественно возвышается холмистый остров соединенный с берегом искуственным молом.

На островѣ, на горбах холмов, стоят обнесенныя стѣнами строенія помѣстья рода Шунов -древняго и памятнаго в исторіи Китая.

Рощи спрятали их от любопытных посторонних глаз и только глубокой осенью, когда с деревьев опадут листья, нѣкоторыя из них будут видны с озера издалека.

Три стѣны опоясывают помѣстье.

И за каждой из них медлительно проходит различная жизнь людей.

За глубоким, сырым, дурно пахнущим рвом, за первой стѣной живут трудолюбивые крестьяне. Живут среди пыли, грязи, удушающей испарины собственнаго пота, вмѣстѣ с собаками, свиньями и ослами. Всѣ они поколѣніями трудятся на полях рода Шунов; плодятся, умирают от эпидемій, до сыта поят кровью насѣкомых, работают день и ночь ради пищи для начинки желудка. За первой стѣной всегда пахнет чесноком, кричат ослы и плачут дѣти...

За второй стѣной с бойницами болѣе высокой, чѣм первая, в садах разбиты цвѣтники и аллеи, а под шатрами высоких деревьев, скрытыми уютными гнѣздами, хоронятся дворцы помѣстія. Здѣсь из-за шелеста деревьев не слышен шум жи-

вущих за первой стѣной, вѣтер сюда никогда не приносит запах чеснока. Здѣсь царство тишины, в котором живет мистика древности.

За третьей стѣной, опоясавшей самый высокій, главенствующій над островом холм, окруженный шестью башнями, стоит храм Будды.

Громады пагод гордо смотрят на горизонты и на развалины монастыря напротив из под нависших бровей крышъ, тяжело опираясь на толстыя колонны. Только пѣніе их гонгов и звоны колоколов нарушают тишину в садах помѣстья, а рокот барабанов на их башнях в глухіе часы ночей уносится вѣтром через пространство озера и как отдаленный гром грозы слышен всѣми кто живет по его далеким берегам.

Стоят пагоды буддійскаго храма и кажутся издали воздушными, как будто образовались из пробѣгающих по небу тяжелых сѣрых тучъ, кажется, что достаточно только подняться урагану и пагоды — призраки на холмѣ острова разсѣются и исчезнут.

Но пагоды стоят, не боясь никаких ураганов, опершись на плечи холма и терпѣливо, устало и безразлично считают проходящіе годы новаго вѣка, и призрачными кажутся только тѣм, кто смотрит на них из окон поѣзда, мчащагося вглубь Китая.

***

Около острова озеро поросло лотосами и ка-

мышами, и в их зарослях важно разгуливают стройныя дымчато — голубыя цапли в изящно сшитых черных фраках. Низко перелетая с мѣста на мѣсто они всегда о чем то сокрушенно и тоскливо кричат, как будто разсказывают друг другу безконечную исторію птичьей жизни.

Иногда, по только для них понятным причинам, цапли тысячными стаями поднимаются в просторы небес, часами кружатся над водой и островом и свистящій шелест их крыльев заглушает тогда шумы земной жизни, как будто в воздухѣ кто то невидимый безконечно разрывает полосы шелка.

2

Догорал закат.

По спокойной поверхности озера плыли шаланды, с расправленными крыльями парусов с цвѣтными заплатами. На многих из них звучали унылыя пѣсни, — пѣсни уставшаго кули, взгрустнувшаго о неизвѣданной им в жизни ласкѣ и любви, пѣсни, разбуженныя очарованіем природы в душѣ раба изнурительнаго труда.

Но краски заката потухали быстро.

С берегов к водѣ крались сумерки,

Налетѣл вѣтер, изшершавил эмаль зеркальной воды, зашевелил осеннія деревья и листья закружились, падая в воду, запорхали легкой, многомилліонной стаей желтых бабочек.

Над озером запуржила вечерняя метель сентября

Из глубины горных лѣсов эхо доносило рев диких коз. На берегах то тут, то там вспыхивали огни костров, манящіе к своему трепетному теплу.

Ночь наступала.

Перед ее приходом смолкали шумы дневной жизни и только цапли перекликались, как бдительные часовые.

Оживали над водой густые туманы и прозрачными ліанами тянулись к берегам острова, чтобы дышать сыростью в садах древняго помѣстья...

***

Скрипя ржавыми петлями, закрылись ворота в первой стѣнѣ и отрѣзали жизнь помѣстья от внѣшняго міра.

Ночь наступила черная.

За стѣной, пугаясь темноты, орали ослы.

Бум! Бум! Бум!

Гудѣли барабаны на сторожевых башнях храма, возвѣщая, что наступили часы, когда всѣм разрѣшается отдыхать от трудового дня.

Особенно темно было в садах помѣстія...

Вдруг на башнѣ прилѣпившейся, как гнѣздо ласточки, на отвѣстном обрывѣ холма, вспыхнул огонь.

Это ламы зажгли костер, встрѣчающій восход

луны. Все сильнѣй и сильнѣй разгорался зловѣщій факел, желая прежде луны найти и освѣтить зрачки ночи.

Глухо и угрожающе гудѣли барабаны.

Воды озера не видно: она стала черной и слилась с берегами.

Нѣт озера...

Но вот в одной сторонѣ за хребтами гор, за кружевами лѣсов горизонт пожелтѣл и, как бы крадучись, неувѣренно выглянул пурпуровый шар луны, как зажженный бумажный фонарь. Он не освѣтил, а только подкрасил поверхность озера — тревожным свѣтом очертил на берегах острова силуэты садов, небритую щетину камышей, бородавки лотосов и все еще плывущія шаланды.

Собаки, спущенныя с цѣпей в ров для охраны помѣстья, встрѣтили появленіе луны оглушительным лаем, заставивши ослов прекратить свой дикій концерт.

Луна, поднимаясь выше и выше, медленно серебрилась, постепенно разгоняла темноту, отыскивала все, что было в ней спрятано на землѣ...

Ламы, зажегшіе костер, внимательно слезливыми, старческими глазами разсматривали еще видимыя на лунѣ темныя пятна и старались отыскать в их формах откровенія для своих будущих предсказаній.

Ночь стала голубоватой.

Озеро отражало в себѣ силуэты берегов.

Потом оно как будто треснуло пополам, и трещина заблестѣла полосой расплавленнаго металла...

Луна заботливо обозначила всѣ морщины и опухоли на ликѣ китайской земли.

Бум!

Послѣднiй раз прогудѣли барабаны и эхо повторило их гул в далеких горах.

На башнѣ догорѣл встрѣчавшiй луну костер, подул вѣтер и погнал его смолистый дым со скал холма к водѣ, постелив сизым саваном на поверхности озера.

Вѣтер, видимо, испугался, что луна разбудит в озерѣ тайны его царства и онѣ отражаясь в изумрудной водѣ, покажутся людям.

Удлиненныя, густыя неподвижныя тѣни легли на землю от дворцов, кумирен и фанз.

Но тѣни около деревьев зашевелились и заползали.

В сыром рву перед стѣной помѣстьiя, поджав хвосты, собаки взвывали от тоски, задирая морды к небу...

3

На островѣ одна аллея кипарисов, выложенная каменными плитами, вела к ущелью между угрюмых скал.

В узком коридорѣ, переходящем в природный тоннель, тяжелые, окованные мѣдью, ворота преграждали путь в маленькую лощину — самое скрытое мѣсто помѣстія.

В лощинѣ среди запущеннаго парка, окруженные серебристыми водопадами горных ручейков, стояли пять дворцов помѣстья и в самом большом из них жил старшій потомок рода — престарѣлый маршал Шун-чен-чанг.

Во дворцѣ был зал из бѣлаго мрамора и среди его роскоши проходила жизнь маршала.

Зал, помнившій улыбки четырех вѣков.

В его стѣнах раздавались шаги и голоса многих замѣчательных людей Китая.

Бѣлыя колонны с красными, как будто кровяными, жилками обвиты гибкими чешуйчатыми бронзовыми драконами. С потолка на длинных золоченых цѣпях низко спускаются тридцать фіолетовых фонарей.

На стѣнах развѣшаны безцѣнные уникумы рѣдчайших панно. Среди них, конечно, есть панно с любимым персонажем древней мифологіи, добродушным стареньким мудрецом Шу-Лао с неизмѣнным оленемм двумя летучими мышами, символизирующими вѣчную жизнь. Многіе из них выполнены на красном сукнѣ, что является теперь особенно цѣнным, ибо в далекіе годы созданія панно шер-

стяная матерія цѣнилась выше шелка, и почти всѣ они вытканы кропотливым ручным способом (ко-су). Есть среди них также вышитые на шелку классическаго краснаго дворцового цвѣта, который от древности принимает желтовато-оранжевый оттѣнок. Пол устлан коврами и шкурами звѣрей, среди которых больше всего тигровых.

Стоят вазы из стариннаго блѣдно-розоваго фарфора. На одной из стѣн висит портрет Ли-хун-чанга, мастерски исполненный шелком, портрет почти с фотографической точностью воспроизводит облик выдающейся личности. Под иглой в руках одареннаго вышивальщика на портретѣ ожила вся могучая сила временщика, сумѣвшаго так ярко занести свое имя в безсмертныя страницы исторіи.

По серединѣ зала в рамѣ позолоченнаго экрана портрѐт замѣчательной женщины Китая — вдовствующей императрицы Цзи-си. На портретѣ она, на красочном панно, изображена полной старѣющей женщиной с лицом овальным, некрасивым, но выразительным.

Кромѣ двух больших портретов в залѣ множество других и не только своих соотечественников, но также выдающихся людей Запада, с которыми маршалу пришлось столкнуться на протяженіи своей восьмидесяти лѣтней жизни.

***

В этот поздній вечер, когда луна озаряла озеро,

в залѣ из тридцати фонарей зажжены были только одиннадцать.

Ровный фіолетовый свѣт залил зал, загнав темноту в далекіе углы.

Маршал лежал на подушках желтаго императорскаго шелка. Он только недавно проснулся и прищурившись слѣдил как слуга кипятил в фарфоровом чайникѣ воду горнаго источника, чтобы заварить, любимый им, душистый, терпкій, блѣдно зеленый чай.

Плавали по залу волокна сѣроватаго опійнаго дыма.

Привстал маршал, сѣл, поджав под себя ноги.

Средняго роста в черном шелковом халатѣ, сухой, сгорбившійся. Желтая кожа лица прозрачна, как воск, на висках землистыя пятна. Лицо похоже на маску, удлиненную сѣдой, рѣденькой бородкой; усы — нѣсколько волос в углах рта, опущенные вниз; губы бураго цвѣта, нижняя брезгливо отвисла, обнажая ряд желтых здоровых зубов. Глаза в узких щелках морщинистых вѣк, блестящіе, прищуренные и властные, они пытливо смотрят на каждаго, кого видят перед собой.

Маршал похож на стараго орла. Старость заставила его покинуть облачныя высоты, спуститься на землю, бродить по которой для него так непривычно и унизительно.

На головѣ маршала шапочка с шишкой из гладкаго краснаго коралла.

Около него, на низком рѣзном столикѣ на подносѣ с перламутровой инкрустаціей, лампа для разогрѣванія опіума, трубки из черной черепахи и из орлинаго дерева «Ки-нат», иголки, чубуки нефритовые и фарфоровые.

На подушках в чашках зеленаго и бѣлаго нефрита душистые персики...

Уединенно живет теперь маршал.

Его не волнует, не захватывает больше то, что творится вокруг. Уйдя от внѣшней жизни раз навсегда, он глубоко разочарованный во многом удалился на покой в свое родовое гнѣздо и посвятил свой досуг чтенію старинной классической мудрости и куренію опіума.

Он пережил многих друзей и соратников ушедшаго императорскаго періода. Они один за другим ушли в вѣчный покой, а он продолжал бродить по амфиладам своего дворца.

Не стало хитраго и коварнаго честолюбца Ли-хун-чанга. Не живет больше дерзновенный Юан-ши-кай. Умер Сун-ят-сен мечтательный и пламенный пророк новаго Китая. Страну ведут к свѣту незнакомые ему вожди. Но он не интересуется их подвигами, ибо увѣрен, что подвиги людей умерли в тот день, когда в странѣ перестал править Богдыхан.

Всѣми забытый и всѣх забывшій, сам он в помѣстіи своих предков терпѣливо ждет запоздавшую смерть.

У маршала есть утѣшеніе для старости.

Два сына.

Старшій Шен — конфуціанскій философ и первосвященник,

Младшій Чен — извѣстный дипломат современнаго Китая.

Оба сына уже нашли свои торныя тропы жизни и старик спокоен от сознанія, что они сумѣют достойно почтить его смерть.

В каждом из них частицы его характера и ума; каждый по своему мечтает о величіи родины.

Чен — любимец старика. Будучи дипломатическим представителем правительства в Европѣ, четыре года тому назад, он женился в Парижѣ на русской, покинул политическую работу и совсѣм недавно вернулся на родину. Его неожиданный пріѣзд и уход в отставку напугал старика, и вызвал долго несмолкавшіе толки в печати, но сам Чен на всѣ вопросы об уходѣ от политической работы отвѣчал желаніем посвятить себя заботам о здоровьѣ жены и воспитаніи ребенка.

Женитьба Чена на европеянкѣ потрясла маршала, он был оскорблен тѣм, что кровь его славнаго рода смѣшалась с кровью бѣлой расы.

После пріѣзда сына в помѣстье он, вначалѣ, не хотѣл его видѣть, требовал расторженія брака, но послѣ выслушав доводы сына, и не желая понимать и мириться с его непонятными взглядами на жизнь, в концѣ концов, разрѣшил ему посѣщать себя, отказавшись видѣть когда — либо его жену и внука.

***

Глубоко вздыхая погруженный в раздумье, маршал пил пахучій чай.

В глубинѣ дворца мелодично зазвенѣл гонг, извѣщая, что кто то осмѣлился нарушить покой маршала. В зал, низко кланяясь, вошел слуга и передал, что сын Чен просит принять его без промедленія.

На лицѣ старика ожила улыбка, — он закивал головой, слуга вышел и скоро в дверях появился Чен, склонившись в поклонѣ.

Высокій худой довольно красивый китаец.

Поцѣловав плечо отца он обратился к нему на изысканном нарѣчіи, которое с гибелью дворцовой жизни сохранилось только в очень немногих семьях.

— Дорогой отец, хозяин моей ничтожной жизни, луна своим холодным для меня свѣтом указала моим глазам путь к дворцу, в стѣнах котораго бьется твое великое и гуманное сердце.

— Я, твой сын, осмѣлился переступить порог твоего чертога и дерзнуть еще раз напомнить тебѣ о своей давнишней, почтительной просьбѣ.

— Моя жена глубоко обижена твоим незаслуженным к ней суровым отношеніем. Я снова прошу тебя любимый отец перебрать в памяти твои мысли о ней и принять ее с моим сыном, твоим почтительным внуком, сказать им нѣсколько ласковых мудрых отцовских слов.

— Прежде я никогда не смѣл просьбами пугать покой твоей старости, но сейчас должен это сдѣлать и если твое мудрое но жестокое рѣшеніе останется неизмѣнным, то завтра, когда взойдет солнце, я буду вынужден вмѣстѣ с моей семьей покинуть навсегда твой негостепріимный дом, даже в том случаѣ, если заслужу этим твою вѣчную немилость...

Услышав спокойную и рѣшительную рѣчь сына, маршал встал, выпрямился, большими шагами заходил по залу, долго о чем то думая, стоял перед портретом Ли-хун-чанга.

Подошел к сыну вплотную, прищурившись смотрѣл на него, положил руки на его плечи, склонив голову, дрогнувшими губами прошептал:

— Чен, твой старый отец любит своего упрямаго сына и хочет, чтобы он привел к нему свою семью...

***

Когда обрадованный Чен покинул зал, маршал нѣсколько раз ударил в гонг и тотчас вошли слуги. Он приказал им открыть окна и выгнать паутину опійнаго дыма и зажечь всѣ фонари.

Слуги плавными движеніями безшумных опахал из орлиных перьев разсѣяли завѣсу дыма, зажгли всѣ тридцать фонарей и в залѣ освѣщенном фіолетовым свѣтом ожила чарующая восточная сказка.

Посрединѣ зала поставили кресло из чернаго дерева покрытое шкурой барса, к нему от дверей постелили красный ковер.

Маршал переодѣтый в голубой халат сѣл в кресло...

В глубинѣ дворца снова зазвенѣл гонг, кто то невидимый раздвинул парчевый занавѣс дверей и в них показался Чен держа на руках мальчика, а рядом с ним стояла европейская женщина.

Медленными шагами Чен подошел к отцу и отдал ему ребенка. Мальчик удивленно разсматривал взявшаго его руки незнакомаго старика. Дрожащей рукой маршал погладил ребенка по головкѣ. Вздрогнул... Волосы ребенка были мягкими, шелковистыми, но зато глаза были глазами китайца. Крик радости вырвался из груди старика, нѣжно прижав к себѣ ребенка, он встал и пошел к жен-

щинѣ, неподвижно и сконфуженно стоявшей около одной из колонн.

Маршал остановился около нея, протянул руку и, когда блѣдная тонкая рука женщины легла на ладонь маршала, он неожиданно для себя растерянно поцѣловал ее сухими губами.

Слезы волненія и радости заблестѣли в его глазах...

Он что то шептал, но женщина не понимала этого шопота...

Тридцать фонарей освѣщали зал фіолетовым свѣтом.

В залѣ, помнящем улыбки четырех вѣков бѣлая женщина дышала его воздухом первый раз.

4

Сегодня набѣжавшія с вечера облака не позволили лунѣ перекрашивать сажу ночи в бирюзовый цвѣт...

В полумилѣ от острова, поднимался из воды маленькій, скалистый островок, заросшій рощей бамбуков.

Теперь уже никто не помнит. когда, отломившись от острова, упала в воду глыба его гранита, никто не знает и не может понять, как она могла так далеко упасть.

Но рыбаки и крестьяне с берегов озера часто любопытным разсказывают о том, что островок

это вовсе не упавшая в воду скала, а оброненная небом погасшая звѣзда и в подтвержденіе правдивости своих разсказов ссылаются на древнее преданіе, правда, никѣм нигдѣ не записанное.

На островкѣ из постоянно волнующейся бамбуковой рощи, поднимается крыша ажурнаго павильона. В нем живет теперь молодая конкубинка маршала, так как старость еще не совсѣм усыпила в нем власть страсти, иногда требующей женской ласки...

В ночной бамбуковой рощѣ на терассах павильона, дремали в темнотѣ цапли, стадами собираясь на ночлег, оглашая тишину лѣнивыми перекличками.

Давным давно этот павильон был построен для брата маршала — горбатаго поэта, писавшаго трогательные стихи о жизни голубых цапль на берегах священнаго озера. Разсказывают до сих пор, что он первый прикормил пугливых птиц, заставил их полюбить свою жизнь, для них он часто распѣвал в ночной тиши стихи о вольной птичьей душѣ.

Говорят, что с тѣх пор цапли выбрали островок для своего ночлега и не ушли с него и послѣ того, как конкубинка по приказу маршала была вынуждена переселиться из дворца в павильон среди бамбуков.

Цапли также очень скоро привыкли к жизни одинокой женщины...

* * *

Вода причмокивая плещется о каменистые берега.

Как шелк, шелестит от порывов вѣтра листва бамбуков.

Вслушиваются в этот шелест чутко дремлющія цапли, по своему понимая то, о чем ночью шелестят бамбуки.

В маленьком залѣ павильона со многими овальными зеркалами, отражающими каждый уголок и предмет, проходит жизнь наказанной маршалом легкомысленной женщины, посмѣвшей его ласки предпочесть краденным ласкам другого.

Медленно падают в вѣчность прожитые ею дни, как капли с листьев по утрам послѣ ночной росы...

Огонь толстой свѣчи, пробиваясь сквозь шелковые стѣнки фонаря, едва желтил густой мрак зала.

Под фонарем-широкій диван, покрытый парчей. Около дивана на низеньком красном столикѣ, около серебряной коробки, мигая голубоватым огоньком, горѣла хрустальная лампочка, а рядом с ней лежала длинная роговая трубка инкрустированная золотом и перламутром.

Столик с ядом опіума.

Над безпомощным огоньком лампочки еще вился струйками дымок недавно выкуренной трубки.

Среди разбросанных по полу шелковых подушек ходила по залу молодая китаянка, сопро-

вождаемая едва замѣтной тѣнью, отражаясь в зеркалах. А за дверью зала дремала старая ама, приставленная маршалом охранять вѣрность и покой узницы маленькаго островка.

Е-ин — звали китаянку.

«Лунная тѣнь» означало ее нѣжное имя.

Молодостью гибкаго тѣла она дѣйствительно напоминала лунную тѣнь, упавшую на воду, от стройнаго стебля цвѣтущаго лотоса. Это имя дали ей в шумном Кантонѣ, гдѣ она еще не так давно сводила съума мужчин, распѣвая пѣсни любви. Знаменитая дѣвушка ночного Кантона с голосом соловья. Идол южнаго Китая, рожденная на сампанкѣ бѣднаго рыбака и тотчас же послѣ появленія на свѣт проданная родителями в рабство.

Ненасытная страсть к богатству и честолюбіе привели Е-ин на берега озера, когда она стала конкубинкой стараго маршала Шуна.

Три года тому назад слух о ея пѣснях привлек вниманіе маршала и он, приказав заплатить огромныя деньги, выкупил ее из рабства для сладостнаго покоя послѣдних лѣт жизни.

Год ея жизнь шла в дворцах помѣстья. Звучали в них звонкія то радостныя, то грустныя пѣсни; ея ласки пробуждали жизнь крови в старом тѣлѣ маршала и благодарный он боготворил свою возлюбленную, исполняя малѣйшія желанія и честолюбивые капризы. Но юность Е-ин - потребность едва проснувшагося тѣла женщины, звали к

неиспытанному грѣху и она нашла путь к исполненію своих желаній, вздрагивая в объятіях молодого ламы из буддійских храмов за третьей стѣной острова, утомляя себя его первобытными ласками.

Краденыя ночи страсти тянулись мѣсяцы, и кончились внезапно, когда их свиданіе в паркѣ увидѣл маршал страдавшій от безсонницы в роковую для них ночь.

Монах был изгнан с острова, и скоро Е-ин узнала, что молодой любовник был найден в горах задушенный тонким шелковым шнуром. А она, по приказу разсерженнаго и обманутаго маршала, поселилась в павильонѣ на островкѣ.

Мѣсяц послѣ опалы Е-ин провела в полном одиночествѣ, но постепенно память о ея пѣснях, о нѣжных ласках молодости побѣдила гнѣв старика и он вновь призывал ее во дворец, чтобы коротать длинныя безсонныя ночи, слушая ласковый шепот ея губ. Но старческая ревность, боязнь новаго коварнаго обмана не позволяли маршалу довѣрять ей и он по прежнему не разрѣшал Е-ин покинуть одинокій павильон.

И только совсѣм недавно, в ночь послѣ встрѣчи с внуком, растроганный старик обѣщал послѣ смерти щедро наградить ее и вернуть полную свободу.

Продолжая тайно страдать о задушенном монахѣ и чтобы забыться от нудной тоски, Е-ин

курила опіум и в сладком дурманѣ наркоза находила временный покой, переставала грустить, не так тяготилась своим вынужденным ненавистным одиночеством.

И часто во время ночных свиданій, играя маршалу на домрѣ или свирѣли, она курила вмѣстѣ с ним опіум и, отуманенная бѣлым дымом, принимала старческія ласки за ласки задушеннаго буддійскаго ламы. Послѣ таких ночей разбитая возвращалась в павильон, спала, мучимая бредовыми кошмарными снами. Не зная как скоротать дневные часы, безцѣльно бродила по бамбуковой рощѣ среди птиц и кормила их из розовых узких рук и все время думала только об одном мучительном желаніи: о смерти маршала и наступленіи дня своей полной свободы. Перед глазами тогда оживали заманчивые миражи будущей жизни, вѣтер приносил с собой шум людской жизни с дальних берегов и, с проплывавших мимо шаланд, этот шум напоминал ей слышанный и незабытый шум огромных городов, по ночам залитых ярким неоновым свѣтом. В шелестѣ бамбуков в такія минуты звучала для нея музыка дикаго веселья и глаза дымчато-голубых цапль напоминали глаза мужчин, затуманенныя от желанія ласк ея молодого прекраснаго тѣла...

А одинокими вечерами, когда маршал не звал ее к себѣ, она курила опіум и слушала музыку, доносившуюся с берега осторова и знала, что эту музыку принесла с собой в своей душѣ бѣлая же-

на Чена. Звуки музыки пробуждали в ней особенно дерзкіе помыслы о свободѣ. Бывали минуты, когда в мыслях оживал страшный план об ускореніи смерти маршала от искустно отравленнаго чая, поднесеннаго рукой подкупленнаго слуги. В такіе моменты Е-ин металась по залу и, сознавая свое безсиліе, оглашала его тишину громкими рыданіями...

А ночь тянулась медленно. Е-ин ходила, вслушиваясь в ея шорохи, все еще ждала шагов посланца из дворца, чтобы вмѣстѣ с ним, переплывъ озеро, уйти от одиночества, утѣшая старика, страдающаго мучительной безсонницей.

Но шагов сегодня не слышно, не слышно музыки бѣлой женщины и только переклички цапль нарушали безмолвіе сентябрьской ночи...

5

На берегу острова у самой воды стоял дом, опутанный крѣпкими канатами глициній.

В озеро опять смотрѣлась луна, когда Анна Шун в дѣтской укладывала сына спать.

В пушистом халатикѣ мальчик стоял на колѣнях и читал молитву.

— Боженька сохрани папу и маму. Во имя Отца и Сына...

Прищурив один глаз, он лукаво посмотрѣл на мать.

— Не шали малюсенькій. Святого Духа, Аминь.

Закрыв лицо ручонками, мальчик наскоро повто-

рил сказанныя матерью слова молитвы и, снова взглянув на нее, погрозив пухлым пальчиком, сказал:

— Мамочка, спокойной ночи, и не забудь завтра утром дать мнѣ шеколадку.

Юркнул в кровать и смѣясь зарылся в складках теплаго одѣяла. Матери стоило больших трудов успокоить его шалости и еще долго по комнатам дома из дѣтской разносился звонкій смѣх...

***

Послѣ того, как ребенок крѣпко уснул, Анна вышла из дѣтской и прошла в комнату, задрапированную синими шелковыми занавѣсями, на которых золотом и серебром были вышиты варіаціи классическаго мотива морских волн, облаков и извивающихся драконов с пятью когтями.

Вдоль стѣн в стеклянных шкафах на рѣзных подставках чернаго дерева стояли вазы далеких вѣков и династій с рисунками, хранящими свѣжесть неувядаемых красок, вдохновенно нанесенных кистью создавших их мастеров, вазы от легкаго прикосновенія к ним издающія звенящій, как серебро, только в Китаѣ возможный, звон фарфора; вазы с едва замѣтными паутинками трещин от лѣт своей старости.

Стоял раскрытый рояль.

Лунный свѣт сквозь узорную рѣшетку стѣны,

отдѣляющей комнату от терассы, намѣтил на коврах пола мягкіе рисунки тѣней.

Анна раздвинула рѣшетку, вышла на терассу, сѣла на перила, обняла тонкую точеную колонну и, прислонившись к ней, смотрѣла на очарованіе озера в перламутровой чешуѣ луннаго сіянія.

Совсѣм близко в зонтообразных листьях лотоса плескались струи воды. Никли с берега гирлянды ив. Дальше зеркало озера уводило взгляд к неясным берегам, подернутым вуалями лунных туманов, а на них уходили в безконечность вначалѣ темно синіе, постепенно блѣднѣющіе хребты гор. И уже за ними, еще дальше, гдѣ теряется для глаз черта безконечности, был горизонт и на его нѣжном фонѣ, ярко помигивая, полыхали звѣзды. Осеннія звѣзды, пылающія, которыя не может потушить даже полнолуніе.

Подул свѣжій вѣтер. Аннѣ стало холодно; она вернулась в комнату, накинула на плечи тяжелую шелковую шаль и закурила. Дым длинными струйками выползал на терассу и разсѣивался.

Анна скучала без Чена. Мужа не было дома; по вызову старшаго брата он уѣхал в конфуціанскій монастырь. Это был ее первый одинокій вечер на островѣ.

Потушив сигарету, она подошла к роялю, услышала, как непріятно далеко выли собаки. Пальцы прикоснулись к холодным клавишам и прозвучали первые аккорды...

Анна импровизировала, играя простую мелодію, в которой доминировали звуки покоя, тихой радости, голоса согрѣтой души. Мелодія Анны ничего не будила, никуда не звала, ничего не обѣщала, а только пѣла о том, что все достигнуто и на душѣ у игравшей хорошо и свѣтло...

В звуках мелодіи отражалась душа Анны так недавно получившая право на самостоятельность, освобожденная от подчиненія материнской волѣ...

Двадцать восемь лѣт тому назад Анна родилась в снѣжной Россіи, росла избалованной дѣвочкой, когда революція послѣ смерти отца заставила ее с матерью стать эмигранткой. Она выросла в Парижѣ в нудной нищетѣ; болѣзнь матери заставила ее испытать труд разных профессій пока неожиданно не произошла ея встрѣча с Ченом. Он замѣтил ее, когда она танцовала в блестящем обозрѣніи мюзик-холла. Он слишком ласково и осторожно подошел к ней, уже уставшей от борьбы за существаніе, подошел в тот момент, когда пережив радость перваго чувства и страсти, она поняла, что суровая и циничная дѣйствительность отняла у нея право на осуществленіе мечты. Чен умѣл говорить, о счастьи о своей любви. Он, почувствовав трагедію ея юной души, сумѣл использовать оскорбленное самолюбіе. Мельчайшими заботами о матери заслужил ея благодарность и, наконец, привязал к себѣ. Болѣзнь матери ухудшалась, требовала покойнаго существованія. Мать по-

стоянно просила цѣнить его любовь и она исполнила его и ея просьбу, выйдя за Чена замуж...

С Ченом ей было хорошо.

Сильный духом, смѣлый, умный тонко, воспитанный, ласковый муж.

Нищету в ея жизни с ним смѣнила роскошь и богатство....

Родился ребенок, здоровый жизнерадостный и материнство заставило ее почувствовать, что Чен ей близок и дорог. Она знала, что Чен любил ее искренне и ради нея готов идти на жертвы. Когда послѣ смерти матери она только загрустила, он легко оставил свою блестяшую карьеру дипломата и повез ее в свою страну, что бы дать возможность отдохнуть от Парижа, от всего, что ей пришлось в нем пережить...

Но иногда, особенно послѣ пріѣзда в Китай, покой жизни Анны нарушается внезапными воспоминаніями о днях короткаго счастья женщины, о днях, оставивших глубокій слѣд в ея душѣ. Вдруг ей начинает казаться ненужной настоящая жизнь без того, кому был отдан первый порыв души и тѣла. Тогда она начинает вѣрить, что достаточно этому человѣку только явиться, позвать к себѣ, к теплу души и она, не задумываясь ни о чем, пойдет, бросив все, на его зов. Но как только эти воспоминанія встрѣчаются с реальной мыслью о ребенкѣ, то исчезают как ночные туманы над озером при восходѣ солнца...

Прошли годы.

Она прекрасно знает, что прошлое безвозвратно умерло, и что никто ее никогда не позовет для продолженія прерваннаго...

Эхо уносило музыку Анны через озеро к далеким берегам и, может быть, кто нибудь ее слушал около тепла догоравшаго костра.

Рокот барабана в храмах, заглушив мелодію, заставил Анну прекратить игру. Взглянула на часы. Приближалась полночь.

Прошлась по комнатѣ, вышла на терассу и замѣтила, что вода озера дымилась густым молочным туманом...

***

Непривычное ночное одиночество пугало Анну, в памяти все сильнѣй и настойчивѣй оживали отрывки прошлой жизни в Парижѣ.

Вспоминались огни площадей и улиц.

Вспомнилась властная, эгоистичная, но обожаемая мать, отнявшая право на любовь, отысканную в юной душѣ без ея разрѣшенія.

И не зная как уйти от воспоминаній, Анна, вышла в сад по аллеям прошла мимо спавших дворцов, прислушиваясь к звукам своих шагов. Шла на рокот барабана к воротам в третьей стѣнѣ, поднимаясь по крутым аллеям, на холм, убѣгая от воскресших видѣній все еще не забытых лиц, утерянных на землѣ Китая, но попрежнему дорогих.

Поднялась усталая на вершину холма, только на секунды потерявшись в густой тѣни распахнутых ворот, и, пройдя узкія аллеи душистаго кедра, подошла к храмам.

Высоко к небу вытянулись сторожевыя башни с барабанами, безсмѣнные каменные часовые, охраняющіе власть бронзоваго бога и туманную мистику культа его религіи.

Кругом был камень.

Камень строгій, молчаливый, холодный, безразличный.

Камень и бронза.

***

По широкой мраморной лѣстницѣ Анна поднялась к главной кумирнѣ и остановилась у раскрытых дверей.

Из кумирни пахло сыростью и куреньями сандала.

Лунный свѣт, проникая во внутрь кумирни косыми лучами, отыскал на алтарѣ лицо Будды среди рядов колонн, отбросил на плиты пола рѣзкія полосы свѣто-тѣней. В полумракѣ большого зала, в сизом чаду дыма сандаловых свѣчей, скупо поблескивали блики на величавом изображеніи Грядущаго Будды.

Статуя была точной копіей с изображенія на-

ходящагося в Таши-Лунпо, в святилищѣ духовнаго вождя Тибета.

Будда сидѣл на тронѣ. Его ноги не были скрещены по восточному обычаю, а одна из них касалась земли. Нога Будды на землѣ-первая вѣсть о его скором новом пришествіи в мір. Грядущій Будда пока еще в мертвом блескѣ металла.

Лицо Будды, безстрастное и безразличное, с улыбкой величественнаго покоя, освѣщенное луной, по временам блестѣло от вспышек мгновенно гаснущих искр, когда лунные лучи преломлялись в гранях алмаза мудрости, вставленнаго в лоб статуи.

Тишину пустой кумирни нарушали звонкія скрипки сверчков.

Ночью в храмах Анна была первый раз. Залюбовавшись переливами свѣта и тѣней на бронзѣ статуи она не замѣтила, как из темноты к алтарю безшумно подошел хромой лама, увидѣла его, когда он зажег в высоких подсвѣчниках красныя свѣчи.

Разгорѣвшись, свѣчи освѣтили ближнія к алтарю красныя, лакированныя колонны. Зашевелились на них волнистые переливы бликов, как будто по ним стекала свѣжая густая кровь...

Пришедшій лама ударил палкой по гонгу.

Гонг, раскачиваясь от удара и тягуче завывая, звенѣл. Аннѣ слышалось в этом звонѣ рыданіе и стоны, кто то невидимый для нея стонал среди дальних колонн, чья-то истрадавшаяся человѣче-

ская душа просила милости и пощады у всесильнаго над ней божества.

Лама повторил удар, но только по барабану. Из чрева барабана раздалось в отвѣт на удар суровое рычаніе: так, вѣроятно, рычит смертельно раненный тигр. Удар в барабан возвѣстил о наступленіи полночи всѣм, кто во снѣ успѣл об этом забыть...

Сильными, размѣренными ударами лама бил по барабану и Анна видѣла, как среди гула, лицо Будды загадочно и снисходительно улыбалось, улыбка оживала в блестящих зрачках узких раскосых глаз, пронизывающих не живым взглядом.

Лама бил по барабану и вызванные его ударами из темных аллей, по широкой лѣстницѣ к кумирнѣ, поднимались вереницы лам.

Медленной походкой, со сосредоточенными лицами они шли и казались безконечными. Сто лам пришли принести молитву божеству. Они заняли свои мѣста, а тѣ, которым не хватило мѣста в залѣ кумирни, застыли перед ея дверями тѣсно окружив Анну.

Сѣрые ламы.

Молитвы сѣрых лам...

***

В эту ночь Анна была свидѣтельницей необычайнаго и рѣдкаго зрѣлища. Видѣла как в сумракѣ кумирни, совершенно заполняя ее, среди

колонн желтѣли голые черепа лам, замерших в экстазѣ молитв. Она внимательно всматривалась в их лица и, особенно, ее поражали в них точныя и одинаковыя во время пѣнія движенія скул и глаза переполненныя страхом перед властью того, кому они возносили свои моленія.

Перед алтарем — случайный гость храмов, лама-пиллигрим с вершин Гималаев творил суровое таинство. Одѣтый в черное, он стоял на фонѣ Будды и читал пѣвучіе завѣты отреченія от сует міра. Завѣты для тѣх, кто собирался принять в свои сердца великую вѣру в Будду и стать глашатаем его истин.

А перед ним, на каменных плитах пола, стояли на колѣнях с запрокинутыми головами, с окаменѣвшими лицами десять молодых монахов. На их головах, обритых только наполовину, горѣли свѣчи. По три свѣчи у каждаго.

Тот, кто ради Будды покидает мір, должен твердо и стойко перенести испытаніе огнем. И если хотя бы один мускул на лицѣ испытуемаго дрогнет, — он не достоин познать истину тайны.

Свѣчи монашескаго обѣта...

Уже больше часа тянется обряд...

Уже больше часа пиллигрим читал завѣты, время от времени произнося: «Молитесь, молитесь ваша сила в вѣрѣ в него»...

Уже на многих головах свѣчи догорали, огонь обжигал кожу. Нѣкоторые от нестерпимой боли

крича падали на пол и бились в нервных конвульсіях. Их быстро уносили. На пустых мѣстах оставались темныя пятна. В кумирнѣ стоял отвратительный запах горѣлаго мяса и паленаго волоса...

Будда спокойно и величественно ждал тѣх, кто достоин приблизиться к нему помыслами души. Все больше и больше пустых мѣст в рядах испытуемых. Все сильнѣй в кумирнѣ, вызывающій тошноту, отвратительный запах. Все чаще пиллигрим повторял свой возглас: «Молитесь, молитесь-ваша сила в вѣрѣ в него»...

И только трое оказались достойными приблизиться к Буддѣ, только трое вынесли испытаніе: свѣчи догорѣли и погасли на их головах, по их лицам струилась смѣшавшаяся с потом кровь, кожа на лбах вспухла от ожогов и лопнула. Лица стали желто-синими. Из сомкнутых глаз текли слезы...

В послѣдній раз прозвучал призыв: «Молитесь, молитесь-ваша сила в вѣрѣ в него». Пиллигрим с таинственных Гималаев подошел к гонгу и нанес удар, и гонг, раскачиваясь, торжественно запѣл, славя тѣх, кто перенес испытаніе. Кто смог вынести боль физическую, заглушив ее волей фанатичной вѣры.

Звон гонга подхватили барабаны на башнях и дикій гром сотрясал воздух лунной ночи.

Ламы запѣли новый псалом, ударяя молоточками по деревянным колотушкам. Их пѣніе постепен-

но перешло в несвязныя выкрикиванія и Анну охватило нервное ожиданіе, что при новом ударѣ в гонг они закружатся в пляскѣ религіознаго экстаза.

Удар в гонг дѣйствительно раздался и заставил все смолкнуть...

Трех побѣдителей испытанія подняли с колѣн и любовно под руки вывели из кумирни.

За ними ушел из кумирни пиллигрим и всѣ ламы...

Свѣчи монашескаго обѣта.

Таинство бронзовой религіи Востока...

Хромой лама потушил огни и, поклонившись божеству, также ушел, затерявшись среди мрака колонн.

И только Будда, возвышаясь в дыму куреній, с лицом, освѣщенным луной теперь только на половину, как будто прислушивался к симфоніи шорохов проходящей ночи.

Оставшись одна, Анна, не отрывая взгляда от Будды, под впечатлѣніем только что видѣннаго, подумала, что Китай малопонятная для нея страна, населенная желтым наивно суевѣрным народом, испытывающим животный страх перед властью бронзоваго бога.

***

Медленно спускаясь по мраморной лѣстницѣ,

Анна невольно остановилась, сѣла на широкія ступени, так как царившая в природѣ предразсвѣтная, звенящая в ушах тишина, как бы приказала ей не нарушать ее даже шагами...

Анна смотрѣла на небо, видѣла как по нему с сѣвера плыли прозрачныя облака. Они, как паруса кораблей, проплывали в невѣдомые края, часто скрывая за собой шар ночного холоднаго солнца.

Свѣтло и вдруг на нѣскольно минут мутный полумрак, и вновь свѣтло.

Облака плыли ниже луны, а потому по землѣ ползли их удлиненныя тѣни и, как прозрачныя тюлевыя занавѣси, застилали собой все на своем пути.

Проползали гигантскія тѣни по древним паркам острова, по дворцам и холмам, по мраморной лѣстницѣ храма и терялись в туманах над озером...

6.

В ста милях от «Озера голубой цапли», на берегах рѣки Тянь-хэ, в предмѣстіи промышленнаго города, среди священных рощь, расположены храмы Конфуція.

На огромных воротах, выходящих на Восток, полустертые от прошедших лѣт іероглифы гласят о годѣ основанія храмов.

Семь вѣков тому назад люди, смачивая камни потом и кровью, создали храмы, увѣковѣчив па-

мять величайшаго из величайших китайцев-Конфуція.

Поднебесная имперія превратилась в Срединную республику. Многое измѣнилось в Китаѣ. Но здѣсь, за стѣнами, люди стойкіе, упорные в своей фанатичной вѣрѣ не позволили времени изгрысть ни одного камня.

Храмы, с их медлительно загнутыми тяжелыми парусами крышь, постоянно реставрируемые, стояли незыблемыми памятниками былых времен, как бы являя собой пышный в своем великолѣпіи апофеоз архитектуры тысячелѣтняго созидательнаго порыва страны, при власти богдыханов...

Двѣ тысячи монахов стерегут покой храмов и богатства, собранныя в теченіе вѣков.

Неограниченным в своей власти хозяином всѣх богатств в настоящіе дни является первосвященник и философ Шен - старшій сын маршала Шуна.

Только его ум, зоркій глаз и, порой, деспотичная власть над умами двух тысяч учеников-монахов сохранила храмы во всем великолѣпіи былого и не позволила вліяніям современности коснуться нѣжно сберегаемой вѣры в Высшую мудрость.

Но, кромѣ людей, храмы стерегут тысячи ядовитых змѣй, ползающих по аллеям садов, обвивающих кольцами колонны алтарей.

Змѣи вселяют ужас в души тѣх, кто осмѣлился бы осквернить чѣм либо священное мѣсто...

***

Черная, беззвѣздная ночь в рощах храмов спрятала в складки своей траурной мантіи старый дворец с синей черепичной крышей.

Вѣковые, горбатые, толстые вязы тѣсной толпой окружили его со всѣх сторон, как будто нищіе уроды, собравшись со всего Китая, протягивали к его стѣнам вѣтви, изуродованныя застарѣлым ревматизмом прожитых лѣт.

В его стѣнах помѣщается в просторных залах рѣдчайшая библіотека и живет первосвященник храмов.

Во дворцѣ есть мрачный зал с красными колоннами.

В эту ночь его тускло освѣщают коптящія свѣчи.

В доходящих до потолка рѣзных шкафах собраны книги древней классической литературы Китая и Востока. Заботами поколѣній здѣсь собрано все цѣнное, что пощадило время и хищные руки реформаторов исторіи Китая. Рѣдкіе экземпляры индсуской Сутры стоят на полках, прислонившись к трудам Лао-цзы, Конфуція и Мен-цзы. Покрытыя пылью, покоятся томы монгольской и тибетской классической мудрости. Книги стараго чистаго буддизма, книги ламаитскаго буддизма, книги

традицій и законов Китая, пергаменты — уникумы древних легенд и сказаній...

В темном углу в креслѣ, вырѣзанном из желтой слоновой кости, обложенный подушками, закрытый мѣхами сѣдого бобра и почти темнаго барса, в черном халатѣ сидит философ Шен-лысый старик с худым, лицом, исклеванным оспой, бурым, как старый пчелиный воск. Глаза, поблескивая в узких разрѣзах вѣк, безпокойно перебѣгают с предмета на предмет. Нервные пальцы с длинными желтыми ногтями перебирают четки из рубинов и сапфиров Индіи.

Перед ним на полу полукругом сидят ученики и едва успѣвают вязать мелкую паутину іероглифов, внимательно вслушиваясь в старческій шопот слюняваго рта.

Философ диктует дневник своей мудрости, часто прерывая свой шопот и тогда слуга шелковым платком вытирает слезы на щеках, поит его из чашки горячим, пахучим чаем.

Философ и первосвященник Шен, перед взглядом котораго смыкаются губы самых смѣлых и непокорных современников, кому ввѣрена охрана мудрости, чей ум и обширныя знанія истин едва ли имѣют себѣ равных во всей странѣ, и который, уйдя из жизни, заставит современников внести его имя в Пантеон Безсмертія. Прежде он один из тайных вдохновителей боксерскаго возстанія, теперь загадочный мудрец из знатнаго рода. Его слава в странѣ огромна, к его голосу почтительно прислу-

шиваются даже вожди страны. Два раза в мѣсяц он принимает тѣх, которые достойны по его мнѣнію переступить порог его уединенія. Они приходят к нему за совѣтами или узнать тайныя бѣды подстерегающія их на жизненном пути. Он выслушивает их почтительныя слова, гадает им на янтарных шариках, привезенных с берегов «таинственнаго замерзшаго моря». Нѣкоторых безжалостно убивает своими суровыми приговорами и предсказаніями, иных же ободряет радостью. Он никогда не лжет, говорит все то, что читает в их душах и мыслях...

***

Слова Шена становятся все болѣе и болѣе рѣдкими и, смолкнув на минуту, он неожиданно закричал на учеников.

Ученики поспѣшно встали и, низко кланяясь, вышли из зала...

Лысая голова Шена устало склонилась. Слуга подал ему длинную трубку.

Шен, закрыв глаза, курил, жадно вдыхая дым. Слуга потушил свѣчи и зажег около кресла фонарь с красными стеклами. Густой свѣт освѣтил лицо Шена и стало оно красным похожим на лицо даоскаго идола Хо-шеня — Владыки Огня.

***

Тянется черная, беззвѣздная ночь.

Шен одинокій, оставленный послѣдним слугой, сидит и всматривается в темноту зала, мечтает, вѣрнѣе бредит. И, постепенно, его голова перестает судорожно трястись, разширяются щелки вѣк и взгляд глаз устанавливается в одну точку. Перед ним в такія минуты, в минуты припадка ясновидѣнія, проходят видѣнія его мыслей, завѣтных и дерзких мечтаній. Вот, отбросив закрывавшіе ноги мѣха, он встает, опираясь на посох, идет в темноту зала, обливаясь холодным потом, озираясь по сторонам, останавливается перед одним из шкафов, снимает с полки тяжелыя книги, открывает в стѣнѣ потайной шкаф достает из него листы бумаги, быстро подойдя к столу около фонаря, дрожжащей рукой, запачкав кисточку в разведенной туши, поспѣшно пишет нѣсколько іероглифов... Снова прячет листки в потайной шкаф, ставит на полку тяжелыя книги... Бродит часами, задумавшись, по темному залу.

На листках, хранимых в потайном шкафу, он пишет гимн-призыв своему народу, вѣрит что этот гимн пламенными словами вдохновит страну стать великой, сильной, независимой и освобожденной от всего чужестраннаго. Бродит галлюцинируя видит как народ Китая, прочтя его призыв к борьбѣ, забыв междоусобныя распри, движется непобѣдимой, уничтожающей всѣ преграды, волной на Запад и сокрушает на своем пути, все что лежит за стѣной Китая. Видит величественныя бредовыя картины гибели чуждой ему европейской культуры

и чувствует себя снова молодым смѣлым вождем своего народа, способным вести Азію для порабощенія міра...

Часто в моменты бредовых припадков его дикій визгливый смѣх разносится по ночным амфиладам дворца, а на утро его, потерявшим сознаніе, поднимают с полу испуганные слуги и ученики.

Так, иногда, всесильный философ храмов Конфуція в темныя беззвѣздныя ночи, размечтавшись о величіи своей страны, доводит себя до припадков галлюцинацій и наслаждается величіем бредовых видѣній главенства Азіи над сокрушенным и порабощенным міром...

7.

Ранніе часы сентябрьскаго утра.

Ослѣпительные лучи солнца еще не успѣли выпить на травѣ алмазы ночной росы.

Священныя рощи храмов Конфуція шелестѣли золотом осенней листвы.

Щебетали птицы.

По аллеям, выложенным мраморными плитами, бродили павлины и ползали, извиваясь кольцами, шипящія змѣи, блестя стальными отливами чешуи на солнцѣ.

По берегу рѣки разговаривая медленно шли философ Шен и его брат Чен. Дойдя до таблиц памятников в честь старших учеников Конфуція,

Шен остановился и устало сѣл на скамью под сѣнью дуплистаго вяза. Чен, прислонившись к перилам мостика, перекинутаго через неглубокій ров, внимательно слушал Шена.

— Брат... Когда солнце на бирюзовом небѣ Китая приближается к полдню, люди становятся покорными в мыслях и правдивыми на словах, а потому с моих губ звучат слова, обращенныя к твоему сердцу.

В тѣ дни, когда мои уши уловили вѣсть о том, что твои слѣды остаются на пыли дорог Китая, мое старческое сердце наполнилось радостью, похожей на ту, которую испытывает земля, изсушенная солнцем послѣ прошедшаго дождя...

В горячих молитвах я благодарил богов за то, что ты покинул страну, гдѣ солнце не так горячо и ярко, гдѣ свѣт луны меркнет от стекляннаго свѣта придуманнаго людьми...

Но ужас охватил меня, ужас, сковавшій в моих жилах движеніе крови, когда на землю своих славных предков ты осмѣлился привести жену чужестранку...

Я еще раньше слышал, что ты женился на русской, заставил ее подарить ребенка и этим нанес непростительную обиду женщинам Китая.

Неужели она достойнѣе их? Неужели она так красива, что перед ея лицом, померкла красота всѣх дѣвушек Китая, как звѣзды меркнут перед разсвѣтом? Неужели ея любовь настолько сильна,

что ради нея ты посмѣл измѣнить завѣтам своих предков.

Брат, ты молод! Под лучами чужого солнца ты сбился с правильнаго пути, а потому я протягиваю тебѣ свою руку для спасенія. Внимательно слушай мои слова, брат. Ты должен найти в себѣ силы забыть бѣлую жену, или я буду молить богов, чтобы они своей властью наказали тебя за твое вѣроломство, и до тѣх пор, пока эта женщина с тобой, пока твои руки и губы прикасаются к ней, я забываю, что ты мой брат...

Отец, выше котораго для меня только мудрость неба, наш добрый отец, уже простил тебѣ дерзость ошибки, но я, стерегущій вѣру в богов, хранящій ее от новых лживых идей и ошибок людей, подобных тебѣ, не прощу тебя до тѣх пор, пока ты не исполнишь моего приказа.

Ты должен помнить, что слишком молод, совсѣм ничтожен, чтобы брать на себя смѣлость к крови рода Шунов примѣшивать чужестранную кровь.

Слушай меня, брат, ибо в моих словах истина, в них мудрость моей старости, не оскверняй нашу горячую, сильную, густую кровь, примѣшивая к ней жидкую, холодную кровь заморских людей.

Огорченно склонив голову, Шен замолчал.

Чен заговорил тихо, как будто боялся нарушить покой знойнаго утра.

— Мой старшій брат, мой единственный на-

ставник послѣ отца, облеченный властью неба укрѣплять в людях вѣру, сдѣлал мнѣ великую честь, разрѣшив моим ногам коснутся земли священных мѣст, и посмотрѣть на твое лицо и глаза...

Великій брат дал мнѣ много цѣнных совѣтов, считая меня заблудившимся в жизни, брат задал много вопросов и на них я сейчас же постараюсь отвѣтить.

Всюду и всегда я помню, что во мнѣ течет кровь Шунов, а потому каждый шаг своей жизни я дѣлаю послѣ долгих раздумій о нем.

Я китаец.

Я всегда помню об этом.

Отец, дав мнѣ жизнь, выпросил у богов сознаніе, которое упорным образованіем я заставил ясно мыслить для пользы моего народа. Судьбѣ было угодно сдѣлать меня посредником моей родины с окружаюшим міром...

Ты прав, брат, я молод, не так мудр, как ты, и мог дѣлать ошибки. Но то, что сдѣлано мной в отношеніи моей личной жизни, я не считаю ошибкой и заблужденіем.

Мнѣ больно сознавать, что брат никогда не сможет понять меня, ибо его гордое сознаніе помѣшает ему согласиться, что никто кромѣ него не может не ошибаться.

Мы сходимся с тобой в одном: в любви к Китаю, но любим его и мечтаем о его величіи по разному.

Брат ненавидит людей всего міра окружающаго Китай, мечтает снова отгородиться от него высокой стѣной, если возможно даже уничтожить весь мір или же подчинить власти Китая. Брат с ранних лѣт дѣтства воспитал в своей душѣ ненависть к людям с бѣлой кожей, воспитал ее совершенно не зная их, увѣрив себя, что только их приход за нашу стѣну принес странѣ несчастья, позор безсилія и бѣды.

Мы разные с тобой.

Ты принадлежишь к Китаю прошлаго, обнесеннаго стѣной отчужденія, мечтающаго создать его величіе насиліем. Я принадлежу к Китаю разрушающему стѣну отчужденія и ищу реальных и мирных дорог, чтобы вывести страну на путь величія и равенства среди всего міра.

Воспитывая свою мудрость в уединеніи священных мѣст, брат не видит и не замѣчает, как китайскій народ все дальше и дальше уходит от пониманія истин жизни, внушаемых ему через стѣны храмов. Брат убѣжден, что иностранцы думают только о том, чтобы поработить Китай и трудом его народа расхищать его богатства. Может быть такіе и есть, но, увѣряю тебя, их становится все меньше и меньше. Неужели же

брат до сих пор не знает, что в чадливых пожарах междоусобных войн, в крови омывается душа народа и наступает первый час пробужденія от вѣкового сна, час осознанія народом своего національнаго достоинства и величія страны, в которой каждый иностранец — желанный гость, ибо несет с собой знанія для нашего соннаго отсталаго сознанія. Міp уже понимает, что народ Китая велик, что у него есть своя тысячелѣтняя культура и мудрость, которая может быть также необходима и другим. Медленно мы начинаем понимать, что наш мозг хорошо постигает тайны техники, наш язык может произносить слова на всѣх языках. Понимаем, что для нас наступает утро выхода Китая на дороги міра для свободнаго, безконтрольнаго, независимаго существованія. Но наш народ еще многаго не понимает, он все еще раб своего желудка.

Брат прав, что многіе иностранцы считают нас дикарями, гордятся своей культурой и гибкой утонченной психологіей. Но, слыша это, я иногда горжусь, что я еще дикарь, ибо мнѣ всегда бывает противен просвѣщенный иностранец, когда он в святыя и дорогія мѣста моего народа приходит с кодаком, чтобы сдѣлать снимки для своих альбомов туриста. Я дикарь, но я никогда не войду в шляпѣ в Нотр Дам и не полѣзу снимать лицо Христа для почтовых открыток. Пусть мы пока еще дикари в их понятіи, но мы сможем скоро увѣрить их в другом, доказав, что у нас есть своя древняя

и обособленная культура величественнаго прошлаго, которой мы можем гордиться, и чтобы Китай смог занять подобающее мѣсто среди народов, нам нужно учиться и учить наш народ. Я знаю мір, знаю, что в нем есть истинные друзья Китая, которые хотят и помогут ему выйти на дорогу славы.

Такова идея моей мечты о величіи своей родины и, чтоб ускорить ее осуществленіе, нам нужны люди с ясным, быстрым, смѣлым мышленіем, нам нужно изжить, медлительную сонливость націи, а апотому мы должны всѣми силами стремиться смѣшиванію нашей крови с чужой, и этого не нужно бояться, так как наша кровь сильна и подчиняет своей власти другія.

Рожденіе моего ребенка от европеянки доказало правоту моей теоріи.

Мой сын рожденный бѣлой женщиной-азіат.

Пройдут сотни лѣт и дадут нам милліоны людей смѣшанных кровей и принесут Китаю его равенство среди народов.

С помощью их мы побѣдим, встанем на равную ступень культурности со всѣм міром, побѣдим всѣ преграды без кровопролитных войн без походов Чин-гис-хана и Атиллы, легко и просто докажем, что для нас нѣт недоступных тайн, которыя не способен понять мозг.

Брат не понимает почему я женился на бѣлой женщинѣ?

Брат не понимает этого только потому, что его сердце никогда не было согрѣто чувством женской любви.

Любовь способна творить чудеса, способна послать человѣка на подвиги, заставить пойти ради нея на смѣлое разрушенiе вѣковых завѣтов и традицiй.

Брат только что сказал, что, если я не оставлю свою жену, он будет молить богов о наказанiи меня. Но, дорогой брат, я не вѣрю, что боги будут мнѣ мстить за то, что я, смѣшав кровь, создал человѣка, котораго научу любить только Китай и служить для блага его народа.

И если кто—нибудь посмѣет хотя бы словом нанести оскорбленiе моей женѣ, я буду беспощаден в своей защитѣ, ибо нанося оскорбленiе ей, оскорбляют род Шунов, в который волей судьбы и моей любви, ей суждено было войти для его продолженiя.

Я еще раз повторяю, мы разные.

Ты ненавидишь людей всего мiра, а я их цѣню и уважаю, так как они учат нас не только убивать друг друга из послѣдних моделей пулеметов, но учат также цѣнить свою родину, хранить памятники старины и гордиться, что мы китайцы-нацiя, способная быть им равной.

Ты можешь забыть меня, можешь не считать

своим братом, но я почтительно прошу тебя не учить меня ненависти к міру и не давать мнѣ совѣтов, унижающих мое достоинство, так как в нѣкоторых случаях эти совѣты мнѣ совершенно чужды и не будут мною исполнены, точно так же как мнѣ никогда не удастся убѣдить тебя, чтобы ты, пользуясь неограниченной властью служителя богов, приказал разхищать рѣдкія реликвіи храмов и продавать ихъ для твоего обогащенія в антикварныя лавки жадных коллекціонеров...

Брат найдет в себѣ милосердіе, простить мои мысли, мои губы сейчас перестанут шевелиться и пустыя слова не будуг тревожить твой мудрый покой...

8

Сиреневые туманы с рисовых полей и каналов поднимались над землей Китая.

Нарушая вечернюю тишину, из Пекина на юг шел экспресс, развивая предѣльную скорость.

В ресторанѣ поѣзда у зеркальнаго окна на столикѣ в чашкѣ остывало душистое кофе, а в кожаном креслѣ в сѣром костюмѣ сидѣл Аркадій Лучинин и наблюдал за смѣной красок вечерняго неба.

Экспресс проносился мимо колоритных деревень, мимо полуразрушенных и вростающих в зем-

лю древних городских стѣн, мимо храмов и пагод на горах, мимо сонных каналов, отражающих, как зеркала, свои берега; пересѣкал, гремя сталью мостов, рѣки с лодками и шаландами, останавливался на минуты на станціях с крикливыми толпами китайцев и снова мчался вперед к темнѣющему горизонту.

Устало откинувшись к спинкѣ удобнаго кресла Лучинин курил и теплым взлядом сѣрых глаз задумавшись смотрѣл в окно и часто вмѣсто убѣгающаго назад пейзажа видѣл в стеклѣ образы своих мыслей.

Из стекла окна на него упорно смотрѣл его водянистый прозрачный портрет, который за 38 лѣт жизни успѣл уже порядком надоѣсть.

Только мѣсяц тому назад океанскій пароход привез Лучинина из Америки в гавань международнаго Шанхая, куда он пріѣхал, командированный своей фирмой для заключенія торговых сдѣлок.

Попав в незнакомую страну, о которой ему приходилось так много слышать за океаном, он пользовался всяким удобным случаем внимательно посмотрѣть ее жизнь и быт, хотя бы в тѣх районах куда попадал по своим дѣлам.

Русским эмигрантом сем лѣт тому назад он получил возможность по квотѣ въѣхать в Амери-

ку для заработка и теперь стал ее полноправным гражданином.

Годы тяжелаго труда, настойчивость и энергія помогли ему отыскать тропу благополучной жизни. И только он знал, что полнота его жизненнаго счастья была им потеряна, видимо судьба заставила ею заплатить за настоящее матеріальное благополучіе.

Всѣ эти годы он помнил женщину дорогую, как ласка матери, женщину, потерянную в тот час, когда из глаз скрылся берег Франціи.

Шла его жизнь, а память не могла потерять ея образа...

И только еще вчера он сидѣл в холлѣ пекинскаго отеля и просматривал журналы. Еще только вчера он даже не предполагал, что сегодня будет мчаться в поѣздѣ на юг Китая.

Нелѣпый и сказочный случай помог ему внезапно найти тропу к потерянному счастью, он нашел ее на страницѣ журнала, в котором была помѣщена фотографія любимой женщины.

Восем лѣт тому назад он встрѣтил Анну Пирогову в Парижѣ.

Встрѣча принесла взаимное чувство, молодость и смѣлость позволила испытать близость.

Год тайнаго брака, среди нищеты эмигрантской жизни, год счастья, скрытаго от всѣх, промельк-

нул незамѣтно. Чтобы осуществить мечту о семьѣ, он уѣхал работать в Америку, уѣхал окрыленный мечтой, что скоро любимая будет с ним всегда и неразлучно...

И уже через мѣсяц ошеломленный понял, что наступил конец свѣтлой мечты. Он писал ей безконечныя письма и не получал на них отвѣта. Три года прошли в томительном ожиданіи и убѣдили, заставили примириться с гибелью короткаго и яркаго момента всей жизни.

И теперь вновь случайно найденная в журналѣ фотографія разом пробудила придавленное страданіем чувство, вселила в мысли надежду на воскресеніе потерянной радости.

Он нашел ее и ѣхал увидѣть, напомнить о том, что когда — то было пережито ими вмѣстѣ в бѣдной чердачной парижской комнаткѣ, и снова позвать к себѣ.

Предстоящая встрѣча с Анной волновала.

Он не знал, как она теперь примет его, что скажет и скажет ли вообще что — нибудь. Боялся, что ея новая жизнь навсегда вытравила прошлое чувство к нему. И пережившій за эти годы так много тяжелаго, он волновался перед встрѣчей с любимой, как школьник перед уроком, который полѣнился выучить.

Послѣдняя ночь в поѣздѣ отдѣляла Лучинина от желанной встрѣчи.

Завтра он увидит Анну.

Но завтра казалось ему страшным и неизбѣжным, способным своей неизвѣстностью раздавить окончательно его радостныя мысли и послѣднія надежды.

Завтра приближалось с каждой секундой.

Экспресс, не уменьшая скорости, проглатывая километры пространства, приближал его к цѣли путешествія.

Давно наступила ночь.

Лучинин не отрываясь смотрѣл в окно, уже не видѣл очертаній пейзажа, но зато из темнаго стекла на него смотрѣл его рельефный портрет, осыпаемый снопами искр из трубы локомотива.

На столикѣ перед ним стояла пепельница с грудой окурков, выкуренных за это время сигарет...

9

В первый вечер послѣ встрѣчи Лучинина с Анной на терассѣ домика, обвитаго глициніями горѣл красный фонарь.

Анна сидѣла в плетеном креслѣ, а Лучинин ходил мимо нея.

С островка напротив вѣтер доносил звонкую и радостную пѣсню Е-ин, заглушаемую перекличками цапль и рѣдкими звонами гонгов в буддійских храмах.

Анна, ошеломленная пріѣздом Лучинина, все еще не могла найти в себѣ силы .оправиться от испуга.

Курила сигарету за сигаретой, была рада, что он молчал, боялась заговорить сама, не рѣшалась сказать правду о том, что произошло с момента их разлуки. Но знала, что скажет ему правду обо всем, скажет именно теперь, когда в полумракѣ для нея не будет так тяжело увидѣть на его лицѣ страданіе.

Его неожиданный пріѣзд спутал уклад ея тихой привычной жизни, напомнил, что ему она отдала свою искреннюю и первую любовь, что именно ему принадлежало право пробужденія в ней женщины.

Знала, что он пріѣхал за ней, пріѣхал разрушить покой, пріѣхал услышат отвѣты на многіе мучительные вопросы, волновавшіе его всѣ эти годы и она должна будет отвѣтить на них жестокую и категоричную правду.

Приподняв склоненную голову, Анна внимательно разсматривала Лучинина, искала в нем перемѣны и, встрѣтившись со взглядом его грустных глаз, вновь низко наклонила голову, вздрагивая от холода пробѣгавшаго по всему тѣлу.

Еще помнила как закричала от испуга, когда услышала днем его голос, помнила, как он цѣловал руки со слезами на глазах.

За корткіе часы послѣ встрѣчи вся ея настоящая жизнь, муж, ребенок, все отодвинулось назад и уступило мѣсто нахлынувшим деталям воспоминаній о прошлом, пережитом и перечувствованном с пріѣхавшим в Парижѣ.

— Аркадій.

Позвала его тихо.

Лучинин остановился и смотрѣл на нее, едва видимую в мутном отсвѣтѣ фонаря.

— Ели бы ты только знал, как я счастлива, что вижу тебя.

Смотрѣли друг другу в глаза. Анна прочла в его взглядѣ самый мучительный для себя вопрос.

— Не спрашивай милый. Я сама тебѣ скажу. Подожди только одну минуту.

Лучинин стоял перед ней, не отрывая взгляда от ея лица. Анна вскинула голову и сказала.

— Ты хочешь знать почему я не отвѣчала на твои письма?

Лучинин кивнул головой.

— Твоих писем я не получала. Мама, скрывая от меня, сжигала их не прочитанными. Ты понимаешь как я мучительно страдала, теряясь в догадках о причинах твоего упорнаго молчанія, не зная жуткой правды. Только перед смертью мама созналась мнѣ в этом, умоляя простить. Теперь ты понимаешь почему я здѣсь, понимаешь почему погибло наше счастье?...

Закрыв лицо руками, Лучинин отошел в сторону и остановился у перил.

— Теперь ты знаешь, милый, правду. В ней все. В ней твои и мои страданія. Сегодня я ни о чем больше говорить не могу. Подумай сам, что может быть ужаснѣе того, о чем ты только сейчас услышал.

Сказав послѣднія фразы, Анна порывисто встала и пошатываясь ушла с терассы в темную дверь домика.

А над озером, разносимая вѣтром, звучала звонкая и радостная пѣсня Е-ин...

10.

Пасмурным утром, безспокойный вѣтер на обрывѣ раскачивал вершины орѣхов, росших около каменнаго Будды.

Большіе желто-оранжевые листья, насильно сорванные с вѣток, опадали с торжественной медлительностью, как страусовыя перья, устилая мягким ковром мшистую землю.

Этим утром, возвращаясь с прогулки среди развалин монастыря, из кипарисовой рощи вышли на обрыв Анна и Лучинин.

Подойдя к Буддѣ, остановились и, повернувшись к озеру, долго смотрѣли, как вдали по вспѣ-

ненным, бурым волнам на вздутых парусах вереницей плыли шаланды.

— Как красиво Анна. Совсѣм как в сказкѣ.

— Тебѣ нравится здѣсь?

— Очень. Величіе природы еще болѣе увѣрило меня в том, что мір создан только для радости и счастья. Но, к сожалѣнію, люди часто превращают эту радость в страданіе, а счастье-в горе.

— Ты прав, пріѣхав сюда, я, впервые почувствовала власть природы над помыслами и душой человѣка.

Анна прошлась по обрыву, задумавшись на минуту, вновь спросила Лучинина.

— Аркадій, ты вѣришь в исполненіе завѣтной мечты?

— Конечно. Встрѣча с тобой была моею завѣтной мечтой. И, как видишь, теперь она исполнилась.

— А в свое счастье вѣришь?

— Вѣрю. Мое счастье в твоих руках.

Услышав его отвѣт, Анна растерянно сказала.

— Я думаю, нам пора домой.

— Устала?

— Нѣт. Но как то странно себя чувствую.

— Нервничаешь?

— Нервничаю. Прошлую ночь совсѣм не спала. Все время думала.

— О чем?

— О встрѣчѣ с тобой. О нашем прошлом...

— Ты легко можешь превратить его в настоящее.

— Как?

— Не знаешь?

— Нѣт. Научи меня.

Лучинин обнял ее, она прищурившись засмѣялась.

— Ты сам не знаешь, как это сдѣлать. Пусти.

— Моя ласка непріятна?

— Я не сказала этого.

— Что с тобой Анна, ты как будто сегодня боишься меня?

— Ты прав, боюсь только не тебя, а себя...

— Почему?

— Потому, что сегодня ты мнѣ особенно дорог.

— Только сегодня?

— Да сегодня, я снова безпомощно теряюсь от твоего взгляда, как потерялась от него в Парижѣ в твоей комнатѣ. Ты же не забыл того вечера, той ночи, того разсвѣта восемь лѣт тому назад? Мы никогда не забудем о нем, Правда?

— Выслушай меня, Анна.

— Только не сейчас. Прошу тебя, Аркадій, не торопись.

— Я должен сказать.

— Ты скажешь о том, о чем я боюсь услышать.

— Я молчал сем лѣт, пойми не могу больше...

— Знаю о чем скажешь.

— Люблю тебя Анна и пріѣхал сюда, чтобы вмѣстѣ с тобой отнять у судьбы право на нашу радость.

— За мной пріѣхал? Но ты только подумай, как теперь все сложно для нас.

— Еще не поздно дорогая. Мы можем воскресить счастье. Неужели ты не поможешь мнѣ в этом?

— Пощади меня, сейчас я ничего не смогу тебѣ отвѣтить.

— Тогда скажи только, ты счастлива с ним?

— Мнѣ с ним спокойно и хорошо.

— Я справшиваю тебя, ты счастлива?

— Потеряв тебя, никогда об этом не задумывалась. Не мучь меня вопросами. Скажи, что я должна сдѣлать?

— Поѣдем со мной. Нам будет хорошо вдвоем. Согласна?

— Аркадій!

— Не бойся сказать правду. Если нѣт, я пойму отказ. Уѣду и никогда больше не напомню тебѣ освоем существованіи. Почему молчишь? Скажи что-нибудь?

И, как всегда, всю ея жизнь в минуты, когда нужно сразу принять неожиданное рѣшеніе, наклонив голову Анна молчала.

Лучинин медленно пошел по тропѣ.

Когда, очнувшись от раздумья, Анна приподняла голову, его уже не было на обрывѣ.

— Аркадій.

Не услышав отвѣта, побѣжала по тропѣ, нагнала его среди фіолетовых скал.

— Аркадій.

Стояла перед ним блѣдная, взволнованная, прижалась к его груди безпомощно и ласково.

— Я твоя милый. Если сможешь полюбить моего ребенка, я поѣду с тобой.

— Любишь как прежде?

— Всегда любила тебя...

11

Звѣзды горѣли ярко.

Их отражало в себѣ агатовое озеро и, глядя на него с высокаго берега, казалось, что звѣзды упали с неба и фосфористыми огоньками горят на полированной водѣ.

Анна шла по мглистой аллеѣ, окруженная вспыхивающими искорками перелетающих свѣтлячков. Закутавшись в бѣлую шаль с пятнами вышитых цвѣтов, была похожа на бѣлую птицу, которую чернота ночи заставила прекратить свой далекій полет. В головѣ Анны мысли плели паутину и разсудок уставал ее распутывать. Около мавзолея предков услышала шаги, остановилась прислушиваясь к их приближенію. И через минуту в подошедшем узнала мужа.

Спросил ее шепотом.

— Не можешь спать?

— Нѣт. Ты тоже?

— Да. В комнатах душно. Могу пойти с тобой?

— Лучше посидим здѣсь.

Сѣли на скамейку.

Молчали.

Смотрѣли на звѣзды, отраженныя озером и обоим казалось, что звѣзды осыпались с неба и лежат у их ног.

— Мнѣ нужно дорогая поговорить с тобой.

От его слов Анна вздрогнула, посмотрѣла на мужа, в глазах дѣтскій испуг, как будто ее сейчас накажут за шалость.

— Не бойся милая этого разговора. Я не скажу ничего, что могло бы тебя взволновать. Для

меня все так ясно. Неужели ты так мало меня знаешь, неужели думаешь, что я не смогу понять? Повѣрь мнѣ я все понял, вѣрнѣй заствил себя понять все, что произошло...

Чен достал портсигар, чтобы, закурив, скрыть охватившее его волненіе.

— Ты может быть тоже закуришь?

Анна покорно взяла сигарету. В руках Чена вспыхнула спичка и на секунды поджелтила огоньком их блѣдныя лица.

— Прошу тебя, милая, не волнуйся. Сегодня вечером я говорил с господином Лучининым...

Анна почувствовала, как от сказаннаго Ченом захватило ее дыханіе, сигарета из руки упала на землю, разсыпав искорки.

— Господин Лучинин честно и просто сказал, что любит тебя, что ты также любишь его. Он любит тебя давно... Конечно, я мог бы послѣ этого просить его уѣхать и оставить тебя, мою жену, в покоѣ. Но зачѣм? Этим мнѣ не спасти счастья с тобой. Этим поступком я раз и навсегда потерял бы к себѣ твое уваженіе. Мнѣ трудно говорить, мнѣ невыносимо тяжело, но я понимаю вас, главное понимаю тебя дорогая, и ни в чем не смѣю обвинять. Теряя тебя, я теряю свѣтлую цѣль жизни... Ты была так добра ко мнѣ, позволила себя полюбить, стала женой и подарила ребенка. На

короткіе годы в мою жизнь принесла дивный подарок счастья. Я благодарен тебѣ за это и сохраню в себѣ благодарность на всю жизнь...

Чтобы имѣть тебя около себя, я, будучи китайцем, дѣлал все для своего перевоспитанія и уменьшенія расоваго различія души. И все, что было в моих силах, я сдѣлал, но, вѣроятно, этого было недостаточно и ты не удовлетворенная рѣшила уйти к болѣе близкой душѣ другого.

За годы совмѣстной жизни ты ничѣм меня не упрекнула, никогда ни одна мелочь интимной жизни не вызвала на твоем лицѣ гримасы брезгливости. Возможно, что ты тонко скрывала свое недовольство, но я достаточно чуток, чтобы не почувствовать этого. Теперь мнѣ стало особенно ясно, что я мог многаго достигнуть над своим культурным развитіем, но я не смог изжить особенности расы.

Мы разстаемся друзьями.

Обвинять тебя в измѣнѣ я не могу, так как ея не было. Обвинять тебя во внезапности ухода у меня нѣт права. Я был предупрежден тобой, я очень хорошо помню, как в Парижѣ, наканунѣ свадьбы, ты сказала мнѣ, что у тебя есть человѣк, который дорог и что, если он когда-нибудь придет и позовет к себѣ, ты оставишь меня и уйдешь к нему. Зная об этом, я все же тайно вѣрил, что он никогда не придет, что его вообще не существует, что ты просто сказала об этом, чтобы я

еще больше тебя цѣнил. Теперь ясно, что я ошибся. Этот человѣк реальность, он пришел и позвал с собой...

Еще нѣсколько дней и ты уйдя разъединишь дорогу нашей жизни. Анна я еще не знаю, как я буду переживать разлуку с тобой. Но я хочу сказать сейчас, что мнѣ будет холодно без тепла твоей души, я буду мерзнуть буду страдать. Привезши тебя сюда, я был спокоен, что на берегу озера никто и никогда не протянет воровских рук к моему счастью. Но опять ошибся, сила любви пришедшаго за тобой человѣка указала ему путь к мѣстам, гдѣ я хранил свое сокровище.

Просить тебя остаться я готов, готов умолять об этом, но мое сознанiе заставляет меня молчать, ибо вряд ли просьбы заставят тебя измѣнить принятое рѣшенiе.

Господин Лучинин достоин тебя. Он смѣл и прост в правдѣ своей жизни. Я долго буду помнить сказанное им во время нашего разговора. Он силен своей здоровой психологiей. Он счастливѣй меня. Ему не нужно учиться играть и гримировать себя под облик европейца, как часто это приходилось дѣлать мнѣ... Теперь ты свободна Анна...

Чен закурил новую сигарету.

Анна встала.

— Чен, а как же сын? Мы должны думать о нем прежде всего?

Услышав эти фразы Чен тоже встал, далеко в сторону отбросил сигарету, взял Анну за руки, нѣсколько раз поцѣловал их холодные пальцы, ласково обнял за плечи.

— Ты говоришь о судьбѣ нашего малютки? Ты, конечно, возьмешь его с собой. Он очень нѣжный и чуткій мальчик, я боюсь, что не смогу приласкать его так, как дѣлаешь это ты. Увези его с собой, а когда мнѣ без вас будет невыносимо скучно я пріѣду в Америку, чтобы взглянуть на него и на тебя... Александр твой и только ты можешь сохранить и правильно воспитать его, понимаешь мою мысль, я китаец, а наш ребенок особенный, моя дорогая...

Слушая, Анна склонила голову на его грудь и вдруг, неестественно дернувшись всѣм тѣлом выскользнула из объятія Чена и упала на сухіе, шелестящіе, осенніе листья. Сознаніе оставило ее. Чен легко взял ея руки и осторожно, как ребенка, нес по мглистой аллеѣ...

Была темная ночь.

Звѣзды горѣли на небѣ, ярко отражаясь в агатовом озерѣ...

12

Прошло четыре дня. как счастливый Аркадій Лучинин покинул берега озера, уѣхав в Пекин,

чтобы, закончив дѣла, на обратном пути в Шанхай взять с собой Анну и увезти в Америку.

В эти дни Анна, охваченная любовью прошлаго, почти не встрѣчалась с Ченом.

Вѣсть об ея отъѣздѣ произвела угнетающее впечатленіе на дряхлаго маршала, слегшаго даже в постель и уже дважды звавшаго к себѣ Анну, прося ее не покидать любимаго сына.

Но Анна в своем рѣшеніи была непреклонна; отъѣзд был рѣшен категорично.

Два дня тому назад в помѣстье, в сопровожденіи пышной свиты учеников и монахов, пріѣзжал философ Шен, вел таинственные разговоры с отцом, упорно добивался свиданія с Ченом, но, получив его отказ, уѣхал обратно в храмы Конфуція...

13

В этот день вечером маршалу было особенно плохо и Чен не отходил от его постели. Анна, уложив ребенка спать, много играла на роялѣ и очень рано, утомленная переживаніями, легла спать.

Почти в полночь, Чен, вернувшись в дом завитый глициніями, как всегда, пошел в дѣтскую взглянуть перед сном на сына. Открыв дверь дѣтской был удивлен темнотой, так как в ней ночью

всегда горѣл тусклый зеленый фонарь. Чен зажег стоявшую на столикѣ свѣчу и увидѣл непривычный в комнатѣ безпорядок, подошел к кроваткѣ, она была пуста. Крик его испуга, разбудил Анну и когда он вбѣжал в спальню она сидѣла на кровати.

— Что случилось?

— Анна, Александр похищен. Я думаю похищен Шеном.

Анна побѣжала в дѣтскую, на минуту замерла в испугѣ перед кроваткой ребенка. Голова кружилась, перед глазами вертѣлись зелено-красные круги. Вернулась в спальню, быстро одѣлась, выбѣжала из дому, спотыкаясь в темнотѣ бѣжала к сараю, гдѣ стоял автомобиль. Когда Чен, выбѣжавшій за ней слѣдом, также подбѣжал к сараю, Анна уже включила мотор и автомобиль ринулся в темноту дороги к первой стѣнѣ, Чен вскочил на подножку.

Автомобиль, управляемый Анной, плавно миновав узкій мол и вырвавшись на горную дорогу, рванулся, разрывая темноту слѣпящим свѣтом фар. Скорость, хода постепенно увеличивалась. Руки Анны управляли рулем, рискуя каждую минуту разбить машину на крутых поворотах извилистой дороги. Глаза Анны стали огромными, порой ничего не видящими от напряженія, порой блестѣвшими искрами просвѣтлѣнной мысли и она искустно правила ходом машины.

Чен сидѣл рядом и всматривался в черты ея лица сразу ставшаго некрасивым, искаженным гримасами испуга и отчаянія. Глаза Анны, от которых он с трудом отрывал свой взгляд, потухали на секунды от страданія матери, у которой кѣм-то вырван живой кусок души и что за этот кусок она готова пожертвовать всѣм, и даже собственной жизнью...

Поднимая густыя облака пыли, автомобиль с бѣшеной скоростью мчался к храмам Конфуція. И в том мѣстѣ, гдѣ дорогу узким ущеліем сжали скалы, свѣт фар освѣтил впереди стадо диких коз. Животныя, испуганныя слѣпящим свѣтом, вначалѣ бросились навстрѣчу автомобилю, но неожиданно повернули обратно и поскакали по каменному коридору. Автомобиль, не уменьшая хода, приводил животных в смертельный ужас.

Полуночная гонка испуганных животных и автомобиля, управляемаго обезумѣвшей матерью. Чен видѣл, как разстояніе между животными и автомобилем уменьшалось с каждой минутой. Каменный коридор дороги стал еще уже и животныя убѣгая по нему мяли друг друга. Автомобиль почти догонял их, козы дико вопя бѣжали напрягая послѣднія силы и, наконец, машина врѣзалась в их гушу...

Это длилось только минуты.

Потом все стихло и осталось позади.

Автомобиль выиграл гонку.

Радіатор, крылья, колеса и стекло были забрызганы и выпачканы в свѣжей крови...

Скалистое ущеліе кончилось и машина мчалась по дорогѣ среди притихших ночных полей и равнин. Сознаніе Анны окончательно отупѣло и только единственная мысль о ребенкѣ придавала ея рукам силу для управленія машиной.

Манометр показывал наростающую скорость и очень скоро, уткнувшись в канаву, автомобиль от рѣзкаго торможенія остановился перед воротами храмов Конфуція. Под ударами палки в руках Чена, диск гонга, звеня разбудил сторожей. Чен, напрягая голос, требовал открыть ворота. Наконец узкая шель в воротах пропустила Анну и Чена во внутренній двор храма. Пробѣжав его, они достигли дома философа. Анна первая вбѣжала в темноту путанных коридоров и неожиданно для себя распахнула двери небольшого зала, в полумракѣ котораго Шен, сидя в креслѣ, читал древнюю книгу мудрости. Анна подбѣжала к нему, не могла говорить, горькая слюна душила. Появленіе Анны мало смутило Шена, он знал цѣль ея визита и молча указал протянутой рукой на одну из дверей.

Чен открыл дверь и Анна опустилась около нея на колѣни на каменный пол. В маленькой комнаткѣ на разостланных на полу шкурах и шелковых одѣялах крѣпко и безмятежно спал их ребенок...

Заливаясь слезами, Анна подползла к нему и зарыдала.

*
* *

Брезжил разсвѣт.

Стихли рыданія Анны. Держа на руках проснувшагося ребенка и покрывая поцѣлуями его сонное лицо она шептала несвязныя слова ласки. Наконец, совсѣм успокоившись, подошла к стоявшему у узкаго окна Чену и тихо сказала:

— Я никуда не поѣду. Останусь с тобой. Забуду Аркадія...

На башнѣ храмов монах бил в колокол, возвѣщая о наступленіи утра...

Над Китаем всходило солнце новаго дня и навстрѣчу его лучам по аллеѣ, перешагивая через выползавших на свѣт змѣй, шел философ Шен, загадочно улыбаясь своим мыслям...

14

Дождь шел с утра, и к вечеру перешел в грозовой ливень. Днем Анна получила от Лучинина отвѣт на свою телеграмму, в котором, сообщая о своем проѣздѣ сегодня из Пекина, он просил повидать его послѣдній раз на близь лежащей от помѣстья станціи.

Всѣ дни послѣ похищенія ребенка, Анна почти не разставалась с мужем.

Стрѣлка часов подходила к девяти вечера, оставался час до прихода экспресса на станцію, когда автомобиль, миновав аллеи острова и мол, ускорив ход мчался по потокам заливавшим дорогу.

Гроза бушевала.

За рулем сидѣла Анна, а рядом Чен.

Молчали.

Заливаемый потоками воды и грязи автомобиль достиг станціи. Оставались минуты до прихода экспресса...

Анна и Чен коротали эти минуты под желѣзной крышей перрона, по которой так сильно колотили капли дождя, что нельзя было говорить. Анна нервничала и много курила.

Показались сигнальные огни паровоза все ближе и скоро блестящій своим желѣзным панцырем экспресс замер у перрона.

Мокрый экспресс.

С площадки одного из вагонов, без шляпы, подняв воротник пиджака, спрыгнул Лучинин, замѣтив его Анна, забыв о дождѣ, пошла навстрѣчу. Он поцѣловал ея руки. Она провела рукой по его мокрому лицу.

Внимательно и грустно смотрѣли друг на друга.

— Аркадій пойми, я не могу уѣхать. Объяснить сейчас не смогу. Не могу и это все.

Хлынули слезы из глаз Анны и заставили замолчать.

К ним подошел Чен.

— Аркадій прости, что я не сдержала слова...

Лучинин перебил ее.

— Прощай Анна. Разрѣши поцѣловать. Можно?

— Конечно, дорогой.

Лучинин, обняв поцѣловал Анну, встрѣтился со взглядом Чена, протянул ему руку.

— Прощайте мистер Чен и берегите ее.

Чен крѣпко пожал его протянутую руку.

— Счастливый путь мистер Лучинин.

Шум дождя заглушил рѣзкій свисток паровоза. Лучинин круто повернулся и побѣжал к вагонам.

Экспресс тронулся.

Не спуская глаз с площадки вагона с Лучининым, Анна, заливаемая дождем, шла по перрону. Ход поѣзда ускорился и скоро красные зрачки сигналов на послѣднем вагонѣ скрылись из вида в дождливой мглѣ...

В ненастную ночь, мокрый экспресс на маленькой китайской станціи, расположенной не далеко от помѣстья маршала Шуна, оборвал совсѣм, уже надорванную раньше крѣпкую нить любви мужчины к женщинѣ...

Автомобиль управляемый Ченом мчался среди

рева урагана к теплым огонькам мигавшим на островѣ среди озера.

⁂

«Озеро голубой цапли»...

Легенды говорят, что оно священно.

Народныя преданія утверждают, что тот, кто хоть раз увидит в водѣ свое отраженіе, не сможет никогда покинуть его берегов.

Легендам принято вѣрить.

Преданія народныя необходимо уважать...

ДОЛИНА СТЕКЛЯННОЙ ФАНЗЫ

1

Пробужденіе от суровой и снѣжной зимы природа Манчьжуріи справляла пышным балом в стилѣ Людовика Пятнадцатаго.

Наступил Май, а вмѣстѣ с ним пора весенних сказок.

Сады города одѣли пудренные парики маркиз.

Пышно цвѣли вишни и абрикосы.

Безлистыя вѣтви деревьев запушил розоватый иней цвѣтов, ароматный, не тающій под солнечными лучами...

***

Вечером, когда в городѣ смолкла безтолковая сутолока дневной жизни, когда на улицах заблестѣли бусы электрических фонарей, в гостиной одного дома, при свѣтѣ лампы под оранжевым абажуром, мужчина слушал слова женщины. Хозяйка дома, сѣдая Надежда Николаевна, сидѣла в креслѣ, а мимо нея, заложив руки за спину, ходил инженер Константин Ратманов.

Оба курили.

— Итак, через два дня Константин Александрович снова уберетесь в свою лѣсную берлогу. Мнѣ всегда бывает грустно, когда приближается день вашего отъѣзда. Ваши пріѣзды для меня

праздники и приходится только пожалѣть, что они так рѣдки и кратковременны. Но, прежде чѣм разстаться с вами теперь, я попрошу сейчас внимательно выслушать меня и исполнить мою просьбу. Вы знаете, что я до конца своих дней буду вам благодарна за спасеніе моего сына. Живя с вами в лѣсу, он смог залѣчить тяжелую рану души. Вы научили его смѣлости для дальнѣйшей борьбы с жизнью, укрѣпив в нем вѣру в свое я. Мнѣ больно вспоминать, что именно в моем домѣ вы встрѣтили женщину, причинившую вам боль.

— Я попрошу вас не вспоминать о Наталіи.

— Хорошо, дорогой. Мои дальнѣйшія слова будут о безконечно дорогом для меня человѣкѣ, которому также причинили страданіе. Нужна снова ваша помощь, и притом немедленная. Зная вас, зная вашу чуткую душу, я прошу помочь мнѣ спасти, вырвать его из лап больных назойливых мыслей, найти опять что-нибудь такое, что заставило бы его забыть пережитое.

— Кто он?

— На этот раз я говорю о женщинѣ. Может-быть, читали в газетах, совсѣм недавно, что піанистка Елена Кострова пыталась покончить с собой и только случайно ее удалось спасти... Знаю, вы не спросите о причинах, вы привыкли относиться с уваженіем даже к маленькому человѣческому горю. Скажу только одно, — она молода, обаятельна и талантлива. У Елены много хорошаго

впереди, но ее необходимо спасти от нездороваго наркоза воспоминаній. Помогите мнѣ, дорогой.

— Я не совсѣм понимаю вас, Надежда Николаевна. Чѣм я могу помочь?

— Возьмите ее с собой в лѣс на концессію, пусть она полѣчится красотой дикой природы от мыслей своего горя. Помогите ей забыть пережитое, как его забыл мой Игорь. Ее легко вылѣчить; она женщина. Потом, забыв обо всем, она снова вернется в жизнь, весело улыбаясь. Вы понимаете, что в городѣ у нее много больных воспоминаній, много дорог со слѣдами человѣка, причинившаго горе. Уѣхать куда — нибудь, не позабыв пережитаго, для нее опасно. Нѣжна и молода ея душа. Упадет случайно - и больше не встанет.

— К сожалѣнію я ничего не могу для нее сдѣлать. Не могу исполнить вашу просьбу и думаю, что вы не будете на этом настаивать. Сам нуждаюсь теперь в одиночествѣ и покоѣ. Лѣчить не умѣю и просто не хочу. Мнѣ нѣт никакого дѣла до чужого горя, когда не могу сам изжить своего. Зачѣм я должен думать о горѣ совершенно чужой мнѣ женщины? Каждый должен сам защищать себя от пораженій души. Не могу. Притом, жизнь в глухом лѣсу, слишком опасна и сложна для женщины. Она будет одна среди мужчин. Вот причины, по которым не могу исполнить вашу просьбу.

— Это ваш окончательный отказ?

— Если хотите, да! Поймите, что я не хочу больше ни о ком заботиться, не хочу, чтобы присутствіе женщины напоминало о другой и бередило и без того свѣжую рану. Вы же прекрасно знаете, Надежда Николаевна, что пережитое оставило на моей психикѣ странные слѣды. Вы же знаете, что меня называют человѣком, потерявшим нѣкоторые винтики... Моя настоящая жизнь — это сплетеніе реальнаго и фантазій, — фантазій, которые в глазах вполнѣ нормальнаго человѣка будут смѣшны, а я все же надѣюсь, что вы не хотите, чтобы кто-нибудь надо мной смѣялся и иронизировал. Я хочу остаться в горах один, и это главное препятствіе для осуществленія вашей просьбы. Кромѣ того, мои сотрудники по работѣ, в большинствѣ, также люди с тѣми или иными странностями. Жизнь и стеченія обстоятельств заставили их многое пережить, многое потерять и от многаго отказаться. Присутствіе женщины заставит их невольно вспоминать прошлое, пусть даже позабытое, но все же дорогое. Это внесет в их жизнь сложность, от которой они избавлены теперь. Подумайте сами, развѣ справедливо из-за горя одной женщины усложнять жизнь многих, имѣющих право на покой. В концѣ концов я просто не хочу общества женщины. Заботы о ея покоѣ, комфортѣ будут отнимать у меня время, необходимое мнѣ для самаго себя и работы.

— Так, так, слушаю вас, Константин Александрович, и не вѣрится, что вы можете так гово-

рить. Понимаю. Моя просьба для вас так незначительна, что вы, не успѣв выслушать, нервно и, простите, довольно необдуманно отказываетесь исполнить. Ну, что-ж? Я думала, что вы мой друг. Вѣрный друг. Выходит: ошиблась.

— Надежда Николаевна!...

— Понимаю. Вы хотите меня увѣрить, что озлобленность на одну женщину, лишила вас уваженія ко всѣм остальным. Что-ж? и это возможно... Но вы только что сказали, что стремитесь к покою. А как знать: может-быть, присутствіе Елены и принесет вам этот покой. Еще сказали, что ей опасно жить в лѣсу среди мужчин. Простите, дорогой, но этим доводом вы готовы меня разсмѣшить. Я довѣряю ее вам, и хотѣла бы знать, кто посмѣл бы ее обидѣть. А кромѣ того, мужчины-мужчинам рознь. Мѣшать вам и отнимать ваше время она тоже не будет. У вас там есть инструмент; она всецѣло заполнит свой досуг музыкой, и повѣрьте — внесет в вашу жизнь и в жизнь ваших друзей тепло и уют, о котором вы, конечно, всѣ, одичав, соскучились.

— Ваши слова напрасны; я не возьму на себя заботы о судьбѣ женщины.

— Вот как! Посмотрю, как долго вы будете упрямиться. А что, если я просто прикажу вам взять ее с собой? Что вы на это скажете? С каких это пор вы перестали исполнять мои просьбы?

— Мнѣ противно общество женщины; там, гдѣ ступает ея нога, начинается ложь.

— Это, пожалуй, вѣрно, но не всѣ женщины, слава Богу, похожи на Наталію. Неужели же на самом дѣлѣ всѣ мы приносим только страданія и ложь? Неужели в нашем существованіи нѣт больще ничего пріятнаго и хорошаго? Вы сейчас просто не сознаете, о чем говорите. Стыдно, мой дорогой, так относиться к моим сѣдинам. Ваше поведеніе совсѣм не похоже на вас. Послѣдній раз спрашиваю, исполните мою просьбу?

— Я уже сказал, что нѣт.

Улыбнувшись и пожав плечами, Надежда Николаевна встала.

— Хорошо. Была бы честь предложена вам, упрямец. А теперь я поступлю по своему, как уже давно и без вашего согласія рѣшила поступить.

Подошла к телефону и позвонила.

— Кто говорит? Это ты, Леля? Здравствуй. Сейчас привезу к тебѣ гостя. Я только что горорила с инженером Ратмановым, и представь себѣ, он охотно согласился взять тебя с собой на концессію. Что? Рада? Еще бы, милая. Ожидай с вкусным ужином, мы скоро пріѣдем.

Повѣсила трубку и, взглянув на Ратманова, засмѣялась.

— Слышали. Сразу не догадалась: просила, сколько слов потратила. Упрямец! Подойдите ко мнѣ, извинившись, поцѣлуйте руку назойливой

старухѣ и ступайте переодѣться, мы поѣдем к ней ужинать. Вы сами увидите, что о судьбѣ ея жизни вам захочется позаботиться...

— Я, конечно, вынужден подчиниться, но прошу помнить, что я не хотѣл брать ее с собой, и если с ней что-нибудь случится, прошу меня в этом не обвинять...

2

Горные хребты и сопки, заросшіе дикой вѣковой тайгой.

Зовут их в этом мѣстѣ Манчьжуріи «Сторожа лѣсного моря».

Камень хранит лѣс. Лѣс хранит камень.

Неприступные отроги, высокія сопки надменно смотрят на колыхающееся у их подошв изумрудное море лѣсов и зорко стерегут шумливые взъерошенные ковры лѣса, разостланные между ними.

Глухое первобытное лѣсное мѣсто.

Гранитныя сопки стоят среди него, как неприступныя крѣпости; скалы нѣкоторых напоминают башни-бойницы и средневѣковые замки.

Видишь их и погружаешься в туманы фантазій, вспоминая легенды, и скалы принимают облики покинутых владѣній, в которых вѣка назад обитали храбрые воины ушедшей, былой Азіи...

«Сторожа лѣсного моря» слишком далеко от города; шум современной жизни проходит мимо них, до них даже с облаками не доплывают дымныя завѣсы фабричнаго дыма. Молох промышленности, для удовлетворенія алчных ртов своих фабрик, изгрыз еще не всѣ свѣчи вѣковой манчьжурской тайги.

Среди почти дѣвственной тайги, в долинѣ «Стеклянной фанзы», на крутых берегах горной рѣки «Сѣдая дорога» расположена концессія английской компаніи, которая три года тому назад, послѣ смерти ея владѣльца, согласно его завѣщанія, перешла в руки управляющаго — инженера Ратманова.

Все глубже и глубже, все выше и выше лысѣли непроходимые лѣса по склонам ближних к долинѣ сопок. Сотни людей рубили древнія деревья, распиливали на доски, выдѣлывая паркет, развозимый во всѣ концы міра.

В Манчьжуріи каждый клочек земли имѣет свои легенды и преданія, а потому долина, по которой протекала рѣка «Сѣдая дорога», также имѣла свое таежное преданіе. О ней говорили, что будто бы лѣт 30 тому назад, когда нога европейца вступила первый раз на землю долины, тайгу огласили первые хохоты топоров; тогда на берегу рѣки стояла фанза звѣролова, и один из инженеров за соболью шкурку подарил ему для окна дюжину испорченных фотографических пластинок, которыя

тот и вставил в окно. Скоро вѣсть о его фанзѣ со стеклянным окном облетѣла глухія дебри тайги, разносимая устами странствуюших звѣроловов, и долина получила от них названіе в честь фанзы звѣролова «Долина стеклянной фанзы»...*

В глухой тайгѣ тоже наступил май.

Природа только — только одѣла свѣжія одежды молодой изумрудной зелени. Здѣсь особенно буен был расцвѣт весны...

Среди рощи кедров и дубов, в сторонѣ от вырубленных и заросших молодыми порослями площадей, в том мѣстѣ, гдѣ не пахнет дымом паровозов, приходящих по вѣткѣ с главнаго пути за грузом, на обрывѣ рѣки стояли деревянные дома, в которых жили европейскіе служащіе концессіи, и ея хозяин. Высокими частоколами с бойницами обнесены дома; и все это говорило о том, что людям, живущим в них, приходится очень часто защищать свое право на жизнь, и, конечно, не от звѣрей. В глубинѣ горной тайги, в долинах и по склонам сопок с плѣшинами, растет мак, дающій опіум, а потому живут шайки хунхузов, стерегущія свои драгоцѣнныя поля.

Правда, теперь частоколы вокруг домов почти потеряли свое назначеніе и не нужны. Долгіе годы жизни Ратманова в лѣсу, его умѣніе хранить с

* Н. А. Байков. Маньчжурскіе очерки.

хунхузами добрыя отношенія являются болѣе надежными охранителями покоя концессіи но все же с вышек сторожа каждую ночь слѣдят за частыми лѣсными пожарами...

С ранняго утра в тайгѣ оглушительно щебечут птицы, слышен стук топоров и треск падающих деревьев...

Но садится солнце ниже к закату — и все постепенно начинает затихать.

Ложатся всюду косыя вечернія тѣни, и кукушки в прибрежных кустах первыми привѣтствуют их отпечатки на землѣ. Замирает пѣніе птиц; все таинственнѣй и осторожнѣй становятся шорохи таежной жизни. От рѣки к подножію сопок ползут сырые туманы. Горы в эти часы с тѣневой стороны стоят аметистовыми, с ретушью дымчатой туманности, а с другой, обращенной к закату, рубиновыми от лучей заходяшаго солнца...

В неясности мутнѣющих сумерек все чаще и чаще звучал рев вожаков коз, изюбрей и горалов, предупреждающих об опасности стада пришедшія на водопой.

Темнота сгущается.

В окнах домов концессіи зажигаются привѣтливые огоньки, около бараков и фанз рабочих дымятся костры, перед маленькими лѣсными куми-

ренками дымятся душистыя жертвенныя свѣчи. Там же слышатся унылыя, визгливыя и монотонныя пѣсни уставших рабочих и пронзительныя ноты китайских скрипок в руках искусных музыкантов.

Так, постепенно, в нѣжных, едва замѣтных для глаза, переходах сумерек в ночь затихает дневная жизнь тайги и наступает сторожкая, хищная ночная.

Воздух наполняется запахом душистой смолы и прѣніем земли, рождающей жизнь природы.

Все жившее днем затихает и засыпает крѣпким, коротким сном, чтобы с разсвѣтом начать новый трудовой день.

И только несмолкаемый шум рѣки нарушает чуткую притаившуюся тишину тайги, и очень рѣдко тигр — всесильный король ея глухого царства, — презирающій всякій страх перед незванно пришедшими в его владѣнія людьми, оглашает ночь своим сердитым рычаніем, заставляя сердца у всего живого, но слабо защищеннаго, сжиматься от испуга...

Над горными хребтами и сопками зажигаются золотыя монетки звѣзд...

3

Послѣ возвращенія Ратманова в тайгу прошло три дня...

Загоралось на западѣ пламя заката.

В чащѣ кедровника и орѣха, на огромном протяженіи огороженнаго колючей проволокой, помѣщался питомник изюбрей, разводимый Ратмановым для добычи пантов.

В вечерней прохладѣ дышала сырость; вѣстница подходящих сумерек; чувствуя их приход на вершинах орѣшников усиленно сплетничали о новостях прошедшаго дня сороки и, как бы дѣлая им выговор за безтолковый шум в прибрежных кустах рѣки, куковали кукушки. Но громче всѣх птиц в лиственницах истерично кричали дрозды приготовляясь ко сну. В тайгѣ раздавалась послѣдняя птичья симфонія проходящаго дня.

Закат пылал оранжевыми тонами. В его отблесках на зеленой лужайкѣ, около бѣлой фанзы пантача, около костра лежал связанный изюбр. Он был ранен в поединкѣ за обладаніе самкой. Из рваной раны на груди рубиновыми капельками сбѣгала по бронзоватой шерсти свѣжая кровь.

Над костром склонился до пояса оголенный сѣдой китаец и раскаливал на углях желѣзо, чтобы прижечь рану животнаго. Немного в сторонѣ, за движеніями китайца наблюдал Ратманов и старичек доктор концессіи.

Видѣли они, как китаец, раскалив желѣзо до бѣла, подошел к изюбру, промыл рану и прижег. В воздухѣ запахло горѣлым мясом и паленой шерстью. Изюбр судорожно задергался, замычав от

боли, из умных коричневых глаз животнаго струились слезы...

— Знаете, доктор, до сих пор не могу хладнокровно смотрѣть на операціи Ли-фу.

— Нервишки у вас, дорогой друг, не в порядкѣ. Чувствительны вы больно! — Скверно, когда нервишки то не в порядкѣ, — Отвѣтил доктор и закурил сигарету, предложив также и Ратманову

— Я теперь привык. Вначалѣ тоже было не по себѣ от лѣченія животных. Жалко мнѣ их всегда от того, что сказать не могут, что им больно. Ну, а теперь пойдем ко мнѣ и я угощу вас чайком.

Пошли медленно по направленію к лѣсопилкѣ.

— Это один из моих лучших самцов, доктор.

— Знаю, знаю. Да вы бросьте думать, рана пустяковая, выживет за милую душу... Знаете, Константин Александрович, до чего я здѣсь недавно додумался и вывел даже свое заключеніе.

— Интересно?

— А что человѣк, иногда для удовлетворенія голода своей страсти, берет женщину даже физически уродливую. А вот изюбр животное, но никогда не будет обладать хромой или грязной самкой. Закон лѣсной страсти. И при этом нерушимый закон...

Постойте; давайте, кстати, сходим на водо-

пой; мнѣ кажется, что для удобства спуска к водѣ придется подорвать одну скалу. Хочу спросить вас об этом.

Они вновь вернулись к бѣлой фанзѣ и, свернув на широкую тропинку, пошли к рѣкѣ и остановились на обрывѣ, по которому стадо изюбрей спускалось к рѣкѣ.

По узкой каменистой тропѣ, в черной тѣни от противоположнаго берега, к синей рѣкѣ спускалась извивающаяся лента животных. На вершинѣ камня, окруженнаго водой стоял вожак и смотрѣл по сторонам.

— Люблю смотрѣть на них, когда они ходят на вечерній водопой. Нравятся мнѣ переливы их шерсти на закатѣ.

— Яков Лукич.

— Я вас слушаю.

— Сегодня вечером я прошу вас поѣхать со мной на станцію и встрѣтить Елену Павловну. Вы помните, я вам говорил?

— Как же помню, помню, видите даже побрился с утра. Неудобно все-же испугать гостью лѣсной кабаньей щетиной. Поѣду с удовольствіем. Смѣю вѣрить, она красивая женщина? С ранних лѣт знаете люблю красивых женщин, Константин Александрович.

4

Послѣ пріѣзда Елены Павловны в долину про-

шло двѣ недѣли, и Ратманов должен был согласиться, что Надежда Николаевна была права, говоря, что присутствіе женщины вдохнет новую струю воздуха в интересы жизни маленькой лѣсной колоніи одиноких мужчин.

Уже в первые дни Ратманов с удивленінм замѣтил перемѣны в их однообразной жизни. Еще совсѣм недавно его немногіе сотрудники, дѣлившіе с ним одиночество и работу, рѣдко встрѣчались друг с другом в часы досуга, предпочитая общество бревенчатых стѣн своих жилищ, в которых каждый старался создать вокруг себя понятный и доступный уют.

Послѣ пріѣзда Елены Павловны всѣх потянуло к общенію друг с другом, и находились даже темы для разговоров и обмѣна мнѣній. Всѣ стали усиленно слѣдить за своей одеждой и наружностью, а нѣкоторые легко разстались с бородами.

Присутствіе молодой женщины в памяти всѣх пробудило воспоминанія о дорогих образах женщин. Каждый из них, видя Елену Павловну, вспоминал лица милых призраков, давно потерянных, и эти воскресшіе призраки воспоминаній невольно согрѣвали рано озябшія души, а порой даже топили, как солнце, сковавшій полеты души, лед привычнаго одиночества.

Всѣ они жили в лѣсу ради работы, ради заработка для прокормленія себя и семей. Каждый из них когда то, по своему прекрасно, пережил чувство

любви. Елена Павловна своим присутствіем напоминала о страницах прожитой жизни, и на хмурых лицах оживали улыбки, порой грустныя, но все же улыбки теплой памяти. За исключеніем двух, трех, сотрудники Ратманова были людьми пожилыми, различные по своему культурному уровню. Но всѣм им пріѣхавшая женщина принесла с собой мысли о домѣ. У каждаго из них когда то был дом, с заботами матери, с любовью женщины, с радостями дѣтей. Дом, который становится особенно дорогим, когда от него далеко, или его совсѣм нѣт, когда вокруг чужой мір и ты одинок в его неизвѣстности.

Еще до прибытія Елены Павловны, Ратманов всѣх поставил в извѣстность о цѣли ея пріѣзда в тайгу и просил дружески помочь ему исполнить данное в городѣ обѣщаніе и постараться всѣми возможными силами развлечь неожиданную гостью.

Сверх всякаго ожиданія Ратманова, Елена Павловна быстро освоилась с новой обстановкой непривычной лѣсной жизни и уже в первые дни была в курсѣ жизни всей концессіи. Она с интересом осматривала мѣста рубки лѣса, питомник изюбрей, работу лѣсопилки и паркетнаго завода, заводила со всѣми знакомства. Подружившись с первой встрѣчи с доктором, часто заходила в госпиталь, помогала дѣлать перевязки, а вѣсть об этом, облетѣв дымные бараки китайцев рабочих вызывала в них перед ней чувство благоволенія, ибо ея жизнь в лѣсу для них была малопонятной загадкой...

Природа скоро заставила ее наблюдать быт тайги, шум лѣса научил сосредоточиться и вдуматься в его суровые для существованія человѣка законы. Она намѣренно стала избѣгать общества людей. Для обитателей тайги все это было понятно.

Лѣс учит молчать и даже самыя тяжелыя трагедіи опускать на дно души и переживать без видимых драм, и страданій.

Цѣлыми днями с ружьем в руках она бродила по живописным окрестностям концессіи, а вечерами просиживала часами в комнатах, читая книги из домашней библіотеки Ратманова.

Елена Павловна жила в домѣ вмѣстѣ с Ратмановым.

Просторный дом стоял на берегу рѣки, окруженный кедрами и дубами, из его окон и с веранды открывался вид на всю долину, сжатую хребтами сопок.

Кругом, куда бы ни смотрѣли глаза, был лѣс и только лѣс...

В домѣ было пять комнат, и двѣ из них были предоставлены Еленѣ Павловнѣ; и едва она переступила порог побурѣвшаго снаружи бревенчатого дома, как была поражена его внутренней обстановкой, говорившей об изысканности и вкусѣ хозяина.

В самой большой комнатѣ, служившей столовой и гостиной, на стѣнах висѣло старинное китайское оружіе: мечи, ружья, луки, шлемы, щиты и стрѣлы. В углу, задрапированном шкурой тигра, стоял рояль, а около него на точеных подставках тяжелые шандалы со свѣчами.

Все, начиная с мебели, было выдержано в стилѣ средних вѣков: пол устилали медвѣжьи шкуры. На тяжелых рѣзных креслах наброшены шкуры волков.

Много картин; двѣ из них почти во всю стѣну. На одной освѣщенныя луной над мрачной пропастью возвышались твердыни замка; на другой сраженный, смертельно раненый на турнирѣ, рыцарь подносил к губам для послѣдняго поцѣлуя тонкій прозрачный шарф своей дамы.

Два бархатных занавѣса с золотыми львами герба Ричарда «Львиное Сердце» дѣлили гостиную на двѣ половины. С потолка спускались полотнища, пестрых по расцвѣткѣ рыцарских штандаров.

Уголок средневѣковья в бревенчатом домѣ в глухой тайгѣ...

Сервировка стола, гдѣ хрусталь в серебрѣ и фарфор чередовались, создавала пріятные для глаза блики.

В библіотекѣ были книги русских классиков и новѣйших писателей, а также всевозможные иллюстрированные журналы на разных языках.

В домѣ не было электричества.

Елена Павловна быстро подружилась с чет-

вероногими друзьями Ратманова, а их было много: дикія козы, бѣлки, филины, прирученная рысь и около дюжины собак, китайскія имена которых она знала уже со второго дня наизусть, и достаточно ей было теперь появиться на крыльцѣ и позвать их, как они, сбивая друг друга, бросались и, взвизгивая, прыгали около нее.

Тайга околдовала Елену Павловну сразу.

В своих скитаніях по ней она почти на каждом шагу натыкалась на лабиринты узких, трудно проходимых звѣриных троп, замѣчала на деревьях засѣчки, заломленныя вѣтки, кусочки матеріи, а иногда даже дощечки с таинственными знаками таежной азбуки.

Тропы всегда тянули ее к себѣ, и чѣм они были глуше, тѣм непонятнѣй становились на них различные знаки.

Тропы звали в глубину тайги, но она боялась этих влеченій, испуганно вздрагивала от каждаго подозрительнаго треска вѣтки, держа наготовѣ ружье. Кромѣ того, ей не хотѣлось не исполнять просьбу Ратманова, когда он сухо и коротко, как наставленіе ребенку, сказал не ходить особенно далеко в тайгу и не подвергать себя опасности. Правда, вначалѣ его словам она не придала большого значенія, пока не была однажды перепугана медвѣдем, бравшим в рѣкѣ ванну. Послѣ этого случая стала болѣе осторожной и ограничивала свои

прогулки районами. гдѣ, поблизости всегда были люди. Скоро стала все меньше и меньше думать о драмѣ души и только по ночам иногда подпадала под власть прошлаго; опять реально вставало пережитое, казалась такой не нужной без него жизнь, хотѣлось раскапывать воспоминанія, причиняя себѣ боль. Но ночи в тайгѣ проходили быстро, наступал разсвѣт и с первыми лучами солнца исчезали мрачныя мысли.

Жизнь Ратманова очень скоро остановила на себѣ все вниманіе Елены Павловны. Еще в городѣ о ней она слышала очень многое, знала лицо любимой им женщины, заставившей его пережить много тяжелаго и непріятнаго. Теперь эту жизнь видѣла каждый день, каждый час.

С ранняго утра он пропадал в лѣсу; свободное время читал или писал в кабинетѣ, иногда, как маленькій мальчик играл с рысью и собаками, дрессируя их замысловатым пріемам охоты. Елена Павловна любила наблюдать за ним невидимая, любуясь его ловкими почти мальчишескими выходками. Но веселость и рѣзвость жила в нем до тѣх пор, пока он был один; достаточно было помѣшать его одиночеству, как он потухал, становился замкнутым, холодным и сдержанным.

Однажды рано утром, когда в домѣ никого не было, Елена Павловна зашла в его кабинет.

В нем был особенный простой уют; во всем чувствовалась жизнь человѣка с тонкой душой. На сто-

лѣ в черной рамѣ портрет Наталіи, которая еще не так давно жила в его сознаніи и сердцѣ образом свѣтлой цѣли в жизни; и теперь, даже потеряв ее, он все же не убрал фотографіи в память о пережитом.

5

Опять, как всегда, послѣ солнечнаго дня наступил прохладный вечер и перейдя в темную ночь, застал каждаго из обитателей концессіи за своим дѣлом...

Ратманов писал склонившись над письменным столом.

Елена Павловна была на темной верандѣ и слушала пѣніе, доносившееся из открытых окон сосѣдняго дома.

Звенѣли струны гитары и неслась пѣсня. полная надрыва, и цыганской грусти:

«Мой костер в туманѣ свѣтит,

Искры гаснут на лету.

Ночью нас никто не встрѣтит,

Мы простимся на мосту.»

В далеких китайских бараках залаяли собаки, их поддержали собаки во дворѣ и заглушили слова пѣсни, но когда лай смолк, снова звенѣла гитара и тот же голос продолжал пѣть:

«Кто то мнѣ судьбу предскажет,

Кто то завтра, милый мой,

На груди моей развяжет

Узел, стянутый тобой.»

Слушая пѣніе, Елена Павлона ходила по верандѣ; вошла в дом, заглянула в открытую дверь кабинета. Ратманов продолжал писать. а около него, как огромная кошка, на письменном столѣ дремала рысь, поводя ушами с черными кисточками. Елена Павловна боялась присутствія животнаго около Ратманова, а рабская покорность кровожаднаго хищника волѣ человѣка дѣлала его для ея сознанія еще менѣе понятным.

Гитара звенѣла, пѣніе прекращалось и возобновлялось.

Шумѣла рѣка, шумѣли минорными мелодіями косматыя папахи кедров и дубов...

Из-за вершин гор показалась полная луна, красная, как сигнальный огонь, предупреждающій об опасности, освѣтила горы и долину красноватым заревом, как будто отсвѣтом далекаго пожара, и когда ея диск стал маленьким и почти отвѣсно висѣл над долиной, на веранду вышел Ратманов.

— Все еще не легли спать?

— Развѣ можно заснуть в такую ночь? Первый раз в жизни видѣла восход луны в горах.

— Вы, дѣйствительно, не хотите спать?

— Конечно.

— Тогда могу пригласить вас на прогулку. Вы еще ни разу не видѣли тайгу в лунном освѣщеніи. Хотите?

— Зачѣм об этом спрашивать? Я так рада.

— Хорошо. Только нам придется взять оружіе, около нас поблизости бродит рѣдкій за послѣднее время гость.

— Кто?

— Вчера ночью на посту 39 версты, около рабочих бараков, видѣли тигра. Сегодня вечером как то особенно нервно вели себя мои собаки. Предосторожность в тайгѣ не мѣшает...

***

Взяв оружіе и спустившись с веранды, пройдя освѣщенный луной двор, вышли из ворот.

По каменным природным ступенькам обрыва спустились к берегу рѣки; по узкой и сырой тропинкѣ прошли заросли ивняка, вышли на мост, миновав его, сошли на противоположный берег, и пошли среди молодого дубняка.

Елена Павловна шла рядом с Ратмановым, напряженно прислушивалась к шорохам и слѣдила за его спокойным лицом. Так молча, каждый со своими мыслями, они шли больше часа; тропа

привела их в тайгу и съузилась. Елена Павловна замерла от изумленія, при видѣ очарованія дремучаго лѣса, в темноту котораго то тут, то там сверху пробивались снопы голубовато-зеленаго свѣта. Под ногами по землѣ шевелились тѣни причудливых рисунков, и чѣм больше Елена Павловна всматривалась в их очертанія, тѣм больше они напоминали ей знаки, видѣнные на таежных тропах.

— Какая красота! Смотрите, сказала, остановившись Елена Павловна, показывая на скалу, из дупла которой, блестя на лунном свѣтѣ, капали струи-слезы ручейка...

Ручей студеных слез из расщелины скалы. Плакала скала и никто никогда не узнает тайны ея слез.

— И не зная этой красоты, Елена Павловна, вы хотѣли уйти из жизни. Впереди, куда мы идем с вами, будет еще болѣе красиво. Я рад, что эта прогулка пріятна вам. Мои друзья и я рады, что вы живете среди нас. Правда, мы немножко скучны и молчаливы. Но иногда и скучные люди также чутко воспринимают окружающую их красоту природы...

***

Тайга кончилась. Они вышли на поляну по берегу рѣки; со скалы с шумом падал водопад, ударяясь о каменистое дно; вода дробилась на милліарды брызг...

— Теперь можно и отдохнуть.

Оба сѣли рядом на замшѣлый камень.

— Вот, Елена Павловна, красота, ради которой стоит жить! Я теперь постарѣл, меня многое перестало поражать, но сейчас, видя восхищеніе ваших глаз, начинаю вѣрить в то, что вы будете еще жить красочно и радостно.

Их взгляды встрѣтились и задержались на секунды. Но Ратманов первым склонил голову.

— Константин Александрович, дайте мнѣ сигарету!

Ратманов молча подал ей портсигар, зажег спичку.

Елена Павловна встала и ходила около него, задумавшись.

Курила и дым волочился за ней, как прозрачная вуаль.

— Не надо сейчас так глубоко задумываться. Здѣсь вы скоро поймете и оправдаете поступки людей, причинявших вам боль, не будете жалѣть о том, что они свернули в сторону с тропы вашей жизни, ушли потому, что для их пониманія недоступно очарованіе вашей души.

Здѣсь, в природѣ, в тайгѣ нѣт лжи, здѣсь только правда. Здѣсь живут только сильные, все слабое и малодушное, не способное защитить свое право на жизнь, гибнет.

Законы природы суровы. Природа любит

солнце, любит здоровый буйный смѣх, слезы самых больших страданій ей не понятны. Скоро вы не будете жалѣть, что послушались Надежду Николаевну и поѣхали в лѣсную глушь в наше мало интересное общество...

Вы видѣли, как я мало сижу в комнатах. Мнѣ тѣсно, — в них я начинаю скучать.

Вам будет смѣшно, но я влюблен в средневѣковье, в его обширность, в масштабы. Создать его в современности наших городов почти невозможно. И только в горах я нашел возможность его осуществить. Здѣсь чувствую себя свободным от всяких условностей. Живя в тайгѣ, полюбил опасность, когда минута, случайная оплошность, может стоить жизни. Вас тоже научу любить опасность, искать ее, никого и ничего не бояться...

В городѣ многіе, кто знает меня, мою обыкновенную жизнь простого человѣка, пустыми сплетнями превращают в жизнь страннаго отшельника, страдальца за любовь. О моей жизни часто можно слышать занятныя небылицы; в ней ищут чего то романтическаго, называют оригинальной рисовкой своим страданіем неудачника. Может быть, она и похожа со стороны на рисовку, но тогда только для самого себя, а не для других.

Цѣли моей жизни для меня ясны. Я люблю величіе и свободу прошлых вѣков, здѣсь я все это нашел. Часто встрѣчаюсь лицом к лицу с опасностью, и мнѣ никто не может тогда запретить мнить себя рыцарем, который ради перчатки,

брошенной капризной и надменной Дамой, спустился на арену для единоборства с звѣрем. До сих пор всѣ брошенныя роком перчатки я поднимал, не заплатив за них жизью. Смотрите на водопад, смотрите, как ослѣпительно горят брызги. Развѣ при наличiи фантазiи нельзя увидѣть в них танца лѣсных фей?

Вам судьба тоже бросила перчатку — вызов, поднимите ее и со спокойной улыбкой швырните ей обратно, согласившись принять вызов. Судьба любит, чтобы с ней спорили; судьба вѣнчает только смѣлость. Забудьте его также, как я забываю ее...

Слова Ратманова оборвал заливчатый и истерическiй хохот филина. Елена Павловна вздрогнула и остановилась.

— Не бойтесь.

— Это так неожиданно.

— Я думаю нам пора домой.

Они снова рядом пошли по пройденной дорогѣ назад.

— Помните, что если вам захочется бродить по тайгѣ ночью, я всегда ваш спутник. По ночам люди лучше всего разбираются в своих мыслях. Только глухими ночами рождаются мысли, посылающiя людей на подвиги и на преступленiя. В ночном лѣсу вы научитесь понимать мудрость природы, и многiе неразрѣшимые вопросы души

она всегда поможет разрѣшить и найти на них правильный отвѣт.

Бодрые, незамѣтно для себя, добрѣли они до висячаго моста и, когда дошли до его середины, услышали далекое протяжное звѣриное рычаніе. Остановились. Рычаніе повторилось. Лицо Ратманова было спокойным. Он ласково взял Елену Павловну под руку и сказал:

— Это шутки ночного эха, Ван очень далеко. Лучше посмотрите туда.

Она повернулась и увидѣла, как к рѣкѣ спускалось стадо диких коз.

— Смотрите теперь на них. Ратманов вскинул ружье.

— Не надо пугать их. Они так прекрасны.

Но вожак стада, замѣтив людей на мосту, издал крик и стадо с шумом скрылось в дубнякѣ.

Прислушиваясь к рычанію тигра, прошли мост, заросли ивняка, поднялись на обрыв к дому...

Елена Павловна вернулась, приняв первый лунный парад тайги в горах «Долины стеклянной фанзы»...

6

Дождь шел с утра.

Низко ползущія тучи заволакивали вершины

сопок, то они, как дым, цѣплялись за деревья, то как будто кто то развертывал над долиной ветхія, сѣрыя, рваныя кружева.

Весь день из питомника доносился рев изюбрей.

В сумерки все стихло, шумѣла только рѣка и шипѣли как змѣи, капли дождя, ударяясь о листья дубов, окружавших дом Ратманова...

А когда сумерки перешли в темный вечер, к дому подъѣхали на мокрых разномастых лошадях тридцать всадников. И когда в гостиной часы пробили девять раз, то девять свѣчей в бронзовом канделябрѣ освѣщали круглый стол...

В хрустальных фужерах искрилось вино.

В открытыя окна залетали порывы вѣтра, и пламя склоняясь то в ту, то в другую сторону, коптило и заставляло свѣчи плакать, оплывая быстро застывавшими слезами.

По стѣнам метались тѣни, как будто испуганныя большія птицы старались вырваться из внезапной ловушки.

По стѣнам двигались тѣни от сидѣвших за столом...

Ратманов устраивал ужин в честь гостя, пріѣхавшаго в дождливый вечер на мокром вороном конѣ в сопровожденіи двадцати девяти всадников.

Ужин при свѣчах под шум не перестающаго дождя.

За столом сидѣло восемь человѣк: Елена Павловна, Ратманов, доктор, четыре сослуживца, и неожиданный гость, не ограниченный в своей власти, король лѣсов и гор «Долины стеклянной фанзы», предводитель безчисленной арміи хунхузов, Чжао-ин-фан.

Услышав в горах о гостьѣ Ратманова, он пріѣхал посмотрѣть на нее, привезя в подарок тигровую шкуру.

Пламя освѣщало его лицо, лицо китайца, имя котораго наводило ужас на всѣх, кто жил в горах, и нагоняло страх на тѣх, кто вел с ним борьбу.

В синем халатѣ муароваго шелка горбатый старик, со свѣтло коричневым лицом, изрытым морщинами и шрамами от клейменія раскаленным желѣзом при пытках. Лысая лоснящаяся голова без ушей, отрѣзанных во время короткаго плѣненія войсками Богдыхана, с маслянистыми глазами, едва выглядывающими из-за узких опухших вѣк.

Чжао-ин-фан ѣл, смачно чавкая, пил вино; сиплым гортанным голосом вел с Ратмановым разговор, не спуская своего пристальнаго взгляда с лица Елены Павловны.

Временами его лѣвая рука перебирала висѣвшія вокруг шеи четки из фигурок серебряных и золотых божков.

Временами Ратманов переводил Еленѣ Павловнѣ слова хунхуза, интересовавшагося ея жизнью в городѣ, разсказывал о своих расправах с войсками, об охотах на тигров и кабанов.

В концѣ ужина Ратманов передал Еленѣ Павловнѣ просьбу хунхуза, с которой тот обратился к ней, наполнив вином пустой фужер.

— Чжао-ин-фан просит сказать вам, что он вѣрит в чудесную силу ваших сѣрых глаз, способных по его словам охранять от бѣды тѣх людей, на которых они посмотрят, хотя бы один раз, а потому просит, чтобы вы произвели выстрѣл из его оружiя, а он в благодарность, по закону тайги, выпьет за ваше счастье кровь, смѣшанную с вином.

От себя Ратманов просил Елену Павловну не отказать хунхузу в исполненiи просьбы.

Старый хунхуз протянул ей свой браунинг, и она, взяв его, подошла к открытому окну.

Закрыв глаза, Чжао-ин-фан зашептал извѣстныя ему заклинанiя от пули врага.

Елена Павловна выстрѣлила в темноту, вернулась к столу и отдала оружiе хунхузу. Хунхуз встал; три раза поклонился ей; положил оружiе на стол, достал из-за пазухи кривой нож, до локтя завернул рукав халата и, воткнув острiе клинка в руку, сдѣлал надрѣз; из раны в бокал с вином закапала кровь. Облизав рану, присыпал ее пеплом из труб-

ки, взболтал пальцем вино в фужерѣ и залпом выпил.

Сидѣвшіе за столом слѣдили за его движеніями.

Скоро, громко отрыгнув, он встал; улыбаясь, поклонился Еленѣ Павловнѣ и всѣм остальным; Ратманову протянул руку и медленно пошел к выходу на веранду. Ратманов пошел его проводить...

Во дворѣ послышались гортанные крики, фырканіе лошадей и хлюпаніе копыт по грязным лужам...

Потом все стихло.

Всадники уѣхали...

Опять ясно был слышен шум рѣки да шипѣли по змѣиному вокруг дома на листьях капли неперестающаго дождя.

Продолжали оплывать догоравшія свѣчи.

На столѣ против опустѣвшаго мѣста Чжао-ин-фана стоял пустой фужер, а около него на бѣлой скатерти краснѣли капли китайской крови, пролитыя старым хунхузом. И от этих пятен Елена Павловна не могла отвести своего взгляда.

Капли крови, смѣшанныя с вином, выпитым за счастье женщины, прикоснувшейся к оружію суевѣрнаго и легендарнаго короля гор, безухого старика Чжао-ин-фана.

Ратманов вернулся в гостиную, обрызганный каплями дождя; Елена Павловна, посмотрѣв на него, невольно перевела взгляд в темноту угла и, вздрогнув, встрѣтилась с зеленым горящим взглядом рыси, лежавшей на полированной крышкѣ рояля...

7

Часы полночи.

Часы іюльской полночи.

Долину вновь освѣщала луна.

Вѣтер в тайгѣ создавал только ему доступную гармонію лѣсного шума.

Тайга шумѣла.

Шумѣла тревожно и приглушенно.

Над недвижными громадами гор, медленно проползали воздушныя горы облаков и среди их фантастических форм и очертаній нырял шар луны.

Яркій лунный свѣт, холодящій своей торжественностью, заливал долину. Лежали тѣни всюду: от каждаго дерева, от каждой скалы.

Тѣни луны.

Свѣт и тѣни.

В затѣненном домѣ, в темной гостиной Елена Павловна играла «Третью симфонію» Бетховена.

В открытыя окна мощные звуки героической

и вдохновенной музыки неслись в горы, в непроходимость тайги и казалось, что их внимательно слушает безмолвный гранит-массивов, а вѣтер, шумом лѣса аккомпанируя, придает ей еще большую силу мистичности.

Потерявшись в темнотѣ, Елена Павловна играла сейчас для Ратманова, а он сидѣл на подоконникѣ, только наполовину освѣщенный луной.

Под ея лучами на его висках блестѣли сѣдые волосы.

Сидѣл неподвижно, слушая музыку, смотрѣл на долину, на горы каменныя, на горы воздушныя.

Облака проползали медленно-медленно и все необычайнѣй становились их формы.

Фантазія человѣка, разбуженная музыкой, соединялась с фантазіей природы, и Ратманов видѣл перед собой полотнище огромной батальной картины, с ожившими образами, вдохновившими когда то великаго композитора на созданіе шедевра Смотрѣл Ратманов на облака и ему казалось, что по далеким лунным горам тяжело ступал призрак. бѣлаго косматогриваго коня.

Призрак богатырскаго коня, покрытаго траурной попоной, несущаго на спинѣ хрустальный гроб с тѣлом героя, засушившаго свои лавры безсмертія на полях Ватерлоо, переставшаго жить на гранитѣ Святой Елены.

На гробѣ корона императора и вензель с латинским «Н».

Впереди коня, с коптящими факелами в руках ковыляла судьба, в обликѣ библейскаго старца, указывала коню путь по горам.

А сзади, сзади, насколько охватывал взор Ратманова, двигалась величественная армія призраков павших гренадеров Наполеона, над которой колыхались развернутыя рваныя боевыя знамена.

Знамена Бонапарта.

Знамена мертваго императора Франціи.

Знамена вдохновившіе когда то безсмертнаго на созданіе симфмоніи.

Знамена славы шуршали.

Призрачное шествіе мертвецов вставших проводить прах своего императора, ожившее перед глазами Ратманова от соединенія фантазіи, музыки и луннаго свѣта...

Конь медленно утомленно шагал под тяжестью ноши и оставлял на склонах гор, на вершинах лѣсов слѣды своих золотых подков и они горѣли под лучами луны, как упавшія с небес звѣзды...

Все ближе и ближе подходил конь к дому Ратманова.

Уже ясно слышалась его тяжелая поступь и Ратманов, не желая видѣть своей гибели под его копытами, закрыл лицо руками. Почувствовал дыханіе коня, дыханіе, как порыв вѣтра.

Симфонія продолжала звучать под пальцами женщины...

А когда Ратманов отнял от лица руки, видѣніе коня миновало долину. Облака измѣнили свои формы и, формируясь, из них на Ратманова надвигалась призрачная треуголка Наполеона.

Опять все ближе и ближе...

Но музыка смолкла; послѣдніе отзвуки унесло эхо лунных гор.

Елена Павловна подошла к Ратманову.

— Константин Александрович, опять такая красивая ночь.

— Зачѣм вы перестали играть? Зачѣм оборвали жизнь лунных видѣній? Слушая вашу музыку, я видѣл призраки, так рѣдко оживающіе перед глазами... В дѣтствѣ я был далек от фантастики; меня никогда не занимали книги, которыми жили мои сверстники. Прошел мимо Жюль - Верна и Майн Рида. Я не любил и не понимал изящной классической литературы; с большим трудом и по необходимости читал Лермонтова и Пушкина. Я не любил искусства. Признавал только точный закон математики.

Но десять лѣт, проведенные мною в тайгѣ Маньчжуріи, сдѣлали из меня фантазера, заставили полюбить музыку слов великих поэтов. В тайгѣ я понял, что такое красота. Лѣсную жизнь я люблю; доволен всѣм, что меня окружает; мнѣ никто здѣсь не читает лживой морали о том, как надо жить. Долина концессіи-мое царство; в горных ущельях в тайгѣ мнѣ никто не может за-

претить воображать себя королем. Не буду скрывать от вас, что я часто играю здѣсь для себя самим придуманную роль. Это меня забавляет, не позволяет больным мыслям разочарованія овладѣвать сознаніем, и без того уставшим от борьбы.

Уже нѣсколько лѣт я воображаю себя герцогом каменных замков долины.

С вашим пріѣздом мои фантазіи стали дѣйствительностью. Пріѣхав, вы привезли с собой в мой дом дыханіе своей души. Ваш голос, ваши улыбки внесли в эти стѣны радость. С перваго дня вы были для меня чужой принцессой грез, похищенной на время от современнаго города. Вас в лѣсу никто не сможет отнять от меня до тѣх пор, пока я сам не отпущу вас из своего плѣна...

Помните ту ночь, когда я показывал вам лунную тайгу, я чувствовал себя тогда доблестным рыцарем, рѣшившим заколдовать вас очарованіем своих владѣній, надѣясь покорить капризное сердце Дамы...

Пожалуйста, не смотрите на меня так удивленно, не бойтесь моих слов и не прерывайте моего бреда, я скоро замолчу. Мой бред для вас нелѣп, знаю об этом сам. Но позвольте старѣющему инженеру говорить об этой нелѣпости, позвольте казать все, что накопилось в моих мыслях от слѣсного одиночества. Прошу вас, выслушайте до конца бред человѣка, возомнившаго себя среди дикой тайги рыцарем из рода крестоносцев...

Еще совсѣм недавно я мечтал всю жизнь любить Наталію. Но мечта не превратились в дѣйствительность ей суждено было умереть, но она жива и стала еще более желанной в моей фантазій. Жизнь отняла от меня реальность ея воплощенія. Фантазію сознанія о ней отнимет только моя смерть. Живая радость жизни исчезла вмѣстѣ с стихшими шагами любимой женщины. Я не пожелал разстаться с мечтой о своей любви к ушедшей и продолжаю любить ея прошлый образ и часто сам себѣ повторяю фразу успокоенія «умерла королева, да здравствует королева».

Может-быть, теперь вам станет болѣе понятна тропа моей странной жизни. Станет понятно, почему я не могу, покинуть тайги. В тот момент, когда вокруг меня перестанет шумѣть лѣс, умрет моя фантазія, потухнет энергія, и я скоро погибну.

Вѣрить в приход новаго реальнаго счастья для меня уже поздно. Я разсыпал, и при том так ненужно к ногам ушедшей богатства души, но она не обратила на них вниманія, не захотѣла оцѣнить их, ушла, и мнѣ осталось только благословить ея уход. Она не слышала, как мои губы шептали ей вслѣд «умерла реальность, да здравствует мечта»...

Прошли годы...

Я постарѣл от дум...

Но мечты о Наталіи молоды, как в первый день их рожденія.

Теперь я играю, Елена Павловна, роль рыцаря для вас, для моей гостьи, чтобы заставить понять силу мечты, способной вылѣчить любой кошмар реальной жизни. Играю для того, чтобы вы могли, покинув мои владѣнія, радостно улыбаясь, идти в жизнь, спокойно сказав ушедшему «умер король, да здравствует король»...

Ратманов посмотрѣл на стоявшую около него Елену Павловну, увидѣл ее удивленные, испуганные глаза и замолчал.

Отойдя от окна, закрыв лицо руками, прошелся по гостиной.

— Извините меня за все сказанное. Я утомил вас. Поздно. Вам пора спать. Завтра вы отдохнете от моего присутствія, я на нѣсколько дней вынужден съѣздить в город... Что сказать Надеждѣ Николаевнѣ?

— Скажите ей, что я счастлива.

— Счастливы?

— Да я счастлива.

— Хорошо... Мнѣ еще многое хотѣлось бы сказать вам.

— Вы видите, как я внимательно слушала. Подобное я слышала в первый раз.

— Нѣт. Лучше не надо. Дальнѣшими словами я еще больше напугаю вас и вы постараетесь как можно скорѣй вырваться из моего невольнаго для вас плѣна. Но я буду только просить вас об одном, как можно дольше жить в этом домѣ,

среди всѣх нас, радовать своими улыбками, облагораживать своим присутствіем глухую лѣсную жизнь, никѣм не признанных актеров, которые, как бы они хорошо ни играли свои роли, никогда не смогут увидѣть восхищенных глаз зрителей и не услышать аплодисментов благодарности. Позвольте и мнѣ дольше чувствовать себя герцогом, у котораго вы находитесь в плѣну...

А когда вам все это надоѣст и вы уйдете в прежнюю жизнь, я снова буду продолжать жить несбыточными мечтами.

Спокойной ночи...

Медленно Ратманов вышел на веранду, спустился во двор, позвал собак и окруженный ими вышел за ворота.

Облака проползли.

Небо было совсѣм чистое.

Освѣщенный луной Ратманов шел по краю обрыва.

Елена Павловна стояла у окна и смотрѣла ему вслѣд, пока он не исчез из виду.

Отошла от окна; подойдя к роялю, закрыла крышку и, сама не зная почему, громко сказала «умерла любовь, да здравствует любовь»...

8

Ночью прошел дождь.

А рано утром сквозь сѣроватую вату дожде-

вых туч, прорвались лучи солнца, и как порой небо ни хмурилось, было ясно, что дождя больше не будет.

На каменистой дорогѣ, уводящей в глушь тайги, то тут, то там под солнцем блестѣли дождевыя лужи, как осколки разбитых зеркал.

Уже больше часа ѣхали по этой дорогѣ верхом Елена Павловна и Ратманов. Елена Павловна просила Ратманова показать цвѣтущія, маковыя поля и сегодня он исполнял ея желаніе.

Лошади шли, понурив голову с опущенными поводьями, по размягшей землѣ и лужам, разбрасывая по сторонам брызги.

Ѣхали молча.

Елену Павловну радовала свѣжесть зелени, омытой дождем; она чувствовала себя все болѣе и болѣе спокойной, почти совсѣм оставила мысли об ушедшем, и ей ничего не хотѣлось теперь кромѣ общества Ратманова. Слушая мечты Ратманова, совершенно для себя незамѣтно, научилась мечтать сама нашла в этом интерес и покой. Скоро то, что казалось неизживным и незабываемым, легко изжилось и забылось. В глубинѣ памяти, может быть, и хранились безрадостныя мысли, но они не мучили, не настаивали на частых воспоминаніях, а потому ей жилось легко.

По крутой тропѣ поднялись на вершину сопки и увидѣли перед собой панораму маковых полей.

В большой долинѣ как будто был разостлан розовый ковер с бѣлыми и красными пятнами. Под дыханіем вѣтра поля волновались, как стихавшее море, послѣ только что пронесшагося шторма.

По еще болѣе крутой тропѣ спустились с сопки в долину, слѣзли с лошадей и пошли маковыми полями, как вдруг до их слуха донесся топот, и, осмотрѣвшись по сторонам, замѣтили, что к ним скакало нѣсколько вооруженных всадников.

Подъѣхав, всадники узнали Ратманова; разсказали, что они патрули могучаго Чжао-ин-фана. Ратманов справился о здоровьи главаря и в отвѣт хунхузы сообщили, что он сейчас находится совсѣм близко от этого мѣста, пригласили его навѣстить. Ратманов согласился и, сопровождаемые всадниками, всѣ поѣхали рысью.

Скоро пересѣкли цвѣтущія поля, миновали путанные корридоры лощин между сопок и въѣхали в маленькую долину — убѣжище шайки Чжао-ин-фана. И первое, что остановило на себѣ их вниманіе, это огромная толпа хунхузов, окружившая фанзу, на крышѣ которой стоял Чжао-ин-фан и кричал толпѣ, возбужденно жестикулируя.

При видѣ нежданных гостей, старый главарь слѣз с крыши и пошел им навстрѣчу. Ратманов и Елена Павловна, поздоровавшись, слѣзли с лошадей и, подойдя к фанзѣ, увидѣли лежащаго у ея

дверей окровавленнаго китайца в рваной одеждѣ.

Ратманов спросил Чжао-ин-фана, в чем дѣло и узнал от него, что это предатель, доносившій войскам о передвиженіи хунхузов в горах, и сейчас он будет наказан по законам тайги суровой казнью. Чжао-ин-фан очень подробно разсказал о его преступленіях; сказал, что ему сначала раздавят жердью коленныя чашечки и уже только потом отрубят голову. Хунхуз очень просил их присутствовать при казни подлаго измѣнника.

Ратманов сконфуженно передал поблѣднѣвшей Еленѣ Павловнѣ слова Чжа-ин-фана, а она, случайно повернув голову в другую сторону, увидѣла, как на голой, высокой, отвѣсной, скалѣ раскачивались красные цвѣты мака. Ея вглядь замѣтил Чжао-ин-фан и за ним уже вся озвѣрѣвшая толпа смотрѣла на скалу с цвѣтами мака.

Чжао-ин-фан, задумавшись, пробурчал Ратманову нѣсколько отрывистых фраз, и Ратманов тотчас же перевел их Еленѣ Павловнѣ.

— Хозяин этих гор и жизни всѣх стоящих здѣсь людей счастлив, что его скромное убѣжище посѣтила Елена Павловна и в знак почтенія к ней он готов даровать жизнь проклятому измѣннику при условіи, если тот сможет сохранив жизнь, сорвать для нее растущіе на скалѣ цвѣты.

Елена Павловна просила Ратманова передать хунхузу ея покорную просьбу не подвергать несчастнаго такому опасному испытанію, а просто ради нея помиловать его.

Чжао-ин-фан, выслушав перевод ее слов Ратмановым, поклонился и в свою очередь просил передать ей его послѣднія слова, что, будучи добрым к друзьям, он суров к врагам, а потому не может даже ради просьбы гостьи измѣнить своего первоначальнаго и без того милостиваго рѣшенія...

Развязанный китаец встал на ноги и побѣжал к скалам.

Приговоренный к смерти, пытался защитить свою жизнь. Толпа слѣдом за ним ближе подошла к скалѣ, и еще нѣсколько минут жаждавшая его смерти, теперь сосредоточенно и молчаливо слѣдила за его движеніями, и Еленѣ Павловнѣ паказалось, что в глазах нѣкоторых уже появилось желаніе, чтобы он спас свою жизнь.

Карабкаясь на скалу и обрываясь, китаец с трудом лѣз к вершинѣ; послѣ долгих усилий, наконец, забрался на нее. Вздох облегченія вырвался из груди сотен смотрѣвших, когда он, вскарабкавшись на послѣдній уступ, быстро сорвал цвѣты, помахав ими в воздухѣ.

Видѣли всѣ, как он, покачнувшись на верши-

нѣ, припал к ней; оправившись, взял цвѣты в рот и, цѣпляясь за трещины, начал спуск. Временами он замирал, как бы прилипая к отвѣсной стѣнѣ скалы, шарил руками трещины, цѣпляясь пальцами, иногда висѣл в воздухѣ, пока ноги не находили нужнаго упора для слѣдующаго движенія тѣла, и неожиданно для всѣх оборвался, покатился по откосу; перевертываясь, комком летѣл к краю отвѣснаго выступа. Елена Павловна, вскрикнув, закрыла лицо руками.

Совершался закон смерти и жизни: падал человѣк, падал, уже видѣл лицо смерти и, неожиданно зацѣпившись лохмотьями одежды за невидимый с земли острый выступ, выровнялся поболтался над пропастью, подразнил смерть и, придя в себя от страха еще болѣе осторожно и медленно продолжал спуск.

Елена Павловна побѣжала к скалѣ, не спуская с него взгляда, а он, не выпустив изо рта помятых цвѣтов, наконец, скатился к ея ногам и лежал, конвульсивно вздрагивая. Она наклонилась над ним; он с трудом приподнялся, упираясь в землю руками, смотря на нее радостными глазами, выронил изо рта цвѣты мака.

Елена Павловна взяла их в руки.

Цвѣты красных маков с неприступной скалы, поломанные, помятые с облетѣвшими лепестками.

А китаец, спасшій свою жизнь, стонал и про-

сил пить. По приказанію Чжао-ин-фана его подняли и унесли к фанзѣ.

Подойдя к Чжао-ин-фану, Елена Павловна пожала его руку; он, улыбаясь, низко церемонно раскланялся перед ней.

Только в полдень они покинули лагерь повелителя хунхузов.

Снова скакали по тропам среди маковых полей. Елена Павловна везла с собой завядшіе цвѣты мака, спасшіе жизнь приговореннаго к смерти измѣнника.

9

В сумерки неожиданно разбушевалась гроза.

Раскат грома, зазвенѣвшій стеклами окон, разбудил Ратманова, спавшаго в кабинетѣ. Раскаты грома были почти безпрерывными. Ратманов встал и прошел в гостиную, но в ней никого не было, На столѣ в канделябрѣ зажег свѣчу и увидѣл лежавшую записку. «Если не трудно прошу меня встрѣтить. Было жалко вас будить. Пошла к утесам. Елена».

Оглушительный раскат грома потряс дом, с треском отломившаяся большая вѣтвь дуба, падая, ударилась о стѣну и выдавила стекла в окнѣ гостиной. Ворвавшійся со свистом вѣтер погасил свѣ-

чу. В сознаніи Ратманова мелькнула мысль испуга, что гроза застала Елену Павловну на утесах...

Накинув дождевик, он выбѣжал на веранду, пробѣжал двор, с трудом под напорами вѣтра открыл калитку ворот. Крупныя капли ливня до боли колотили в лицо. Бѣжал среди воя стихіи по потокам воды к утесам. В долинѣ стоял свистяшій гул урагана и треск ломаемых деревьев и вѣтвей. Слѣпила молнія, путь часто преграждали павшіе в бою с ураганом испытанные гитанты тайги...

До утесов было около трех верст.

Когда он, наконец добѣжал до них то там никого не было. Под выступами и навѣсами скал он, крича, искал Елену Павловну, но крик тонул в грохотѣ грозы. Побѣжал обратно, запнулся за корень, упал, ударившись головой о камни, в ушах зазвенѣло, но тотчас поднявшись на ноги, сбросил мѣшавшій дождевик, сдѣлал нѣсколько шагов и, ослѣпленный вспышкой молніи, снова упал, ударившись головой о что то мягкое, приподнялся, новая вспышка на секунды освѣтила долину, и Ратманов увидѣл Елену Павловну, лежащую в сторонѣ от тропы в нѣскольких шагах от сосны сломленной ураганом.

Подбѣжал к ней, приподнял голову, она была без сознанія. Поднял на руки и понес домой. С трудом перебарывая напоры вѣтра, совершенно измученный достиг дома...

Отнес Елену Павловну в спальню. Положил на кровать. На ночном столикѣ зажег свѣчи.

Она лежала мокрая; лицо и руки были в ссадинах и крови. Послушал слабо бившееся сердце, водой промыл царапины. На лицѣ они были не глубоки. Очистил волосы от травы и листьев. Снял платье, подвязки, чулки, туфли; тонкій шелк рубашки прилип к тѣлу. Взяв с туалета маленькіе ножницы, обрѣзал на плечах ленточки, разрѣзал рубашку и обнаженную взяв на руки, раскрыл постель и осторожно положил упругое молодое тѣло, закрыл его простыней и одѣялом.

Страх за ея жизнь заставил его забыть многое. Он поспѣшно натер ей спиртом ноги, дал понюхать нашатырный спирт и Елена Павловна, придя в сознаніе, тихо стонала произнося безсвязныя фразы.

Скоро она стихла и задремала.

Ратманов аккуратно подобрал с пола разбросанныя им мокрыя вещи и только тогда почувствовал тупую усталость.

Гроза не стихала.

Елена Павловна часто просыпалась и металась в нервном бреду по постели. А Ратманов среди хаоса и шума стихіи первый раз почувствовав себя растерявшимся, прислушивался к ея бреду, к посвистам вѣтра через разбитое окно хозяйничавшаго в гостиной, к хрусту деревьев около дома, а в усталом сознаніи бродили мысли о красивом тѣлѣ Еле-

ны Павловны, недавно им самим так хладнокровно обнаженном, уложенном в кровать и прикрытом под самый подбородок.

Ему казалось, что он видѣл миражи ея тѣла в полумракѣ спальни, смотрѣл на ея лицо с пріоткрытыми губами.

Курил сигарету за сигаретой, гнал от себя непривычныя назойливыя мысли, но был безсилен побороть их власть и настойчивость.

Видѣнная нагота Елены Павловны разбудила в нем чутко притаившуюся страсть, придавленную в одиночествѣ волей разсудка...

И только когда забрезжил разсвѣт, гроза стихла.

У Елены Павловны поднялась температура и продолжался бред.

Ратманов, разбитый безсонной ночью, приведя спальню в порядок, послал прислугу за доктором.

10.

Ущербная луна тусклым, пепельным свѣтом разбавляла темноту ночи.

Вѣтер ерошил тайгу, а она, ссорившись с ним, шумѣла скрипѣла, похрустывала.

В окнах домов концессіи уже давно потухли огоньки жизни.

По небу, обгоняя друг друга, мчались наперегонки трепанныя облака.

Вѣроятно, около бараков рабочих жалобно выли собаки, будто жаловались осколку отсвѣтившей луны на жестокость людей, убивающих слѣпорожденных щенят.

На крутом берегу рѣки, под лиственницами, размахивавшими вѣтвями, на бревнѣ сидѣла Елена Павловна в тѣни, порывисто переползавшей с мѣста на мѣсто. Запрокинула назад голову. Прищурила глаза за сѣткой длинных рѣсниц. Во рту дымилась сигарета. Налетая, вѣтер трепал пышные волосы, шевелил полость шали, сорванной им с ея плеча. Надуваясь порванным парусом, шаль взмахивала, как крыло подраненной птицы.

Опершись руками в бревно, Елена Павловна наблюдала полет облаков...

Разрозненныя, послѣполуночныя облака.

Смотрѣла на их гонки и думала о днях прошедшаго лѣта.

Лѣто прошло перед ея глазами. Наступавшая осень, составляя блеклые тона красок уже пробовала их на темной зелени.

Думала, как быстро прошло время, еще так недавно она вступила на тропы долины, на которых отпечатались слѣды ея шагов. Думала, что ея слѣды, может-быть, стерли слѣды другой женщины, жившей здѣсь раньше, не понявшей ласковую лю-

бовь Ратманова. Думала, что скоро, покинув долину, оставит на тропах свои недолговѣчные слѣды. Потом они исчезнут, смытые дождями осени и ручейками весны, и только горы и тайга останутся прежними вѣчными. Думала, что прожила среди них четыре мѣсяца, часто бродила по ним одна и, сопровождаемая хозяином, слушала его слова, нереальныя мечты, постепенно вытѣснившія из памяти все лишнее, заставившія забыть прошлое. Понимала, что теперь снова вѣрила в свѣтлую жизнь, хотѣла встрѣчь с людьми, чтобы разсказать о том, что слышала от Ратманова. Мятущаяся больная душа неожиданно обрѣла покой около образов его мечтаній. Старалась вспомнить сейчас гдѣ, когда и о чем он ей говорил...

Сидѣла в эту ночь на том мѣстѣ, гдѣ в первую ночь послѣ пріѣзда в долину плакала, чувствуя свое одиночество, тоску и ненужность существованія. На этом бревнѣ думала вначалѣ о любимом, смявшем чувство, принесшем страданія, заставившія бѣжать в тайгу.

Сегодня думала обо всем прошлом спокойно, как будто о страницѣ случайно прочитанной книги, забыв даже, что пережила все это сама.

Забыла прошлое.

Тепло настоящаго, образ Ратманова был важнѣе всего, что было прежде.

Понимала, что чувство к Ратманову, заставило забыть все и помнить только о нем.

Нахмурила брови, устало закрыла глаза, когда вспомнила, что скоро наступит конец тихой жизни в обществѣ чуткаго человѣка, умѣюшаго покоить душу полетами, пусть даже несбыточной мечты.

Вздрогнула, вспомнив, как билось ея сердце, когда на полотнѣ желѣзной дороги, осыпанная искрами, испуганная стремительностью мчащагося экспресса, ища защиты, прижалась к Ратманову. Вспомнила, как нѣсколько дней избѣгала с ним встрѣчь от стыда, когда утром очнувшись от обморока во время грозы, поняла, что он, раздѣв ее, уложил в кровать.

От воспоминанiй просыпалась в ней женщина: тѣло требовало у разсудка права на ласки.

Знала, что сидѣла сейчас на бревнѣ только потому, что не могла уснуть от желанiй ласки в безпокойну вѣтреную ночь.

Все вспомнила и поняла, что любила Ратманова, но боялась даже себѣ в этом признаться, боялась даже думать об этом, зная что его мечта о любви к ушедшей никогда не уступит ей мѣста в его мыслях и сердцѣ.

Поняла сейчас так ясно и просто, что отыскать в себѣ новое чувство к Ратманову помогли ей природа и его мечты...

Но конец приближался, еще нѣсколько дней жизни в долинѣ, — и наступит прощанiе с природой и с тѣм, кто среди нее стал ей необходим и дорог.

Облака по небу все бѣжали, и бѣжали, перегоняя друг друга.

Вѣтер теребил щубы тайги.

Сидѣла погруженная в думы Елена Павловна в тѣни под размахивавшими вѣтвями лиственниц.

Колѣни ног студил вѣтер. У туфель шевелилась сорванная им с плеч пестрая шаль...

В тайгѣ глухо кричали филины, как будто кашляли простуженные старики.

11

Сентябрьской ночью мерцали студеныя звѣзды.

Над долиной висѣл рог народившагося мѣсяца. На обрывѣ около начала каменной лѣстницы, ведущей к прибрежным зарослям, дымился догоравшій костер. Густой, смолистый дым от него полз, прижавшись к граниту, и спускался холстами к рѣкѣ. Временами дым разрывали языки пламени, обгладывали жадно еще не сгорѣвшіе сучки, потрескивая, сыпали искрами, и отыскивали в темнотѣ силуэты сидѣвших у костра Елены Павловны и Ратманова, нащупывали их желтыми отблесками.

Ратманов курил, склонив голову; казался таким спокойным, отдыхающим только руки выдавали его нервность, пальцы ломали лежашія около него сухія вѣточки.

Елена Павловна смотрѣла на вылетавшія из дыма искры, на сгорбленную фигуру Ратманова, на лежавших у ея ног в уютной кучѣ собак, пригрѣтых теплом костра. Смотрѣла на силуэты горных хребтов, на заново вызолоченный полумѣсяц...

Издалека, там гдѣ горная тайга сливалась с темнотой, доносился глухой бой барабанов.

Пхум, пхум, пхум.

Били барабаны. Кто то, скрытый ночью, извѣщал тѣх, кто понимал эти ночные звуки, что наступило время передачи из лѣса в мір опіума и жень-шеня,

Древній радіо-телеграф тайги.

Вслушиваясь в него, Елена Павловна вспомнила разсказы Ратманова и представляла себѣ, как по таежным тропам во мракѣ ночи крадутся тѣни людей с безшумными шагами, как у хищных звѣрей и уносят из тайги драгоцѣнности наркоза.

Ратманов бросил в костер нѣсколько горстей сучков; вспыхнуло на минуты яркое пламя, освѣтило прищурившуюся Елену Павловну.

— Вам не холодно?

— Почему вы спросили?

— Костер совсѣм затухает, а ночь довольно холодная.

— О чем вы так упорно думаете? Молчите. Меня пугает ваше молчаніе. Вам сегодня скучно со мной? Вам как будто надоѣло занимать разговорами гостью?

— Мнѣ просто грустно. Грустно освобождать вас из плѣна. Завтра вас не будет в моем домѣ, и я буду вновь жить мечтами. Потом я забуду, ваше лицо, забуду тембр голоса. Вы уѣзжаете и мнѣ грустно. Но остается только пожать на прощаніе руку и пожелать счастливаго пути. Обѣщайте мнѣ беречь себя от ярких встрѣч, выжигающих в душѣ тавро незабываемых воспоминаній. Мнѣ грустно еще и потому, что снова обманулся в своих надеждах. Увѣрил себя необдуманно, что долина, рѣка, тайга и горы зачаруют вас и вы останетесь среди них надолго, навсегда. Мнѣ даже представлялись зимніе вечера, когда звуками музыки вы бы заглушали от слуха рулады голодных волков, шакалов и вой метели. Увѣрил, что смогу заставить вас полюбить одиночество со мной, но ошибся, забыл, что молоды, многаго не знаете, вам любопытно будущее...

Осень напугала вас. Ну, что ж, счастливый путь, милая плѣнница!

Помните, что если в городѣ вам станет душно от того, что будет нашептывать судьба, вспомните обо мнѣ и пріѣзжайте слушать мой бред...

Я буду показывать вам снѣжную тайгу, буду фантазировать, может быть, даже съумѣю к тому

времени сочинить сказку, как в горах меня полюбила незнакомая женщина... Вот опять пристально смотрите на меня, ибо этому трудно повѣрить. Но я же сказал, что придумаю сказку, а сказки не бывают правдивыми... Итак завтра будет грустный день. Буду завтра думать, что может быть потом вы сами пріѣдете навѣстить меня вдвоем, с ним полюбившим вас крѣпко и искренне, как я люблю долину и тайгу...

Не вслушивайтесь в мои слова, я вовсе не хочу вас отговаривать от отъѣзда в город. Уѣзжайте. Ищите любовь яркую, как солнце, ищите ласку, ибо без них нѣт радости жизни. Вы видите, какой я без них, вы знаете, что я без них почти сумасшедшій. И пока вы были в горах, мнѣ было легко, я чувствовал тепло жизни, мнѣ легче было жить мечтой. Но вы напомнили мнѣ, что кромѣ мечты есть красивая яркая реальность, ея воплощенія. Мнѣ вдруг захотѣлось реальности. Захотѣлось воплощенія только одной мечты...

Уѣзжайте. Смѣйтесь в городѣ, как вас научило смѣяться солнце. Разскажите всѣм, что жизнь в природѣ проще и содержательнѣй. Разскажите, сколько красок в природѣ когда ее освѣщает солнце, как красивы лунныя тѣни в горах, но прошу вас никому не говорите о моих мыслях. Не говорите, что я воображаю себя герцогом, что называю сопки средневѣковыми замками. Не вспоминайте, как я фантазирую, а то слушатели подымут меня

на смѣх... Говорите им о суевѣріях Чжао-ин-фана, о цвѣтах, смоченных кровью измѣнника, но ни слова обо мнѣ. Я для них только больной фантаст, котораго трудно понять, но легко высмѣять...

Елена Павловна встала; ей хотѣлось подойти к Ратманову и сказать многое из того, о чем она поняла не так давно, сидя ночью на обрывѣ у лиственниц. Она уже сдѣлала рѣшительный шаг к нему но остановилась... Сказала, но другое; то о чем хотѣла сказать при прощаніи.

— Я буду молиться о вашей жизни и счастьи, которое вы заслужили.

Глаза у нее стали влажными.

Костер почти потух и едва дымился.

— Мнѣ холодно, Константин Александрович.

И, не дождавшись его отвѣта, повернулась и в сопровожденіи собак пошла к дому.

Ратманов, ничего не отвѣтив на ея слова, остался у костра, и кривым сучком ворошил в золѣ угли.

Висѣл над ним золотой рог народившагося полумѣсяца...

Пхум, пхум, пхум.

Глухо били в ночи барабаны, передавая азбуку таежнаго радіо телеграфа.

12

В «Долинѣ стеклянной фанзы» осень осыпала на замлю раскрашенные листья. Нѣсколько дней не переставая шел дождь. Вѣтер из глубины лѣсов приносил с собой по ночам отзвуки волчьяго воя, слушая который, собаки концессіи тянули нудныя ноты подвываній.

В гостиной на столѣ в канделябрѣ бѣлѣло девять свѣчей, но зажжена из них только одна. Дергалось ея пламя и только около себя разгоняло темноту, окрашивая ее в желтоватый полумрак, напоминавшій дым.

На столѣ стояла бутылка с вином, ваза с фруктами и два бокала.

Один бокал чистый, другой с недопитым вином.

Старик доктор ходил по гостиной в теплой вязанной курткѣ, что то напѣвая себѣ под нос.

Около окна в креслѣ сидѣл Ратманов и наблюдал, как на стеклах в отсвѣтах свѣчи искрились капельки дождя, сбѣгая по ним извилистыми струйками.

Послѣ отъѣзда Елены Павловны прошло три недѣли.

Он не получил от нее ни одного письма. Ратманов был увѣрен, что скоро забудет случайную гостью, останется с привычным, временно прерванным одиночеством. Но с каждым новым днем убѣждался, что теперь одиночество тяготило его все больше и больше. Мечты фантаста не могли побѣдить воспоминаній о ея жизни в горах, и он тяготясь одиночеством, просил доктора поселиться в его домѣ.

От доктора, от всего его старческаго облика вѣяло покоем и уютом. Он почти всегда молчал, и Ратманов был рад его присутствію, что будучи не один все же имѣл возможность оставаться с самим собой. Доктор часами просиживал за роялем, играя вальсы Штрауса, подпѣвая мелодіи сиплым голосом, или же, заложив руки за спину, ходил по гостиной, курил, покашливал, вытирая платком слезы из постоянно слезящагося праваго глаза...

Часы пробили десять.

Их равномѣрные удары отвлекли Ратманова от раздумія; он встал и всматриваясь в полумрак, нашел доктора.

— Яков Лукич, зажгите больше свѣта, так темно, что я едва отыскал вас.

— Я нахожу что свѣта достаточно. Мы друг друга никогда не потеряем из виду, отвѣтил доктор, остановился у стола, долив свой бокал вином.

— Вам тоже можно налить?

Спросил, посмотрѣв на Ратманова поверх очков.

— Налейте.

Доктор налил вино в пустой бокал и подал его Ратманову, выпил свой бокал залпом и, заложив руки за спину, вновь зашагал.

Прошло нѣсколько молчаливых минут.

— Не нравится мнѣ, Константин Александрович, вто вы теперь мало гуляете. Ну, сегодня, понятно, дождь и много не нагуляешь... Но, впрочем, раньше вас и дождь не мог удержать дома. Не нравится мнѣ также и ваше уж слишком сосредоточенное раздуміе. Я так думаю, что вам надо развлечься и полѣчить нервишки. Катните-ка, голубчик, в Японію, покупайтесь в морѣ...

— Я никуда не поѣду из гор, мнѣ хорошо здѣсь.

— Я и не думал сказать вам что здѣсь плохо. Уж на что я плохой романтик, но осенью как то особенно люблю нашу природу. Мысли она хорошія во мнѣ пробуждает. Молодым становлюсь от ея свѣжести.

— А мнѣ теперь холодно среди нее. Одиноко и холодно.

— Странно. Вы всегда здѣсь были одиноки, хотя бы послѣдніе четыра года.

— Мнѣ грустно, что от нас уѣхала Елена Павловна. Я привык к ней. Она пріучила меня к своим заботам. В домѣ меня особенно щемит тоска; многіе предметы так ярко напоминают о ней.

— Да, это так, грустно без нее. Вот была бы с нами сейчас, мы бы не бродили из угла в угол с повѣшенными носами. Сыграла бы Листа или Рахманинова, ожили бы в нашей душѣ разные хорошіе помыслы.

Мнѣ все вѣрится, что она еще пріѣдет к нам, пріѣдет навѣстить, посмотрѣть с нами на долину осенью. Я все время жду ее...

— Вижу, что ждете.

— А она даже не пишет.

— А зачѣм мы ей с вами. Она ушла в свою жизнь. Жизнь принесет ей новыя встрѣчи.

— Вы правы: в них она забудет о нас. Мы были нужны ей только здѣсь, пока была среди нас, когда мучилась в тоскѣ о любимом. Тоска прошла. Забыты и мы. Затосковал я о ней. Прежде придумывал роли и играл их для самого себя. Мнѣ тогда часто казалось, что я молод. Прежде я любил мечтать, а ее присутствіе среди нас оту-

чило мечтать. Напомнила, что реальность сильнѣе мечты. Напомнила, что гдѣ то звучит смѣх, позвавшій ее к себѣ, и она, не задумываясь, промѣняла на него красоту природы и нас... Я привык к ней, Яков Лукич.

— Привыкли?

Переспросил доктор.

— Да, привык к ея обществу.

— А портрет Наталіи со стола почему убрали послѣ ея отдѣзда?

— А вам не все равно, почему я сдѣлал это?

— Нѣт, я просто так спросил.

— Забыл Наталію.

— Забыли? Вот и хорошо. Так и Елену Павловну забудете. Все забывается, мой дорогой, и хорошее и плохое, а потому и ныть сейчас нечего. Давайте лучше выпьем.

— Благодарю вас, я не хочу.

— Жаль, придется сдѣлать это в одиночествѣ. За ваше здоровье.

Доктор выпил вино, закурил и подошел к роялю; стоя взял нѣсколько аккордов.

— Вы сказали, что забыли Наталію? А я скажу вам точнѣе: не забыли, Константин Александрович, а полюбили другую.

— Яков Лукич.

— Да, я свое имя не забыл. Вы лучше скажите, почему от нас Елена Павловна уѣхала, так можно сказать неожиданно? Навѣрно отвѣтите, что не знаете. Так я скажу вам почему. Уѣхала, потому что полюбила вас. Пожалуйста не перебивайте меня, я не так глуп, как выгляжу. Дайте досказать... И не пишет только поэтому...

Слова доктора прервал стук в дверь.

— Войдите.

Громко отвѣтил на стук доктор.

Вошел молодой мужчина.

— Извините, Константин Александорович, что я так поздно безпокою вас, только сейчас прiѣхал рядчик из «Вольчьей пади» и сообщил, что там лѣсной пожар бушует вторыя сутки.

Ратманов не сразу понял смысл его слов. В ушах билась фраза доктора: «потому что полюбибила вас».

— Скажите пожалуйста рядчику, что я поѣду туда завтра утром.

— Слушаю. Покойной ночи.

Молодой мужчина, поклонившись, вышел.

— Опять подожгли черти.

— Вы о чем Яков Лукич?

— О пожарѣ думаю. Дубы в «Волчьей пади» больно хорошiе. Кто это поджигает, узнать бы

только, да сообщить Чжао-ин-фану, он бы прописал им ижицу.

— Когда вы сказали, что Елена Павловна полюбила меня, вы сознавали свои слова?

— Ну уж извините меня, дорогой, я обдумываю каждое свое слово и всегда за него несу отвѣтственность. Конечно, полюбила. Вы хорошій человѣк. Вас нельзя не любить. Понимаете: хорошій вы. А вот как больше похвалить и не знаю. Краснорѣчіе мое в этой области ограниченное. Хорошій человѣк. И этим для меня все сказано... Вы слышали мои слова; думайте, как хотите, и поступайте, как рѣшите. Подумайте о них посерьезнѣй. Голова у вас на плечах свѣтлая. Мое дѣло сказать, когда человѣк сам причину своей тоски понять не может, сказать и в сторону. Теперь я иду спать. С вами всю бутылку вина один выпил. Забыл даже, что мнѣ пить вредно и все прочее. Покойной ночи.

Доктор дошел уже до двери, но вернулся, подошел к роялю, закрыл крышку и только тогда вышел.

Ратманов стоял у окна. Ничего, кромѣ блестящих капель на стеклах, не видѣл, но на душѣ у него было радостно.

13.

Вернувшись из тайги в город, Елена Павловна, уступив настойчивым просьбам Надежды Николаевны, поселилась в ея домѣ.

Первые дни послѣ пріѣзда, не выходя из дома, провела с милой, ласковой старухой, отказываясь принимать знакомых, отказываясь подходить даже на вызовы к телефону.

Задумчивая, замкнутая, безцѣльно бродила по комнатам, рѣдко играла на роялѣ, вечерами забившись в глубокое кресло, разсказывала Надеждѣ Николаевнѣ о всем видѣнном в тайгѣ, о всем услышанном от Ратманова.

Но с каждым днем грусть о Ратмановѣ охватывала ее все сильнѣй; перестала спать, думая о жизни в тайгѣ, доводила себя до головных болей, тогда измученная бросалась в постель и, обливаясь слезами, только под утро забывалась тревожным сном.

Писала Ратманову длинныя письма, перечитывая, рвала их; писала вновь, но так и не рѣшилась ни одно из них отправить по назначенію.

То, вдруг поспѣшно принимала рѣшеніе немедленно вернуться в тайгу, радостная заказывала билет, упаковывала чемоданы, но также внезапно раздумывала.

Металась, не находя возможности избавиться от настойчивых воспоминаній. Наконец, опять же по совѣту Надежды Николаевны, когда ея нервное напряженіе достигло предѣла, в один из вечеров поѣхала в гости, вернулась домой на разсвѣтѣ уставшая, забывшая в обществѣ на короткіе часы

о настойчивом зовѣ окрѣпшаго в душѣ чувства к Ратманову.

На слѣдующій вечер уѣхала из дому уже намѣренно и с тѣх пор каждую ночь коротала в гостях или в ночных ресторанах, окруженная друзьями и поклонииками.

Старалась быть безпечно веселой, играла роли, как учил их играть для себя Ратманов, смѣялась, танцевала, пила, принимала ухаживанія, выслушивала признанія, о которых тотчас забывала, вернувшись домой, спала до сумерек и так третью недѣлю.

Надежда Николаевна, внимательно слѣдившая за ея состояніем, ни о чем ее не спрашивая, чутко угадывала причину, не пыталась ее удерживать и старалась быть с ней только еще болѣе ласковой...

***

На разсвѣтѣ моросил мелкій дождь.

По мглистым, пустым корридорам городских улиц, подернутых промозглыми туманами осенняго ненастья, мчался автомобиль.

В нем Елена Павловна в сопровожденіи пожилого мужчины возвращалась домой особенно усталая от веселія прошедшей ночи.

Откинув голову к спинкѣ дивана, она, прикрыв глаза, слышала шопот спутника.

— Поймите, что я люблю вас. Я постараюсь

сдѣлать вашу жизнь красивой и счастливой. Мы уѣдем отсюда. Вы увидите міръ... Умоляю вас подумать о всем, что я вам сегодня сказал...

Автомобиль остановился у подъѣзда дома Надежды Николаевны.

Елена Павловна вышла из него и, протягивая руку спутнику, улыбнувшись, сказала:

— Я обѣщаю. Я подумаю о том, что вы сказали. Досвиданія. Провожать не надо. Прошу вас: я пойду одна.

Медленно прошла по аллеѣ сада к двери и позвонила.

Услышала за дверью поспѣшные шаги Надежды Николаевны и голос.

— Это ты, Леля?

Не успѣла отвѣтить, как дверь открылась, увидѣла перед собой встревоженное лицо Надежды Николаены.

— Леля, родная моя! Наконец-то ты вернулась. Я искала тебя по телефону по всѣм знакомым.

— Что случилось?

— Раздѣвайся скорѣй и иди в гостиную.

— Что случилось я спрашиваю? Что с вами, дорогая?

— От доктора концессіи двѣ телеграммы.

— Там несчастье?

— Да?

— С кѣм?

Елена Павловна, бросив на пол пальто и шляпу, бѣжала за Надеждой Николаевной.

— С кѣм несчастье? С Ратмановым?

— Да. Вот телеграммы. Читай.

Елена Павловна прочла первую телеграмму.

«При тушеніи лѣсного пожара, тяжело ранен Ратманов. Поврежден череп. Опасаюсь сотрясенія мозга. Повреждены зрительные нервы. Телеграфировал хирургу Шерву. Ускорьте его пріѣзд.»

— Боже мой!...

Взглянув на Надежду Николаевну, прошептала Елена Павловна, дрожавшей рукой взяла от нее вторую телеграмму.

«Константин ослѣп. Ускорьте пріѣзд Шерва. Умоляю.»

Вторую телеграмму перечитала нѣсколько раз. Кружилась голова, все тѣло студил озноб. Нервно и долго искала в книжкѣ телефон хирурга. Позвонила. Попросила к телефону доктора. Услышала в отвѣт спокойный голос, сказавшій, доктор шесть часов тому назад уѣхал к больному на концессію Ратманова.

Повѣсила трубку.

Подошла к креслу к сидѣвшей в нем Надеждѣ Николаевнѣ, встала на колѣни, обняла ее, прижалась к груди и сдавленным шопотом сказала:

— Господи, какое несчастье!

А в сознаніи ожила жуткая мысль, что владѣтельный герцог горных, таежных замков в «Долинѣ стеклянной фанзы», любимый, мечтательный инженер, ослѣпшій, не сможет никогда увидѣть грядущей принцессы...

Уткнувшись в грудь старухи, Елена Павловна заплакала тихо, как ребенок.

14

Тяжело раненаго и потерявшаго зрѣніе Ратманова привезли в город. Перенесшій операцію, он уже недѣлю лежал в госпиталѣ.

***

Сѣдой старик, хирург Шерв, войдя в пріемную комнату госпиталя, подошел к ожидавшим его Надеждѣ Николаевнѣ и Еленѣ Павловнѣ.

— Доброе утро! Мнѣ очень жаль, но и сегодня я ничѣм не могу вас порадовать. Ночь больной провел ужасно. Сейчас его состояніе склонно к ухудшенію. В бреду он все время зовет, видимо, дорогую ему женщину. В минуты просвѣтлѣнія нервно и нетерпѣливо ждет ея прихода. Ея имя Наталія. Если вам извѣстно, кто она такая, то я просил бы передать ей, что присутствіе ее около больного весьма желательно, так как принесло бы ему извѣстное успокоеніе, помогло бы вернуть душевное равновѣсіе, а это уже почти спасеніе

разсудка. Как для меня это ни печально, но должен вам сказать, что его положеніе все еще угрожающе. Через час я сдѣлаю еще одну серьезную операцію и не буду скрывать, что от ея исхода будет зависѣть очень многое.

В пріемную в безшумно открывшуюся дверь вошла сестра милосердія и позвала доктора.

— Прошу меня извинить. Успокойтесь. Помните: все, что возможно сдѣлать для спасенія его жизни и зрѣнія, будет мною сдѣлано. Вы в свою очередь постарайтесь найти дорогую ему женщину. Ея присутствіе около него для его душевнаго состоянія теперь так же необходимо, как необходима моя помощь хирурга. Досвиданія. Успокойтесь и старайтесь увѣрить себя, что все будет хорошо...

***

Сумерки застали доктора Якова Лукича, Надежду Николаевну и Елену Павловну в гостиной. Доктор по обыкновенію, заложив руки за спину, ходил и разсказывал:

— Ночью, наканунѣ несчастья, как сейчас помню, лил дождь. Константин хмуро грустил. Загрустил с перваго дня вашего отъѣзда. Рѣдко выходил из дому, забросил дѣла, сидѣл заперевшись в кабинетѣ... Меня, конечно, безпокоило его состояніе... Я уже, кажется, сказал вам, что в ту ночь шел нудный осенній дождь. В разговорѣ со мной, он сказал, что ждет вас обратно. Даже по обыкновенію размечтался. Мнѣ было больно на-

блюдать его упавшее настроеніе, я, наконац, не выдержал и сказал ему...

Доктор на минуту замолчал, пристально посмотрѣл на Елену Павловну и продолжал.

— Конечно, может-быть, не слѣдовало бы говорить об этом; наконец, я просто не имѣл на это права. Но я сказал, и теперь даже ругать меня за это слишком поздно.

Елена Павловна спросила.

— О чем вы сказали ему?

— Сказал, что вы его любите.

— Яков Лукич, зачѣм?

— Милая, не обижайтесь на старика. Сказал об этом только потому, что почувствовал вашу любовь к нему.

— Вы сказали правду.

— Хотѣл его этой правдой обрадовать и успокоить. Надѣялся, что он поѣдет в город, привезет вас обратно в горы... Но случилось все по иному... Как бы предчувствуя несчастье, я поѣхал с ним на тушеніе пожара. На моих глазах его придавило стволом рухнувшаго горящаго кедра. Через минуту мы с трудом вытащили его из под пылающих вѣтвей. Залитый кровью, с разбитой головой, с мучительными ожогами всего тѣла, он по временам терял сознаніе. Я на мѣстѣ трагедіи сдѣлал первую операцію, зная, что должен во что бы то ни стало спасти жизнь хорошаго человѣка и единственнаго, настоящаго для меня друга.

Приходя в сознаніе, он мучительно стонал от боли, скоро перестал видѣть, плакал от ужаса снова бредил.

— В бреду звал Наталію?

— Да, Елена Павловна.

— Я так и думала.

Сказав послѣднюю фразу, она вышла из гостиной...

Доктор, посмотрѣв ей в слѣд, сокрушенно покачал головой.

— Бѣдная! Не ладно у меня с разсказом вышло. Уж лучше бы я молчал.

— Яков Лукич, скажите мнѣ по совѣсти, что вам говорит Шерв о здоровьи Константина Александровича?

— К сожалѣнію, в его словах, Надежда Николаевна, я не нахожу для нас ничего утѣшительнаго пока что только, слабыя надежды на благополучный исход. Знаю что утренняя операція прошла как будто благополучно. Но все же еще нѣт увѣренности, что жизнь спасена окончательно.

Из глубины дома донесся звонок телефона и через минуту вернулась в гостиную Елена Павловна.

— Яков Лукич вас просят немедленно пріѣхать в госпиталь.

— Хорошо, хорошо, я сейчас, дорогая.

— Яков Лукич, позвоните нам, зачѣм вас вызвали. Скажите только правду, какой бы страшной она ни была. Обѣщаете?

— Конечно, и просить об этом не надо Елена Павловна. Досвиданія.

Доктор ушел...

Елена Павловна ходила по комнатѣ устало и безразлично.

— Леля! Ты должна понять...

— Надежда Николаевна, я понимаю. Знаю, что он все еще ее любит. Меня пугает другое, что доктора чего то нам не договаривают. В госпиталѣ днем были обезпокоены, что послѣ операціи у него не поднималась температура. Я боюсь рокового исхода... Как вы думаете: Яков Лукич уже в госпиталѣ?

— Конечно, нѣт еще.

— Но от нас до госпиталя так близко.

— Успокойся.

— Я хочу, наконец, знать только правду. Как вы думаете, Яков Лукич скажет нам правду?

— Думаю, что да.

Услышали телефонный звонок. Елена Павловна почти вы бѣжала из гостиной...

*
* *

Вернувшись, Елена Павловна подошла к дивану, на котором сидѣла Надежда Николаевна.

— Леля, что он сказал?

Елена Павловна молчала, закурила сигарету. Сѣла рядом с Надеждой Николаевной, обняла ее.

— Сказал, что теперь есть надежда, что все будет хорошо. Твердая надежда. Первая свѣтлая вѣсть. Температура поднимается... Яков Лукич будет около него дежурить всю ночь. Я так рада. Господи, как я рада! Только бы жил, пусть даже слѣпой.

Долго молча курила, а потом шопотом опять сказала, как будто отвѣтила сама себѣ на заданный вопрос.

— Я завидую Наталіи, что он так глубоко ее любит...

15

Пасмурный, неуютный день.

В комнатѣ с пестрыми обоями в каминѣ, потрескивая сгорали дрова.

Встрѣтились в ней три женщины: Надежда Николаевна, Наталія Владиміровна и Елена Павловна.

Страх двух из них за жизнь Ратманова устроил эту короткую встрѣчу.

Наталія Владимировна нервно ходила по комнатѣ, слушая Надежду Николаевну.

Елена Павловна стояла около камина, прислонившись к стѣнѣ.

— Наташа, спасеніе его жизни теперь уже несомнѣнно. До сих пор трудно что либо сказать относительно зрѣнія. Не исключена, конечно, возможность, что он останется навсегда слѣпым. Мы его еще не видѣли. Он особенно сильно страдает от ожогов. Я еще раз повторяю тебѣ, что, в бреду он все время зовет тебя и ждет твоего прихода. Ты дорога ему. Пойми это. Врачи настойчиво совѣтуют нам просить тебя временно побыть с ним. Твое присутствіе поможет ему обрѣсти покой. Я прошу тебя сдѣлать это во имя вашего прошлаго. Одно твое присутствіе у постели успокоит его и очистит сознаніе от бредовых мечтаній. Милая Наташа, я увѣрена, что ты исполнишь мою просьбу, хотя бы ради простой человѣчности...

Наталія Владимировна остановилась и перебила говорившую.

— К сожалѣнію, я не могу исполнить вашу просьбу. Для меня сейчас это не выполнимо, по многим причинам. Мнѣ жаль его. Такое ужасное несчастье. В другое время я, конечно, смогла бы, но сейчас не могу. Только недавно я прочно устрои-

ла свою жизнь и через нѣсколько дней должна уѣхать в Европу.

Елена Павловна раздраженно закурив сигарету, подошла к Наталіи Владимировнѣ.

— Прошу вас болѣе глубоко подумать о нашей просьбѣ. Вопрос идет о жизни и покоѣ Ратманова. Вы единственная женщина, которая теперь ему необходима. Подумайте только на минуту о том, как он одинок в своем несчастьи.

— В свою очередь, также прошу вас понять, наконец, и меня, что ради странных бредовых фантазій больного человека, я не могу и не намѣрена жертвовать благополучіем моей жизни.

У меня есть болѣе серьезныя обязанности по отношенію к человѣку, который мнѣ теперь нужен и дорог. У меня своя и новая жизнь. Ради чего я должна разыгрывать комедію никому не нужнаго лживаго состраданія?

— Только для того, чтобы спасти Ратманова, который до сих пор, несмотря на все, продолжает вас боготворить и любить.

— Мнѣ не нужна его любовь. Я забыла о ней четыре года тому назад.

— Успокойтесь. Меня подробности не интересуют.

— Что же вам, наконец, от меня нужно.

— Теперь ничего. Забудьте о нашей просьбѣ... Уже идя сюда, я знала, что вы откажетесь. Успо-

койтесь и выслушайте теперь то, что я скажу вам. Думаю, что вас это должно заинтересовать. Сегодня утром я была у доктора Шерва и взяла на себя заранѣе смѣлость сказать ему о вашем отказѣ. Сказала ему также, что рѣшила солгать больному и выдать себя за вас... Я буду исполнять роль вернувшейся любимой женщины. Константин не сразу поймет мой обман, так как у него, кромѣ всего, поврежден также и слух. Буду около него, пока он не поправится. На мое счастье доктор, выслушав меня, согласился с моей идеей и совѣтовал мнѣ попробовать...

Завтра я приступлю к исполненію своей роли. Говорю вам об этом, услышав, на просьбу о помощи, ваш отказ. А поступаю так только потому, что люблю Ратманова.

Это пожалуй все. От себя лично я могу вам пожелать только всего лучшаго, а также на пути в Европу сохранить благополучіе новой жизни...

16

Пушистый снѣг медленно и настойчиво засыпал город.

Вечером в домѣ Надежды Николаевны было особенно тихо. В комнатѣ, в которой послѣ переѣзда из госпиталя жил Ратманов, на письменном столѣ горѣла лампа под зеленым абажуром.

Ратманов с перевязанной головой, с плотной черной повязкой на глазах ходил по одной заученной линiи мимо стола, боясь хотя бы немного отклониться в сторону.

В креслѣ у стѣны, поджав под себя ноги, сидѣла Елена Павловна, курила и задумавшись наблюдала за Ратмановым. Послѣднiе дни они встрѣчались рѣдко. Ратманов под разными предлогами избѣгал встрѣч.

Послѣ мучительной для обоих молчаливой паузы Елена Павловна, притушив в пепельницѣ сигарету, спросила.

— Скучно тебѣ со мной, Костя?

— Почему ты так думаешь?

— Вижу. Хочешь я почитаю тебе?

— Спасибо Наташа. У меня болит голова.

— За эту недѣлю ты стал странным Костя. Сегодня, когда я пришла, даже не поцѣловал меня. Все время чѣм то озабочен. Скажи мнѣ, что случилось? Знаешь, как меня пугает твое настроенiе. В эти дни ты даже не стараешься скрыть, что тебя тяготит мое присутствiе.

— Наташа, как хорошо, что ты сама заговорила об этом. Я давно хотѣл сказать тебѣ многое, но не рѣшался... Прежде всего я хотѣл сказать, что не узнаю тебя. Ты, видимо, измѣнилась во всем настолько, что я не узнаю даже твой голос. Мо-

жет быть относительно голоса я не прав, возможно он прежній, и я просто ошибаюсь, так как плохо слышу. Уже два мѣсяца ты около меня почти неотлучно, я испытываю твои нѣжныя заботы. Два мѣсяца стараюсь разобраться во всем, что со мной произошло... Я не вижу тебя, но чувствую, что ты перемѣнилась даже внѣшне. Например раньше твои шаги ни были такими тихими. С тѣх пор, как ты ушла из моей жизни, прошло четыре года. Я не забыл тебя. Всѣ годы любил тебя по-прежнему, стал фантастом, создав себѣ жизнь из нелѣпых мечтаній и только благодаря им жил. Культом, сутью жизни был твой мысленный призрак. Безсонными зимними ночами под завыванія метелей я разговаривал с твоим портретом, погруженный в воспоминанія о нашем ярком совмѣстном прошлом. Всѣ эти годы я знал, как шла твоя жизнь в городѣ. Радовался, когда узнавал, что ты бывала временно счастлива...

Трудно передать, что я передумал о тебѣ за эти годы в берлогѣ своего дома. И пожалуй только лѣсное одиночество и мечты помогли не сойти съума.

Так прошли эти долгіе для меня четыре года...

Как знать, может быть, так прошла бы вся моя жизнь, если бы в горы не пріѣхала Елена Павловна? Пріѣхала по совѣту Надежды Николаевны полѣчить одиночеством заболѣвшую в городѣ душу. Пріѣхала и принесла в тайгу для нас кипучую радость жизни. Вначалѣ я был против ея пріѣзда, не хотѣл, чтобы другая

женщина переступала порог дома, в котором когда то жила ты, а послѣ жил твой призрак...

Елена Павловна как-то особенно просто вошла в нашу жизнь. Она была дивная, Наташа. Умѣла так ласково заботиться о людях, была ясным солнышком всей колоніи одичалых таежных мужчин...

Наступила осень. Забыв о своей трагедіи, она уѣхала обратно в город. Мнѣ стало грустно послѣ ея отъѣзда; ты понимаешь — я привык к ней...

Потом лѣсной пожар, мое несчастье, слѣпота, твое потрясающее, неожиданное возвращеніе ко мнѣ... Наташа. я до сих пор не знаю что заставило тебя вернуться. Может быть чувство, может быть состраданіе к несчастному. На мои вопросы ты стараешься упорно молчать. Я знаю только одно, что ты со мной и принесла мнѣ удивительную чуткость и ласку на которую ты, прежняя Наташа, не была способна. Прости, что говорю так. Но я знал тебя прежней, знаю теперь совершенно новой...

А теперь постарайся понять и простить меня за все, что я сейчас скажу. Лгать тебѣ я больше не могу... Наташа, я люблю Елену Павловну. Цѣлуя тебя, думаю о ней, путаю твой голос с ея голосом. Чувство к ней заслонило собой все, сожгло в себѣ воспоминанія о нашем прошлом, разогнало мечты о твоем призракѣ...

Теперь ты знаешь мучившую меня правду. Слѣпой я ничего не смогу дать тебѣ. Останусь один. Ее, конечно, никогда не увижу. Она даже не знает о моем чувствѣ и кромѣ того уѣхала из города неизвѣстно куда.

Наташа, прошу тебя, не приходи больше ко мнѣ, мнѣ будет легче, не нужно будет лгать. Меня все время мучило сознаніе, что за все, что ты несешь мнѣ теперь, я ничѣм не смогу отплатить.

Ты должна понять, что мнѣ приходится теперь переживать. Несчастье убило во мнѣ вѣру в себя. Мнѣ еще не совсем понятен кошмар слѣпого, так как сейчас еще есть надежда, что зрѣніе вернется. Подумай, что будет со мной, когда надежда рухнет?

Слѣпой на всю жизнь...

Мнѣ многое придется пережить и все дальнѣйшее я хочу переживать совершенно один.

Наташа, я никого не хотѣл любить, кромѣ тетебя... Но полюбил... Повѣрь также, что она никогда не узнает об этом и не испытает моей ласки. Сам рок был против моего чувства.

Завтра, Наташа, у нас с тобой снова разныя дороги. Ты уйдешь от меня, как всегда с гордо поднятой головой в свою случайно прерванную

жизнь, я же ощупью пойду к своему неизвѣстному. Не ищи больше встрѣчь со мной, не буди в памяти прошлых красивых лѣсных сказок. Похорони их, как я навсегда похороню образы двух женщин. Тебя-прошлую реальную, и ее-мечту коротких иллюзій...

А потом, позже, если узнаешь, что я ослѣп окончательно, помолись обо мнѣ, помолись, чтобы для своего покоя я скорѣе забыл черты ваших лиц. Забыл бы ваши имена: Наталіи и Елены...

Все это Наташа я хотѣл сказать тебѣ уже нѣсколько дней и не мог рѣшиться...

Волнуясь, Ратманов сбился с заученной линіи своих шагов и наткнулся на край письменнаго стола, уронив с него книги. Минуту он растерянно стоял на мѣстѣ, не зная куда идти, лицо от безпомощности стало влажным от нервнаго пота. Сказал глухо шопотом.

— Наташа, подведи меня к креслу, у меня сразу так нестерпимо заболѣли глаза.

Елена Павловна услышав его просьбу ничего не отвѣтив не пошевельнулась.

— Наташа гдѣ ты? Почему молчишь? Ты здѣсь?

Громко спросил Ратманов.

И только послѣ этого вопроса она как бы очнувшись отвѣтила.

— Я здѣсь, я еще с тобой...

17

Темно было в комнатѣ.

В окна смотрѣл синій мрак зимняго морознаго вечера.

Мерцали в темнотѣ комнаты два огонька горящих сигарет.

Один нз них вспыхивал все время в одном мѣстѣ, другой двигался и вспыхивал в разных мѣстах.

Оба огонька, загораясь, проявляли лица куривших.

В комнатѣ были Ратманов и доктор.

Зрѣніе Ратманова смѣлой операціей хирурга Шерва было почти спасено.

Уже нѣсколько дней ему позволяли на короткіе сроки снимать с глаз повязку...

В сосѣдней комнатѣ зазвонил телефон. Сидѣвшіе слышали, как к нему подошла Надежда Николаевна, слышали ясно ея разговор.

— Здравствуй, милая! Все хорошо. Да, он кажется в своей комнатѣ. У него сидит Яков Лукич. Сегодня он снимал повязку на четверть часа... Что ты сказала? Не глупи пожалуйста. Уѣхать ты никуда не посмѣешь. Я прошу тебя этого не дѣлать... Вот как! В таком случаѣ я сейчас все скажу ему. Слышишь. Я перестаю шутить, Леля...

Послѣ ея послѣдних слов Ратманов закричал:

— Надежда Николаевна, с кѣм вы говорите?

В отвѣт на свой вопрос услышал продолженіе разговора по телефону.

— Он услышал наш разговор. Я, конечно, сейчас разскажу ему все и привезу его к тебѣ. Что? Плохо слышу? Ты пріѣдешь ко мнѣ сама? Это будет прекрасно.

Повѣсив трубку, Надежда Николаевна вошла в темную комнату и зажгла свѣт.

— С кѣм вы сейчас говорили по телефону?

— С Еленой Павловной.

— Она пріѣхала?

— Она никуда не уѣзжала. Все это время была около вас, исполняя роль Наталіи, давно уѣхавшей в Европу. Сейчас она пріѣдет сюда. Прошу вас, дорогой, ни о чем ее не разспрашивать. Она любит вас. Понимаете, любит.

Ратманов молча цѣловал руки Надежды Николаевны.

Яков Лукич курил, покашливая, весело и лукаво улыбаясь своим мыслям...

18

В горной «Долинѣ стеклянной фанзы» бушевала февральская метель.

Три дня неперестающій вѣтер, завывая всевозможными голосами, перегонял с мѣста на мѣсто непроглядные туманы снѣга, ежечасно измѣнял зимнія декораціи гор и тайги.

Три дня пріѣхавшая в долину Елена Павловна слушала завыванія метели...

***

Седьмой час вечера.

Метель стихала.

В гостиной на столѣ, в канделябрѣ зажжены свѣчи.

Девять свѣчей...

Зрачки их пламени мерцали неподвижно, изрѣдка вздрагивая, как бы перемигиваясь друг с другом.

В хрустальной вазѣ фрукты, в чашках китайскаго фарфора стыл душистый чай.

За столом сидѣли Ратманов и Чжао-ин фан.

После возвращенія Ратманова в горы, Чжаоин-фан навѣщал, его почти каждый день.

Огни освѣщали лицо хунхуза в рамкѣ лисьяго мѣха, торчавшаго из под воротника его чернаго шелковаго халата. Вокруг шеи прежнее ожереліе-четки с божками из серебра и золота.

Хунхуз, прищурив слезящіеся глаза, курил длинную трубку.

Стушевываясь у рояля с полумраком, Елена Павловна играла бравурную мелодію. Ея музыка в эти часы звучала, как радостная, торжественная увертюра к той новой жизни, за которой она пріѣхала в метельную тайгу.

Играла, а сама мысленно шла по дивным тропам своих желаній.

Играла, переполненная гордостью от сознанія, что ея любовь к Ратманову горѣла ярким бездымным факелом радости, и что радостью чувства она согрѣвала душу дорогого человѣка.

Играла - и все радостнѣй и мятежнѣй становилась ея мелодія, порой ея звуки своей мощью потрясали бревенчатую душу дома, выгоняя из всѣх его углов лѣсную глухую тишину.

Играла и даже самой казалось, что звуки, вырываясь, сквозь стѣны заглушая, утѣшали плач метели и вслипываніе истеричнаго вѣтра.

Под завыванія метели Елена Павловна славила музыкой свою любовь к Ратманову, славила чувство, принадлежащее только ей.

A сидѣвшіе у стола притихли и, слушая музыку, воспринимали ее каждый по разному.

Европеец и азіат.

Различны их души и мысли...

Чжан-ин-фан, рожденный в убогой фанзѣ, выросшій среди суровых законов природы, перенесшій на плечах и горбѣ много грозных ураганов жизни, научившійся в борьбѣ за существованіе презирать чувство страха даже перед всѣм стихійным, первый раз в своей жизни слышал подобную музыку.

Жестокій дикарь, привыкшій гордо спорить даже с силой своих всесильных даоских богов, он испугался музыки красивой женщины.

Ему не были никогда извѣстны мечты, он не знал о существованіи лирики памяти, а, слушая звуки мелодіи, он чувствовал, как они своей шумной радостью в суровой душѣ азіата будили воспоминанія, почти давно позабытыя.

Ему стало вдруг одиноко и тоскливо, он почувствовал себя таким безпомощным.

Пришурив глаза, смотрѣл в сумрачный дальній угол, а из угла на него свѣтлыми глазами смотрѣли любопытные призраки прошлаго...

Смотрѣли на него шустрые и хитрые глазенки маленькаго горбуна, всегда голоднаго сопливаго китайченка Чжан-ин-фана, сына бѣднаго огородника в лѣсах «Лѣсного моря»... Смотрѣло на него этими глазенками все безотрадное дѣтство.

Вот другіе глаза, глаза переполненные смертельным ужасом, глаза дорогого отца, невинно гибнущаго под мечом безпощаднаго генерала богдыханскаго сатрапа...

Смотрѣли лучистые глаза любимой им знатной дѣвушки, которую он, жестокій мститель, молодой главарь-хунхузов выкрал из родительскаго дома. Видѣл в них свое лучшее и единственное счастье, чувствовал, как от этих туманных видѣній мороз озноба щекотал спину под лисьим мѣхом халата.

Смотрѣли на него ласково глаза женщины, подарившей сына и умершей от этого подарка...

Видѣнія стараго хунхуза все ярче и безпощаднѣй.

Вот опять глаза его единственнаго сына, случайно сраженнаго пулей, жадно ловящіе, послѣдній раз синеву небес в предсмертной агоніи... Послѣ глаза друзей и заклятых врагов. Вся прожитая им жизнь тысячами глаз смотрѣла на него из темнаго угла.

Все заставили вспомнить непонятные ему звуки...

Всю жизнь вспомнил горбатый, безухій, лѣсной король Маьчжуріи — Чжао-ин-фан.

Била его у стола дрожь озноба от того, что руки женщины, извлекая из чернаго деревяннаго ящика звуки, бередили ими в его черством сердцѣ самыя больныя раны...

Звучала прекрасная мелодія музыки под пальцами любящей женщины и неожиданно ворвался в нее из метельной ночи пронзительный человѣческій свист. Вздрогнула от него Елена Павловна, прекратила игру...

Чжао-ин-фан очнулся от видѣній и тотчас же отвѣтил таким же свистом, встав, подошел к Еленѣ Павловнѣ, низко поклонился ей, снял с шеи ожереліе из божков и молча положил его на клавиши рояля.

Простился с Ратмановым и ушел из дома в метельную ночь...

* * *

Только два часа прошло послѣ ухода хунхуза. Но за эти часы метель совершенно стихла.

Вѣтер перестал шевелить и расчесывать гривы снѣжных сугробов и они неподвижными серебристыми дюнами лежали в просторах долины...

Горѣл ярко матовый фонарь луны и освѣщал горы в новых снѣжных декораціях, исполненных трех-дневной метелью по фантастическим и трудно выполнимым эскизам зимы...

Воздух был звонок и чист.

Дышал лунный мороз послѣдними порывами пронесшагося урагана.

Тихо было в домѣ Ратманова.

Елена Павловна, устав читать, отложила книгу, подошла к роялю, на клавишах котораго лежали

четки из божков. Она не трогала их, они как будто на сегодня запрещали прикасаться к инструменту.

Прошлась по комнатам дома. Остановилась у открытых дверей кабинета.

Ратманов сидѣл за письменным столом и писал.

Рысь лежала, как кошка у его ног.

— Константин Александрович! Позвала Елена Павловна.

Посмотрѣл на нее, встал.

— Я помѣшала? Мнѣ скучно без вас.

Подошла к окну в кабинетѣ и сквозь лоскуток незамерзшаго стекла одним глазом смотрѣла на долину.

— Опять такая красивая, лунная ночь. Свѣтло, как днем. Метель стихла.

Ратманов подошел к ней сзада и обнял за плечи.

— Сейчас очень сильный мороз.

— Пойдемте гулять!

— Хорошо, только вы должны теплѣй одѣться...

***

Когда вышли во двор, их сразу окружили вылѣзшіе из конур заиндевѣвшія собаки, окруженныя ими вышли за ворота и, брели наугад по

глубокому снѣгу, по краю обрыва. Залюбовалась Елена Павловна новой зимней панорамой знакомых гор и сопок. Лежали вокруг от каждаго кустика и травинки четко нарисованныя фіолетовыя тѣни...

Вперед по глубокому снѣгу пробирались с трудом.

Елена Павловна играла с собаками, поднявшими неистовый лай.

Вывалявшись в снѣгу, наконец, запыхавшись, подбѣжала она к Ратманову.

— Устала. Не могу больше. Замучили. Защити меня от них, Костя. Милый!

Обняла руками его шею и поцѣловала.

— Я так безумно люблю тебя! Я твоя навсегда!...

Говорила что то еще, но дальнѣйших слов Ратманов не слышал; он поднял ее на руки и, утопая в сугробах, понес домой...

Вокруг него прыгали собаки, лаяли, мѣшали идти.

Елена Павловна громко и весело смѣялась...

Лунной, морозной ночью Ратманов нес в свой дом весело смѣющееся счастье жизни. В стѣнах бревенчатаго дома в эту ночь плѣненная им принцесса, при потухших свѣчах, станет его королевой.

Смѣх Елены Павловны слышали горы и тайга долины.

Радостный смѣх счастливой женщины эхо лунной ночи будет долго пересказывать далеким горным хребтам.

Смѣх женщины, рожденный счастьем, имя которому «Любовь».

Смѣх в морозную лунную ночь, умертвившій мечты Ратманова и подарившій ему дѣйствительность!...

«Умерла королева, да здравствует королева»!..

ЛЕГЕНДА О ТАИНСТВЕННОМ ХРАМѢ ЖИЗНИ

1

Над Шанхаем висѣл звѣздный, бархатистый шатер ночи...

В комнатѣ особняка, среди кипарисоваго сада, встрѣтились в эту ночь мужчина и женщина.

К пылавшему камину близко придвинуто кожаное кресло, около него курительный столик. В фарфоровом подсвѣчникѣ на столикѣ горѣли двѣ свѣчи.

Огоньки свѣчей и вихрастое пламя камина не спорили о своих правах, разбавляя густой полумрак желто-оранжевым свѣтом.

В креслѣ в черном платьѣ сидѣла Ольга Соловьева.

Блондинка с большими синими глазами, была похожа на изящный облик героини из средневѣковой скандинавской легенды. Ея облик, в обстановкѣ современной комнаты, превращался в статуэтку из стариннаго фарфора, потерянную коллекцiонером. Казалось, что ее забыли в комнатѣ совершенно случайно. Легенда давно отзвучала, а одно дѣйствующее лицо из нея осталось в креслѣ у камина и прислушивается к шумам новой жизни.

Ольга пришурившись, курила.

На бѣлом коврѣ, с синими силуэтами шаланд, у ея ног, в тѣсной кучѣ лежали три дога. Собаки

не дремали в истомѣ каминнаго тепла, а внимательно и ласково смотрѣли на Ольгу. Животным передавалось настроеніе людей; они, поворачивая головы, вслушивались в интонаціи голосов.

Сѣдой старик, Генрих Хатчинсон, — хозяин дома-ходил по комнатѣ. Его характерное лицо почти без морщин. Глаза холодны и суровы. Толстыя губы напоминали о нѣкотором добродушіи и наличіи вкуса ко всему чувственному и плотскому. На лицѣ почти всегда улыбка сытаго и довольнаго собой человѣка. Но борьба с жизнью и старость сдѣлали свое дѣло: он все же устал. Усталость чувствовалась в его голосѣ, в замедленности жестов.

— Милая Ольга, мы говорим уже больше часа, но всѣ мои доводы и просьбы разбиваются о ваше русское упрямство. Я все же, наконец, хочу услышать ваше окончательное рѣшеніе.

— Вы его знаете. Я люблю Тасенина, и все остальное для меня не важно.

— Но вы должны понять, что любовь к нему сдѣлала вас нервной. Вам передалась его больная истерія пустого мечтателя.

— Возможно. Когда женщина любит, она вся растворяется в образѣ любимаго, часто воспринимая даже манеру его походки.

— Глупости. Вы любите человѣка, который часто ради своих болѣзненных фантазій унижает в вас достоинство женщины. Вы любите его, а он

мечтает только об одном: о шумѣ вокруг своего имени.

— Точно так же, как вы мечтаете об увеличеніи своего богатства. Согласитесь, что разница слишком незначительна. Каждый из вас мечтает о своем.

— Вы неправы; достигнув предѣла, я перестал мечтать о богатствѣ.

— Почему же тогда не допускаете возможности, что он тоже перестанет мечтать о скитаніях. Вдруг неожиданно для себя задумается о покоѣ, и в этот момент я буду ему нужна, как никогда.

— Вы задались цѣлью разбить доводы моего здраваго смысла. Прежде чѣм встрѣтиться с вами сегодня, я много думал о прошлой жизни и принял рѣшеніе теперь же измѣнить ея дальнѣйшее направленіе. Ради вас я рѣшил измѣнить свою жизнь. Я всегда был одинок, а теперь меня пугает одиночество... Из всѣх женщин, встрѣченных в жизни, только вас одну прошу быть моей женой. Прошу, милая Ольга, согласиться на это. Мы уѣдем из Шанхая, куда вы захотите. Создадим семью. Я заслуживаю вашего согласія. Я стар, мнѣ так недолго осталось жить, но я люблю вас, как юноша. Вы заставили полюбить себя глубоко и преданно.

— В этом вы ошибаетесь. Вы не способны любить никого, кромѣ себя. Забыли, что всѣх людей, пересѣкающих так или иначе дорогу ва-

шей жизни, вы терпите по необходимости, но всегда презираете. Развѣ это не так? Единственныя, пожалуй, кто могут похвастаться вашей искренней преданностью — это собаки.

— Говоря так, вы подтверждаете, что увлеченіе Тасениным спутало ваш разсудок. Вы не хотите даже замѣчать, что для него вы совершенно безразличны. Правда, вы нужны ему иногда, как женщина в промежутках просвѣтлѣнія от диких идей. Он скоро снова уѣдет искать воплощенія своих сумасшедших теорій о таинственном, а вы - безсильная остановить и удержать около себя, оскорбленная, — будете метаться по городу, ведя пустую жизнь. Будете страдать...

— Может-быть, в этом вы правы. Даже, навѣрное, это будет так... Но только теперь вам не удастся легко убѣдить меня искать успокоенія и утѣшенія в ваших ласках. Тогда я отдала вам себя только потому, что повѣрила, что Тасенин ушел из моей жизни навсегда. Но я ошиблась; он все же вернулся.

— Но уйдет снова.

— Может-быть, чтобы снова вернуться.

— Наступило молчаніе. Слышно было, как в каминѣ, сгорая, потрескивал уголь. Ольга закурила от огонька свѣчи новую сигарету. Погладила голову ближней собаки.

— Неужели вы не можете понять, что мнѣ больно смотрѣть, как ваша молодость гибнет от

совершенно недостойнаго человѣка. Его жизнь никому не нужна.

— Не вам говорить о его достоинствах. Знаете ли вы, что если бы не он, если бы не его заботы обо мнѣ, когда революція выбросила меня ребенком за черту нормальной жизни, меня, может-быть, вообще не было бы теперь в живых. Он, подобрав меня, дал возможность закончить образованіе. Спас меня от многаго. Он - и только он дал мнѣ право на жизнь!

— Понимаю. В благодарность за это потребовал от вас платы собой.

— Он ничего не требовал. Я сама отдала себя.

— Ему пріятно забавляться страданіями любящей женщины. Тупой эгоист, способный любить только свою славу.

— Любить славу я научила его. Эгоистично научила, желая сама блистать в ея лучах.

— Вы ошибаетесь в нем. Он скоро бросит вас совершенно.

В отвѣт на его слова Ольга засмѣялась. Но ея смѣх оборвался через секунды; закрыла глаза; откинула голову к спинкѣ кресла; закусила губу, как бы очнувшись, широко открыла глаза и сказала шопотом:

— Я люблю и буду бороться за свое чувство и за свое мѣсто в его жизни. Увѣрена, что достигну своего желанія. Я могу всего добиться, послѣ того, как заставила вас, человѣка, цѣль кото-

раго, — нажива, — полюбить себя настолько, что вы готовы и хотите ради меня измѣнить свою жизнь. Я докажу вам и заставлю повѣрить в то, что Тасенин ради меня также согласится перестроить свою жизнь.

— Боюсь, что он не сможет этого сдѣлать.

— Интересно почему?

— Вы прекрасно знаете, почему. Он болен; вы знаете, чѣм он болен. Болѣзнь озлобила его и приговорила к смерти. Она превратила его в садиста, в труса, не способнаго даже убить себя и освободить других от своего присутствія. Подумайте, Ольга, над моими словами серьезно. Подумайте о своем будущем с ним. Я зову вас к другому, зову к свѣтлой, тихой жизни. Я обѣщаю дать покой.

— Покой нужен только вам. Мнѣ не нужна тишина жизни, я ищу шума и борьбы, из которой мечтаю выйти с дорогой для меня побѣдой.

— Что называете вы побѣдой? Его смерть?

— Вам скоро будет стыдно, от того что вы могли так говорить о человѣкѣ, который вам не сдѣлал ничего плохого. Озлобленностью привязанность женщины не завоевывают. Вы всего достигли в жизни, но навсегда остались торгашем. Привыкли покупать и продавать, но достигать чувство женщины душой мужчины не научились. Мнѣ жаль вас!.. Да. Тасенин болен... Возможно, что его годы подсчитаны. Со всѣм этим я должна согласиться, но это и есть то главное, от котораго крѣпнет мое чувство к нему.

— Жизнь без вас, Ольга, мнѣ не нужна.

— Так же, как моя мнѣ не нужна без Тасенина.

— Выслушайте меня. Вдумайтесь на минуту в мои слова. Вы вошли в мою жизнь, принесли мнѣ радость и счастье. Уйти из нее теперь у вас нѣт права. Неужели вы настолько жестоки, что способны не щадить мою старость?

— Я не умѣю щадить. Меня никто не научил этому, Он тоже, когда уйдет, то не пощадит мою преданность и любовь. Но я не буду просить у него пощады, а буду просто защищаться.

— Как я могу защитить себя?

— Не знаю. Но знаю только одно, что своим обычным пріемом получить меня вы на этот раз безсильны. Тасенина нельзя разорить и довести до самоубійства.

— Ольга, перестаньте об этом!...

— Извините. Я понимаю, что вам все же непріятно вспоминать смерть любившаго меня Херца. Он стоял около меня, когда я была замѣчена вами, и вы легко смяли его жизнь, расчистили дорогу ко мнѣ, вѣрнѣй к моему тѣлу. Уже думали, что я ваша вещь на все время. Но пришел больной мечтатель и вы безсильны перед ним во всем своем вооруженіи.

— Но, несмотря на все, — вы будете моей.

— Когда?

— Когда он умрет.

Услышав эту фразу, Ольга встала поблѣднѣвшая и испуганная, бросила сигарету в огонь камина. Подошла к окну, всматриваясь в темноту ночи.

— Его скоро не будет, он сознательно ведет себя к гибели.

Стоя у окна Ольга повернулась лицом к Хатчинсону. Покачала головой.

— Нѣт! и тогда я не буду вашей! Я послѣдую за ним. Мою любовь к нему я никому не позволю затоптать.

Отошла от окна, прошлась склонив голову, по комнатѣ, остановилась посрединѣ, как бы вспоминая о чем то. Собаки встали и окружили ее; одна из них ласково лизала ея руку.

— Ольга.

— Что?

— Вы все же не останетесь со мной? Уйдете к нему?

— Да, уйду. Прощайте, Генрих. Мнѣ пора домой...

2.

Весеннія сумерки...

В предмѣстіи Шанхая, около старых даоских храмов, в вишневом саду стоял уютный домик.

Терраса домика окружена цвѣтущими деревьями с трех сторон. Вѣтви, опушенныя розовым и бѣлым пухом цвѣтов, переплетались друг с другом, как бы желая спрятать террасу от чужих глаз. Пол густо посыпан опавщими лепестками. Здѣсь почти не слышно шума гигантскаго города. Только изрѣдка в кумирнях храмов раздается пѣніе молитв или скорбно звучит надтреснутый гонг.

Воздух наполнен пряным ароматом цвѣтов.

На террасѣ столик, на нем хрустальные бокалы с налитым вином. Прозрачное, золотистое вино налито давно, а потому, уснув, не играет пузырьками.

Тихими большими шагами, шагами, помогающими думать, по террасѣ ходила Ольга Соловьева. Ломкая фигура до бедер обтянута серебристой парчей. Широкіе рукава из чернаго тяжелаго шелка похожи на крылья ворона. Длинная юбка оторочена бѣлым пушистым мѣхом. Ноги, путаясь в складках ткани, топчут лепестки цвѣтов.

Около столика в плетеном креслѣ сидѣл Сергѣй Тасенин. Блондин с болѣзненным смуглым лицом, на котором глаза прятались в глубоких впадинах.

Он часто кашлял, иногда подолгу, почти задыхаясь, и от этого лицо, наливаясь кровью, принимало фіолетовый оттѣнок.

Он внимательно слушал говорившую Ольгу.

— Ты должен понять Сергѣй, что твоя новая поѣздка в Тибет — безуміе, упрямо создаваемое для гибели.

— Оля, не надо об этом говорить...

— Ты писал мнѣ, что если я дѣйствительно люблю тебя, ты останешься со мной, и поможешь создать счастье. Ты знаешь как я люблю тебя. Я рада, что ты со мной, могу слѣдить за каждым твоим взглядом и жестом. Я также знаю, что моя преданность тебѣ непріятна. Ты тяготишься ею. И мнѣ грустно от этого. Порой ты даже не стараешься скрыть, что тебѣ со мной скучно. Мучишь меня контрастами своих настроеній. Я не успѣваю иногда их угадывать и раздражаю тебя. Ты со мной, но живешь всегда вдали от меня; твои мысли ни одну минуту не бывают в этом домѣ. Гдѣ онѣ-я не знаю? Когда ты был в Тибетѣ и писал письма, я, перечитывая их, холодѣла от величія твоей души. Считала дни твоего возвращенія. Ты пріѣхал, но тебя нѣт со мной. Пойми, что ради тебя я готова на все. Ради моего чувства я прошу только одного, забудь хотя бы на время о новой экспедиціи. Я прошу так немного. Ты должен прежде всего лѣчиться. Ты сам знаешь, как тебѣ теперь плохо. Твой кашель сводит меня с ума...

— Оля, я много раз просил тебя не говорить о моем кашлѣ.

— Нѣт, я буду говорить о нем. Я видѣла кровь на платках. Вѣрь мнѣ, что теперь еще не

поздно. Твое спасеніе еще возможно. Я говорила с докторами, они вѣрят в твое полное выздоровленіе. Нужно только, чтобы ты повѣрил в него сам. Подумай, что ты идешь искать то, чего не существует. «Храм Жизни» существует только в легендѣ. Так неужели же ради легенды ты пожертвуешь своей жизнью и моим чувством?

Ольга смолкла, подошла к столику, отпила из бокала вино.

Тасенин мучительно закашлялся, она подошла к нему, сѣла на спинку кресла, прижала его голову к своей груди.

— Родной мой, ты же сам сознаешь, что ѣхать теперь не в состояніи.

Кашель Тасенина стих. Ольга гладила его голову и спросила тихо.

— Может-быть, там, куда ты стремишься, у тебя есть другая? Понимаешь? Другая женщина? Существованіе которой ты стараешься скрыть от меня?..

Спросила и стояла перед ним, готовая к любому отвѣту. И Тасенин отвѣтил:

— Нѣт, Ольга, ты одна у меня... Одна выше и дороже всего... Но понимаешь... Я должен ѣхать. Не могу сидѣть на одном мѣстѣ, одержимый вле-

ченіем к скитаніям. Вернувшись к тебѣ, я искал покоя; в тебѣ я хотѣл утопить мятеж желаній... Теперь мнѣ снова в тягость этот покой...

Хочется бурных стремительных смѣн впечатлѣній. Когда я начинаю тебѣ говорить о них, ты пугаешься, развѣнчиваешь мои мечты, доказываешь их пустоту и ненужность. Нѣсколько дней ты стараешься увѣрить меня, что моя новая поѣздка в Тибет ведет к гибели...

Пусть даже так. Но моя гибель здѣсь будет еще болѣе ужасной, когда измученная ты, наконец, сама уйдешь от меня. А ты уйдешь. Ты уйдешь, когда осознаешь, что я просто больной и притом безнадежно. Тебѣ кто-нибудь посовѣтует запереть меня в санаторію. И ты послушно запрешь любимаго для его же спасенія от смерти, ограничишь мой мір квадратом четырех стѣн. Вот чего я боюсь больше всего...

Ты только что сказала, что со мной тяжело... Права в этом. Со мной дѣйствительно невыносимо...

Я мечусь, стараюсь освободиться от самого себя. Порой мнѣ противны собственныя мысли...

Скажи, что болѣе безумно; остаться с тобой и принести горе, вмѣсто ожидаемой радости, или уйти в скитанія и жить твоим чувством в песках пустынь? Не буду скрывать, что все чаще и чаще

я начинаю тебя бояться. Мнѣ кажется, что ты стоишь около меня только для того, чтобы остановить мои шаги к славѣ художника. Зачѣм? Ты первая совѣтовала и учила искать мое вдохновеніе для кисти в тысячелѣтних тайнах Азіи. Послушав тебя, я нашел свою дорогу к славѣ. Мои краски на полотнах раскрыли многія тайны потерянных мертвых культур, но я потерял смысл жизни без новых исканій, без скитаній по просторам Азіи...

И вот теперь, когда я почти на тропѣ к величественному, никому неизвѣстному, чуду міра, ты пытаешься преградить мнѣ путь своей любовью...

Кашель скоро прикует меня к постели...

Моя смерть в городѣ — смѣшная буффонада. Я уйду умирать туда, гдѣ в грудь впервые забрался кашель. Вѣрю, что только дыханіе таинственных азіатских пустынь может засушить раны в легких, только их вѣтры могут выдуть кашель из груди раз и навсегда. Вѣрю также, что именно теперь увижу «Таинственный Храм Жизни», увижу то, чего не видѣл ни один европеец и разскажу о видѣнном тебѣ и всему міру красками на своих холстах...

Ты, навѣрно, никогда не сможешь понять, как меня настойчиво зовут к себѣ еще никѣм неразгаданныя тайны. Я должен их узнать. Онѣ всегда величественны. Онѣ неповторимы, онѣ необъемлемы для фантазіи, их нужно видѣть, чтобы узнать

и разгадать. Влеченіе к тайнам возвышает мое сознаніе, голубым солнцем освѣщает жизнь. Я должен их видѣть. Понимаешь, моя дорогая, я должен!..

Но если кашель помѣшает осуществить желаніе, если я мертвыми губами послѣдній раз поцѣлую пески пустыни, я умру с сознаніем, что ты сохранишь обо мнѣ теплую, долгую память. Умру я, перестанет жить только мое тѣло нервнаго, нуднаго, чахоточнаго фантазера, но моя душа останется жить на моих картинах, которыя будут кричать красками, что послѣ моей жизни у Азіи стало меньше неузнанных тайн...

Тасенин говорил бы еще очень долго, но случайно взглянув на Ольгу, в синих глазах увидѣл силу ея души, и испугался, что, наконец, может ей подчиниться.

— Пойми, милая, что даже твоя красота не может заставить меня забыть настойчивый зов Азіи...

Замолчал и закашлявшись пошел к двери в дом.

— Сергѣй! Подожди минутку. Прежде чѣм уйти сейчас, подумай обо мнѣ, о моем одиночествѣ.

Тасенин остановился у двери и растерянно смотрѣл на Ольгу.

И, не выдержав ея пристальнаго взгляда, рѣзко повернулся и скрылся в черной щели двери...

Ольга стояла неподвижно, смотрѣла на дверь. Ея губы вздрагивали, из глаз сочились слезы...

А в старых кумирнях храмов скорбно и монотонно гонги бормотали низкими басовыми нотами...

3

Десятый час лунной ночи.

Вишни вокруг домика в предмѣстіи Шанхая еще цвѣтут.

Сад, озаренный луной, напоминает декорацію к дѣтской сказкѣ.

В даоских храмах ламы поют молитвы и онѣ звучат, как ноктюрны лунному свѣту.

В просторной гостиной домика нѣсколько человѣк слушали одного.

На стѣнах висѣли полотна Тасенина. Полотна символики и мистики Тибета. Одно из полотен большое. На нем написана темная ночь над песками пустыни. Ночевка каравана верблюдов; около одного из них дымится костер, перед ним молодая монгольская женщина молится, держа на руках тѣльце умершаго сына. Кому она молится? Названіем картины художник отвѣчает любопытным на вопрос «Молитва пророку Шамбалы»...

Зажженныя свѣчи в желѣзной люстрѣ мягко разсѣивали полумрак.

Лунный свѣт, проникая в окна, рѣзко отпечатал на коврах пола голубые рисунки оконных переплетов.

Ольга, освѣщенная, луной, сидѣла на широкой лопасти подоконника. Мечтательно откинувшись к косяку, охватив руками колѣни смотрѣла на декорацію цвѣтущаго сада. Она в свѣтло-зеленом платьѣ с отдѣлкой из шерсти черной обезьяны. Длинная изломанная тѣнь от нея дотягивалась до кресла с Тасениным.

С полумраком стушевывались силуэты остальных слушателей. Нѣкоторые из них курили; вспыхивали огоньки сигарет и плавали по гостиной, паутины табачнаго дыма пересѣкая полосы лунного свѣта.

Под большой картиной на диванѣ, поджав под себя ноги, сидѣл китаец потомок аристократическаго рода, авторитет по исторіи азіатских народов, знаток Монголіи и Тибета, археолог, доктор Ляо-син. В черном шелковом халатѣ, с янтарными четками вокруг шеи. Желтое, сухое лицо выразительно и безстрастно. Умные, быстрые глаза одухотворяли лицо и когда их закрывали вѣки, оно становилось мертво и каменно. Ляо-син разсказывал легенду-истину о сѣдой тайнѣ, скрытой в сердцѣ Тибета.

— Вы давно настойчиво просили меня разсказать вам истину о Храмѣ Жизни. Сейчас луна ярко осѣняет землю, мысли моей памяти прозрачны, как ея холодные лучи, и я готов исполнить ваше желаніе. Мнѣ хорошо извѣстно, что для вас все сказанное мной будет только мало понятная мистическая легенда. Для вас в данном случаѣ едва ли что-либо может значить, даже мой авторитет стараго ученаго. Вы-европейцы привыкли ко всему таинственному подходить с мѣрой точной науки и все непонятное, не постижимое для вас всегда с особенной легкостью называть глупым вымыслом и шарлатанством... Только очень немногіе из вас берут на себя труд задуматься и изучить тайный смысл грядущих истин Востока. Среди нас сейчас мистер Тасенин, он один из немногих европейских художников пришел в Азію увидѣть ее и разсказать красками о хранимых ею тайнах великих будущих откровеній. И ради уваженія к нему я открываю свои уста, произнося слова о великом, но пока еще недоступном для всего человѣчества. Не скрою, что даже и он иногда в нас, изучающих мудрость, видит только ловких профессіоналов и меньше всего истинных мудрецов, приближающих мысли человѣчества обоих полушарій к предѣльному познанію высшаго и божественнаго откровенія грядущаго міра. Но я начал свой разсказ, и мнѣ совершенно безразлично, что подумает каждый из вас о сказанном мною. Великое всегда останется великим...

Я готов произнести священное для Востоа слово. Очистите ваши помыслы от всего злого, пока звук произнесеннаго слова будет жить в этом домѣ...

Я произношу слово — Ш а м б а л а...

Слово знаменует наступленіе новой эры для Азіи и ея народы покорно ждут пришествія владыки Шамбалы — Ригден-Джапо.

Тѣм из вас, кто живет на востокѣ, конечно, уже приходилось слышать, что у народов Азіи жива вѣра в существованіе в Тибетѣ таинственнаго Храма Жизни. О нем вы можете услышать в каждом даже самом глухом углу. О нем вам будет разсказывать ученый брамин в Индіи, китаец рыбак на берегах великой Ян-цзы, монгол споет о нем сказаніе в пустынях Монголіи, просвѣтленный истинами лама будет шептать о нем в тибетском дацанѣ. И все только потому, что у народов велика вѣра в существованіе этого храма.

Вѣчный Храм Жизни охраняет того, кому суждено извѣстить мір о наступленіи Шамбалы... В него уходят величайшіе мудрецы всѣх народов Азіи и посвящают жизнь совмѣстному изученію Мудрости...

Европейскіе ученые, путешественники и изслѣдователи міров от безсилія и зависти, от того, что никому из них не удавалось найти слѣдов, ведущих к нему дорог, называют разсказы о нем лживыми сказками восточных монаков. И вот я, волей

Будды, Ляо-син, заявляю вам со всей гордостью правоты, что такой Храм существует, представляет из себя реальность. Я не только знаю его мѣстонахожденіе, но видѣл его, провел в нем четыре мѣсяца, будучи смиренным гостем великих мудрецов.

Там гдѣ покоится Храм Жизни, там вздрагивает вѣчно живое сердце тибета. Гдѣ же бьется сердце Тибета? Там. Отвѣт на этот вопрос. В скрытой от міра долинѣ, гдѣ то, может-быть, в песках Такламакана или же там, гдѣ теряются тропы, на вершинѣ снѣжных Гималайских хребтов, в одной из их семнадцати вершин, — находится вход в подземелія, ведущія в долину священной страны Шамбалы.

Там Храм Жизни.

Его основанія никто не помнит. Он дряхлѣе пирамид Египта, старше старѣйших пагод на берегах мутноводнаго Ганга.

Отсутствіе у міра данных о мѣстѣ нахожденія Храма скрывается в нежеланіи многих поколѣній мудрецов разглашать о нем преждевременно. Но все тайное становится явным, ибо приближается время, а потому вѣсть о нем, проникая через всѣ преграды, вышла на просторы Азіи, и, разносимая устами племен, превратилась в радостную вѣсть о приближеніи эпохи Шамбалы...

Прежде часто в монастырях Монголіи слыша разсказы о Храмѣ Жизни, я иногда сомнѣвал-

ся в их правдивости. Совершенно неожиданно, три года тому назад, во время своих научных скитаній в глухом горном монастырѣ я вылѣчил мучительную рану на ногѣ одного дряхлаго пилигримма из Непаля. Много совершенно чудеснаго разсказал он мнѣ о своем пребываніи в странѣ Шамбалы и в благодарность за оказанную помошь, послѣ моих настойчивых просьб, согласился взять меня с собой в свое новое путешествіе в священную долину. На этот раз он уходил туда из міра навсегда.

Была темная, дождливая, осенняя ночь. Ураганный вѣтер ревѣл над крышами храмов. В глухую полночь, тайком от всѣх обитателей монастыря, мы отправились в путь... Мы шли сто девяносто три дня. Блуждали по невѣдомым пустыням, со страшными смертоносными для всего живого песчаными бурями. Взбирались на кручи гор, слѣпли на их вершинах от горячих снѣгов. Брѣли почти наугад, влекомые только вѣрой, что не собьемся с правильнаго пути. Я почти умирал, отравленный ядовитыми газами ущелій на первой границѣ Шамбалы. Миновав самые недоступные перевалы Гималаев у вершины «Пяти сокровищ снѣгов», дошли до второй границы Шамбалы — Соляных пирамид Азіи», и скоро достигли, наконец, желаннаго плоскогорія, лежащаго на высотѣ четырнадцати тысяч футов над уровнем моря. Да, простите меня, уважаемые слушатели, если у меня не найдется слов, чтобы передать вам картины снѣжных метелей на

нем, если не смогу описать его невидимыя под снѣгом трещины, паденіе в которыя несет смерть...

Изнемогая от усталости, выбиваясь из послѣдних сил, мы блуждали среди воя ураганов. В тѣ часы, когда наша гибель казалась неминуемой, мой дряхлый спутник молился, распѣвая только ему извѣстные псалмы, заклиная стихіи. Послѣ его молитв исчезала тревога, свѣтлѣла мысль, тѣло наполнялось силами, и я бодро слѣдовал по его слѣдам.

Мы шли вперед день за днем, ночь за ночью.

Встрѣчали на своем пути всадников на бѣлых скакунах. И пилигримм сообщил мнѣ, что, вооруженные луками, они охраняют священные пути к Храму Жизни.

Путь по плоскогорію длился десять дней, мы подошли к его краю, дошли, наконец, до подземнаго хода с обледенѣлыми пещерами спуска в долину таинственной страны.

Темнотой окутала нас наступившая ночь. Устроив привал в одной из пещер, я не мог заснуть от охватившаго меня волненія и наблюдал вспышки феерических огней от отраженія звѣзд в вѣчных снѣгах. Всю ночь я слушал звоны гонгов и дивное пѣніе птиц, доносившееся из окружавших меня, но невидимых пропастей. Порой мнѣ казалось, что я схожу съума. Я готов был считать эти звуки галлюцинаціями слуха. Но наступил разсвѣт,

взошедшее солнце освѣтило величественную, ни с чѣм по своей красотѣ не сравнимую картину. Под моими ногами, среди гордых неприступных, занесенных снѣгом круч, зіяли пропасти с синими волнующимися туманами, и из этих туманов доносились звоны гонгов и тихое пѣніе птиц...

Перед спуском мой спутник долго молился, и только в полдень мы тронулись в путь. Миновав сказочныя пещеры, послѣ трех дней пути по узкой тропѣ на выступах пропасти, мы вошли в ущелье, скалы котораго обросли красным мхом, похожим на запекшуюся кровь с мелкими благоухающими цвѣтами. Вдыхая их аромат, я мучительно боролся со сном. Мой спутник не позволял мнѣ дремать даже на привалах, и только послѣ того, как мы прошли это ущелье, он объяснил, что это «ущелье вѣчнаго живого сна». За ним наш путь тянулся по ущелью «Единаго языка» для народов Азіи, в него пришлось спуститься по узкой, почти отвѣсной каменной лѣстницѣ болѣе чѣм в три тысячи ступеней, и на его тропах аромат ползучей зелени освѣжал наши разсудки. На стѣнах ущелья нам часто попадались высѣченные на камнѣ незнакомые для меня знаки азбуки новаго и единаго языка для всѣх племен. Часто наш путь омывали родники горячей воды, заживлявшія царапины израненных ног. Но вот кончились, наконец, путанные лабиринты безконечных ущелій, и мы вновь вошли в темный подземный тоннель и, вѣдомые невидимыми проводниками, указывавшими нам

путь в темнотѣ вспышками зеленых огней, вышли совершенно изнемогшіе на широкую дорогу, выложенную черным мрамором и увидѣли перед собой благоухающую тропическими растеніями долину царства Шамбалы.

Горы, уходящія вершинами в розовые туманы, окружали долину со всѣх сторон. Среди истино-фантастической, тропической природы, на берегах озер с разноцвѣтной водой я увидѣл странныя по формам строенія из бѣлаго и розоваго мрамора. Нѣкоторые из этих гигантских дворцов были почти круглые, что дѣлало их похожими на шары. И только одна группа зданій, стоявшая на скалах среди озера с фіолетовой водой, была из чернаго мрамора, и над ними возвышалась, уходя к вершинам гор, башня, похожая на американскій небоскреб. Эта группа зданій и заключала в себѣ Храм Жизни...

В то время, как я был там, берега озера с фіолетовой водой были сплошь покрыты цвѣтущими садами черных роз, при видѣ красоты которых самый искусный садовник потерял бы разсудок от зависти. На озерах с хрустально-прозрачной водой я видѣл плавающія чаши рубиновых лотосов. Среди благоухающих полей жило много птиц, наполнявших долину щебетаніем и пѣніем, не смолкающим даже по ночам. По аллеям тѣнистых пальмовых парков, прыгали тонконогія, стройныя газели с удивленными голубыми глазами...

Во дворцах из розоваго мрамора жили мудрецы.

Во дворцах из бѣлаго мрамора жили их ученики.

Из бесѣд с мудрецами я узнал, что в Храмѣ Жизни изучают силу человѣческой воли и возможность сконцентрировать таковую воедино для управленія ею мышленіем народов Азіи. Во дни моего пребыванія там я видѣл мудрецов и мистиков двадцати пяти различных азіатских племен, понимающих друг друга на языкѣ Шамбалы. От мудрецов мнѣ пришлось услышать много высших истин завѣтов их мудрости...

Иногда цѣлыми днями я просиживал на берегу озера, неотрывая глаз от скал с Храмом Жизни. Я уже знал тогда, что в нем бьется сердце грядущаго Майтрейи. Я знал, что в нем живут избранные мудрецы, способные видѣть вѣчность...

Только через мѣсяц моего пребыванія в долинѣ я получил разрѣшеніе посѣтить нѣкоторыя святилища Храма. Свѣтлой, еще болѣе голубой, чѣм сегодня, лунной ночью, когда казалось, что золотистая пыль звѣзд дождем осыпала долину, в сопровожденіи мистика, я босой перешел по мостам озеро и с трепетом взбирался по лѣстницѣ, заросшей орхидеями. Перед золотыми кружевными воротами в Храм, на которых знаки надписи гласили «ум выше природы», я смиренно упал на колѣни.

Мистик едва коснулся рукой серебрянаго гонга,

и гонг тихо запѣл мелодію звона, под которую ворота медленно распахнулись и моим глазам открылся первый зал Храма, слабо освѣщенный огоньками золотых лампад, раставленных полукругом на полу.

В залѣ царила тишина, рождавшая в моем тѣлѣ холод страха. Слѣдуя за мистиком, я медленно шел по нему, разсматривая на стѣнах вышитыя шелком пророческія картины пришествія пророка Шамбалы.

Передо мной, невидимыя в стѣнѣ, раскрылись новыя двери и пропустили в «зал мысли»...

Третій зал «чертог учителя» был пуст и темен; его, по приказанію своего проводника, я прошел, передвигаясь на колѣнях.

И только в залах библіотек, хранящих в себѣ никому неизвѣстныя древнія книги, я увидѣл восемнадцать обитателей Храма. Я видѣл лица высших мудрецов Азіи. Выраженія их лиц, безсильна представить себѣ самая пылкая человѣческая фантазія.

В одном из самых запретных зал «залѣ сна», гдѣ покоятся тѣла мертвых мудрецов, мнѣ показали мудреца, умершаго 2000 лѣт тому назад. Он сидѣл в одеждѣ тибетца и был похож на задремавшаго человѣка; на столѣ перед ним лежала рукопись, над которой он работал перед смертью. В мистической атмосферѣ Храма много тайнаго и необъяснимаго витает вокруг его муміи. Мнѣ при-

шлось услышать, что иногда ее вѣки приподнимаются и из высохших глаз капают слезы, и эти слезы всегда предвѣщают несчастье для народов Азіи. Часто мумія измѣняет позы. Я слышал также, что перед революціей в Китаѣ она совершенно исчезла из храма и через нѣсколько лѣт вновь неожиданно вернулась.

В Храмѣ я видѣл Чашу Будды - Чашу Жизни, исчезнувшую из Лхассы, во время перенесенія ея из Пешевара. Видѣл также изображеніе Пророка, даровавшаго міру христіанство. Образ Пророка из Назарета высѣченный на камнѣ привез в Храм пилигримм из Индіи...

В Храмѣ Жизни понята истина всѣх тайн.

Там извѣстно все, что в будущем ожидает весь мір.

Восемнадцать великих мудрецов постигли Истину.

Постепенно их воля, вбирая в себя волю народов Азіи, соединяется воедино, чтобы править и, создав единство мышленія, привести Азію к величію славы и главенства над всѣм міром.

В святое-святых Храма «Башню Воли» меня не допустили...

Мудрецы, живущіе в Храмѣ, развили в себѣ способность ясновидѣнія до предѣльных масштабов. Всѣ они глубокіе старцы. Мнѣ указывали на одного из них, которому было свыше двухсот лѣт, но он выглядѣл болѣе бодрым, чѣм я.

Теперь вы ждете от меня слов о нем, о том, который воплотит в себѣ Шамбалу и явится Азіи и міру. Грядущаго Майтрейю-я видѣл только один раз. Он проскакал по долинѣ на конѣ, как огненный вихрь, сопровождаемый закованными в броню всадниками...

Владыка Шамбалы — Ригден-Джапо.

Четыре мѣсяца провел я в царствѣ Шамбалы, каждый день поражаясь видѣнным и слышанным и только послѣ торжественной клятвы получил возможность вернуться в мір для проповѣди о существованіи Храма.

Я вернулся и для скептиков, ослѣпленных мнимой ученостью, принес с собой сухіе лепестки черных роз и золотыя перья священных птиц. Я принес в себѣ для племен Азіи несокрушимую вѣру в наступленіе эпохи Шамбалы...

Ляо-син смолк.

Пристальным взглядом осмотрѣл лица слушавших.

Встал и, подойдя к лакированному столу, достал из кармана сверток, и, развернув его, осторожно высыпал на стол из шелковаго платка лепестки черных роз и бѣлыя перья священных птиц.

Поклонился, простившись со всѣми, и вышел...

***

Слѣдом за Ляо-сином, простившись с хозяевами, молча ушли всѣ слышавшіе его разсказ.

Остались только Ольга и Тасенин.

Ольга подошла к столику и, внимательно смотрѣла на оставленные китайцем лепестки и перья.

Тасенин подошел к ней сзади и хотѣл что то сказать, но сильный приступ кашля задушил слова. Кашлял долго, почти совершенно задыхаясь. Ольга обняла его, он припал головой к ея груди. А когда кашаль стих, то на груди Ольги на свѣтло-зеленом платьѣ темнѣли пятна крови. Ольга, замѣтив их, прикрыла рукой. Тасенин стоял перед ней, как, виноватый ребенок.

Прости меня, дорогая! Я не знал, что опять будет кровь...

4

Обыкновенная осенняя ночь.

Обыкновенная лунная ночь.

Темная комната Тасенина.

Сквозь стекла окон ее освѣщает луна. Не всю освѣщает, а только узкую полосу. Эта полоса захватила край письменнаго стола, на нем портрет Ольги, рѣзной курительный столик в углу, запакованные чемоданы и большое овальное зеркало на стѣнѣ.

Зеркало-нѣмой, но безпощадный критик происходящаго вокруг.

Перед ним Тасенин. Он отражен в зеркалѣ черным силуэтом в мягком ореолѣ луннаго свѣта. Портрет снятый мягким фокусом. И когда он кашляя нервно вскидывает голову, лунный луч скользит по правому глазу, и от этого глаз вспыхивает, как искры бриллıанта на женской рукѣ.

Уже третій день Тасенин часами простаивает перед зеркалом, всматривается в свое отраженіе, ищет в глазах покой.

Бездушное стекло отражает человѣка, одухотвореннаго мыслями.

В зеркалѣ в своих глазах он прочел поэму любви к Ольгѣ. Только вчера вдруг при мысли об Ольгѣ, почувствовал в душѣ тепло.

Наступило сегодня. Его послѣдняя ночь в Шанхаѣ...

Завтра утром он уѣдет искать величайшую тайну Тибета, ту тайну, о которой так вдохновенно разсказал Ляо-син.

Но сегодня он в первый раз почувствовал боль при мысли, что завтра не будет видѣть Ольги. Не будет слышать ея голоса. Он вдруг осознал свой эгоизм, свою неправоту, понял, что ея страданія, ея любовь к нему настолько велики, что перед ними меркнет все. Меркнет все, что он искал, ищет и будет искать.

Слушая свой кашель, глядя на пятна крови на платках, он понял свою физическую безпомощность, понял, что смерть дѣйствительно близка, что она не позволит осуществить задуманное, понял, что он не может лишить Ольгу своего присутствія. Смерть придет и отнимет тепло жизни. Отнимать у Ольги свой труп он не имѣет права.

Всю свою жизнь мечтал и на дорогѣ к самой завѣтной мечтѣ ему преградили путь двое: туберкулез и женщина.

Хрупкая красивая женщина магическим словом — любовь запретила идти к мечтѣ. Голубыя озера женских глаз утопили в себѣ его волю, утопили дерзость, увѣрили разсудок в том, что они для него самое цѣнное, самое высшее... И то, что вчера было окончательно рѣшено, сегодня им отвергнуто. Еще только вчера он, признанный путешественник, говорил представителям прессы о том, какими путями пойдет искать Храм Жизни. Долгіе мѣсяцы, готовившись к этому путешествію, он, как крот зарывшись в книгах и картах, намѣчал пути, жил мечтой до бреда во снѣ...

И все это сегодняшняя ночь смывала, как мокрая губка неудачно рѣшенную задачу на грифельной доскѣ.

Ольга—маленькая дѣвочка-сиротка, подаренная ему судьбой гдѣ-то на глухом сибирском полустан-

кѣ, выращенная им в женщину, полюбившая его, так довѣрчиво подарившая ему страсть тѣла, пробудила в его душѣ чувство, которое он всѣми силами старался в себѣ задушить. В хаосѣ фантастических мыслей мечтателя она сумѣла отыскать сокровенную маленькую мысль о ней и из нея молчаніем своих страданій раздула костер, все сжигая в его ярком пламени...

Послѣднія недѣли они почти не видѣлись. Она избѣгала встрѣч. Он готовился к отъѣзду. Ольга уѣзжала из дома, металась в угарѣ веселія, никогда больше не говорила о любви, не умоляла отказаться от путешествія.

Два дня ее совершенно не было дома. Она знала, что завтра он покинет Шанхай и, понимая, что прощаніе будет трагично, намѣренно не пріѣзжала домой. Весь вечер он ѣздил по городу, искал ее всюду и, не найдя, измученный вернулся домой. Разбитый ходил по своей комнатѣ, стоял перед зеркалом, произнося ея имя...

Сейчас лицо Тасенина особенно блѣдно. Мертвец, вставшій перед зеркалом. Он ждал Ольгу, вѣрил, не допускал мысли, что она не вернется домой в эту ночь. Но ея не было...

Давно тянется ночь.

До звона в ушах он напрягает слух, но не слышит ея шагов. Во всем тѣлѣ озноб и особенно он

чувствителен у корней волос. Его руки повисли, как плети, безпомощно. Правая не может подняться, чтобы стереть со лба капли липкаго, холоднаго пота. Глаза видят, как его силуэт слегка покачивается в зеркалѣ. Покачивается, как останавливающійся маятник часов, которые забыли завести...

***

Лунная ночь, все еще тянется и Тасенину кажется, что она будет безконечна. Теперь он знает, что его жизнь будет сырой холодной, вѣтреной ночью, от которой он будет дрожать, как бездомный слѣпой щенок.

Он все еще не теряет надежды на приход Ольги, ходит теперь по гостиной среди своих картин, среди фантазій отданных полотну и краскам. Смотрит в глаза монгольской женщины молящейся грядущему пророку. Но сейчас эти глаза только картина; они не влекут, как прежде, не будят новую фантазію, ему хочется вмѣсто них видѣть живые, синіе глаза Ольги...

Ходит, вслушивается в наружные шорохи ночи. Смотрит в окна, видит голыя вѣтви деревьев осыпавшагося сада.

Вздрогнул. Что это? Или опять только показалось? Но ясно слышал повторный гудок автомобиля, шуршаніе шин по песку аллеи. Это не обман слуха, подбѣжал к окну, видѣл, как по аллеѣ шла Ольга. Шла устало и медленно. Закричал Тасенин.

— Ольга.

Но приступ кашля задушил ясность произнесеннаго имени. Когда перестал кашлять, услышал шаги уже совсѣм близко. Открылась дверь. Ольга зажгла свѣт и остановилась у двери от неожиданной встрѣчи.

— Я думала, что ты уже спишь? Тебѣ рано вставать...

Прошла мимо него в спальню, снова вернулась с дымящейся сигаретой, на окнах закрыла шторы, была, в том самом платьѣ, в котором на террасѣ в весеннія сумерки послѣдній раз говорила о своей любви. Ходила пошатываясь, как будто совершенно не сознавая сама того, что ходит. Замѣтила, что Тасенин смотрит на нее.

— Не обращай на меня вниманія. Я много пила.

— Ольга.

Вздрогнула, услышав его хриплый голос, остановилась и пристально всмотрѣлась в его землисто-сѣрое лицо. Сдѣлала к нему шаг и остановилась.

— Успокойся, дорогая!

Кашель душил Тасенина, не давал говорить.

— Выслушай меня.

— Знаю, что скажешь. Умоляю тебя, Сергѣй, не мучь меня! Я помню, что утром ты уѣдешь. Слышишь? Помню.

— Я о другом хочу сказать. Я люблю тебя. Единственное, что цѣнно для меня в жизни-это ты и твоя любовь. Я завтра не ѣду. Остаюсь с тобой до тѣх пор, пока ты сама не пошлешь меня.

Пораженная, растерянная Ольга слушала его слова, прерываемыя кашлем.

— Я правду говорю. Вѣрь мнѣ на этот раз.

Громкій смѣх Ольги, перешедій в рыданія, прервал его слова, хотѣла подойти к нему, но, сдѣлав шаг, упала на пол.

Тасенин бережно поднял ее, усадил на колѣни, прижал к себѣ. Держал ласково, как матери держат на руках больных дѣтей. Долго она не могла успокоиться, плакала, прижавшись к его хрипящей груди и шептала:

— Ты не бойся остаться со мной. Ты поправишься, поѣдешь и все увидишь. Ты возьмешь меня с собой. Мы оба увидим с тобой Таинственный Храм Жизни...

Тасенин цѣловал синіе влажные от слез глаза

Цѣловал глаза излучавшіе любовь и радость...

ТОГО—ЖЕ АВТОРА.

Только мое, а может быть и ваше.

(Распродано)

Тургеневская сказка.

Косая Мадонна (2-ое изданіе).

Женщины у полярных звѣзд.

Фарфоровый китаец качает головой.

Лэди.

Озеро голубой цапли.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Сочинитель “Мертвых душ„

Листья на снѣгу.

Желтая Венера.